

2016 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Психология профессиональной деятельности

Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Авдеев Е.С., Бовина И.Б.

Профессионализм в деятельности директора школы:
особенности обыденных представлений в группах директоров,
учителей и родителей

1-13

Экстремальная и кризисная психология

Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Дубинский А.А., Васильченко А.С.

Психологические и психовегетативные технологии диагностики
и коррекции поведения специалистов, работающих
в экстремальных условиях
(состояние проблемы и перспективные исследования)

14-29

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Дегтярев А.В., Галкина Е.А.

Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки
специалистов для работы с детьми
в юридически значимых ситуациях (Часть 2)

30-39

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Петров В.Е., Кокурин А.В.

Особенности применения Пятифакторного личностного опросника
в деятельности психологов органов внутренних дел

40-47

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Зубкова А.А., Ошевский Д.С.

Индивидуально-психологические и социальные факторы риска
агрессивного криминального поведения
у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга

48-60

Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г. и др.

О неправомерности определения достоверности показаний
путем судебной экспертизы. Информационное письмо

61-78

Мартынова И.Р.

Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения
у несовершеннолетних с делинквентным поведением,
не достигших возраста уголовной ответственности

79-88

Ювенальная юридическая психология

Назарова Н.Г.

Особенности применения Пятифакторного личностного опросника
в деятельности психологов органов внутренних дел 89-103

Нуцкова Е.В.

Структура психологических последствий сексуального насилия
и злоупотребления в отношении детей и подростков 104-121

Сафуанов Ф.С., Бодрова О.К., Докучаева Н.В.

Декриминализация статей Уголовного кодекса и
формирование «нормы возмездия» у школьников 122-141

Терехина С.А., Чирикина Е.С.

Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение
к родителям у девушек периода ранней взрослости 142-161

Умняшова И.Б., Егоров И.А.

Нормативные основания организации психолого-педагогической экспертизы
в системе образования Российской Федерации 162-177

Федонкина А.А.

Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к
осознанному руководству своими действиями 178-192

Профессионализм в деятельности директора школы: особенности обыденных представлений в группах директоров, учителей и родителей

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (dvorian@gmail.com)

Будыкин С.В., аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (moscow858@yandex.ru)

Авдеев Е.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (avdeeves@mgppu.ru)

Бовина И.Б., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (innabovina@yandex.ru)

Цель исследования заключалась в выявлении и анализе обыденных представлений о профессионализме в деятельности директора школы.

Объект исследования – группы взрослых, связанных с образовательным процессом. Выборку составили директора и заместители директоров ряда школ г. Москвы, учителя и родители школьников. Общий объем выборки – 166 человек (N=55 директоров и заместителей, N=57 учителей, N=54 родителя) в возрасте от 22 до 68 лет. Предмет исследования – особенности обыденных представлений о профессионализме в деятельности директора школы. Мы выдвинули общее предположение, что группы директоров, родителей и учителей будут различаться по соотношению функциональных и нормативных элементов; в группе директоров в представлении о профессионализме будут доминировать функциональные элементы, в группе учителей ожидается выявить как нормативные, так и функциональные элементы, в группе родителей – преимущественно нормативные. Основным методом исследования был опрос. Для его реализации был составлен опросник. В соответствии с теорией социальных представлений, в рамках которой было разработано исследование, ключевой методикой была методика свободных ассоциаций.

Наше предположение получило частичную эмпирическую поддержку. Результаты обсуждаются с точки зрения теории социальных представлений.

Ключевые слова: профессионализм, директор школы, учителя, родители, теория социальных представлений.

Для цитаты:

Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Авдеев Е.С., Бовина И.Б. Профессионализм в деятельности директора школы: особенности обыденных представлений в группах директоров, учителей и родителей. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С.1-13.
doi: 10.17759/psylaw.2016060301

For citation:

Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V., Avdeev E.S., Bovina I.B. Professionalism in the work of the Director of the school: features of ordinary representations of groups of principals, teachers and parents. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.1-13.
doi: 10.17759/psylaw.2016060301

Введение. Проблема профессионализма уже неоднократно привлекала внимание исследователей в рамках психологической и педагогической науки [1; 4–6]. В литературе можно обнаружить целый ряд определений профессионализма, обсуждение специфики двух взаимозависимых сторон профессионализма – профессионализма личности (включающего целый набор характеристик субъекта труда: с одной стороны, профессионально важные качества, с другой – особенности мотивационной и ценностной сфер и пр.) и профессионализма деятельности (включающего профессиональную компетентность, навыки и умения, связанные с успешной деятельностью), выделение критериев профессионализма (будь то критерии объективные и субъективные, качественные и количественные, касающиеся как процесса, так и результата деятельности и пр.) [4–6]. В фокусе внимания исследователей зачастую оказывался вопрос профессионализма учителя [1; 4].

Оставляя в стороне дискуссию о научной трактовке феномена профессионализма, обратимся в настоящей работе к анализу обыденных представлений о профессионализме. Анализ этой проблемы видится нам достаточно актуальным, ибо в настоящее время происходят процессы укрупнения школ и формирования новых структурных единиц, где перед администрацией школы ставятся качественно новые задачи, «популяционное» знакомство с которыми едва ли имеется у директоров. Разрабатываются новые требования, предъявляемые к руководителям школ, так называемый профессиональный стандарт руководителя образовательной организацией, согласно которому, директору школы предписывается выполнение разнообразных управленческих задач высокого уровня. То,

насколько эффективно¹ директора школ справляются с новыми задачами, оказывается в фокусе обсуждения как учителей, так и родителей учеников, в каждом случае дискурс обладает своей спецификой, ибо критерии эффективности деятельности и профессионализма ее исполнения разнятся в понимании учителей и родителей.

Итак, главный вопрос, на который мы стремились ответить здесь, – какова специфика обыденного понимания профессионализма в деятельности директора школы в различных группах, так или иначе связанных с образовательным процессом. В качестве теоретической перспективы анализа проблемы была выбрана теория социальных представлений [15]. Мы исходили из определения социальных представлений, предложенного С. Московиси: «...система ценностей, идей и практик с двойной функцией: во-первых, устанавливать порядок, который позволил бы индивидам ориентироваться в социальном и материальном мире и подчинять его; во-вторых, делать возможными коммуникации среди членов группы, обеспечивая их кодом для социального обмена и кодом для того, чтобы называть и классифицировать определенным образом различные аспекты их мира, их индивидуальной и групповой истории» [15, р.хiii]. Таким образом, социальные представления – это некий способ сделать мир понятным, чтобы действовать в нем, это средство для облегчения коммуникаций в группе, это некое «практическое знание», необходимое в повседневной жизни. Если в научном понимании профессионализм включает достаточно солидный набор характеристик субъекта труда или качества его деятельности, то обыденное мышление делает выбор в пользу небольшого количества, так сказать, необходимых и достаточных, характеристик.

В соответствии с теорией социальных представлений, а именно – с ее структурным подходом [8–10], мы принимали во внимание, что объектом представлений становится не любое явление нашей жизни, а только ее меняющиеся феномены, таким образом, потенциальные объекты представлений должны обладать следующими характеристиками: во-первых, это «социокогнитивная выпуклость»² объекта представления в настоящий момент в настоящей культуре; во-вторых, группа, чьи представления потенциально могут оказаться в фокусе внимания исследователей, должна иметь тот или иной опыт действия в отношении объекта представлений [14]. Понятие профессионализма в деятельности директора школы и обладает такими признаками. Участники обыденной дискуссии наделяют своими смыслами, различающимися в зависимости от специфики взаимодействия с объектом представлений. В нашем случае речь идет о трех группах в различной степени связанных с образовательным процессом – собственно директорах школ, учителях и родителях [7]. С одной стороны, мы имеем дело со своего рода *экспертами* – директорами, это качество их деятельности оценивается в связи с профессионализмом. С другой стороны,

¹ В нашем недавнем исследовании было показано, что в обыденных представлениях об эффективном директоре в зоне ядра встречается понятие профессионализма [2]. Этот факт привлек наше внимание.

² К.Фламен и М.-Л.Рукет обращают внимание на тот факт, что объект представления должен являться некоторой абстракцией, общим понятием, включающим набор конкретных случаев; кроме того, потенциальный объект должен быть так или иначе представлен в коммуникациях [14]. Объектами представлений становятся новые явления или те, которые попадают в дискурс, приобретаю социальную значимость в тот или иной момент.

есть две группы – учителей и родителей, имеющих другой уровень и опыт взаимодействия с объектом представлений, в случае учителей – это *непосредственный опыт взаимодействия*, в случае родителей – этот опыт взаимодействия является *опосредственным*.

Программа исследования. Цель исследования заключалась в выявлении и анализе обыденных представлений о профессионализме в деятельности директора школы. Исходя из идей структурного подхода, достижение заявленной цели предполагало реализацию следующих задач: 1) выявление структуры и содержания обыденных представлений о профессионализме в трех группах участников образовательного процесса; 2) сравнение структуры представлений в трех группах.

Объектом исследования являлись директора школ, учителя и родители – группы взрослых, связанных с образовательным процессом. *Выборку* составили руководители (директора и заместители директоров ряда школ г. Москвы), учителя и родители школьников. Общий объем выборки – 166 человек (N=55 директоров и заместителей³, N=57 учителей, N= 54 родителя) в возрасте от 22 до 68 лет (в группе директоров – M=47,02 лет, SD=9,54 лет; в группе учителей – M=39,63 лет, SD=9,51 лет, в группе родителей – M=37,17 лет, SD=7,02 лет), в исследовании приняли участие 141 женщина и 24 мужчины, 1 респондент не указал своего пола. Все респонденты имели высшее образование. Стаж работы в должности в группе директоров варьировал от 10 месяцев до 30 лет.

Респонденты в группе родителей имели от 1 до 4 детей, как минимум, одного ребенка школьного возраста. *Предмет исследования* – особенности обыденных представлений о профессионализме в деятельности директора школы. Основываясь на результатах немногочисленных исследований, базирующихся на концепции дистанции по отношению к объекту представления⁴ [13], в которых было продемонстрировано, что различная дистанция по отношению к объекту представлений, актуализирует качественно отличающиеся друг от друга элементы представлений (большая дистанция – нормативные элементы, т. е. связанные с ценностями, нормами или стереотипами; маленькая дистанция – функциональные элементы, т. е. связанные с какими-либо действиями), мы выдвинули общее предположение, что группы директоров, родителей и учителей будут различаться по соотношению функциональных и нормативных элементов, т. е. в группе директоров в представлении о профессионализме будут доминировать функциональные элементы, в группе учителей ожидается выявить как нормативные, так и функциональные элементы, в группе родителей – преимущественно нормативные элементы.

Основным методом исследования был опрос. Для его реализации был составлен опросник. В соответствии с теорией социальных представлений, ключевой методикой для выявления обыденных представлений явилась методика свободных ассоциаций, позволяющая выявить латентную структуру семантического пространства изучаемого

³ Как свидетельствует статистический портрет директоров школ [3], 81% директоров в мегаполисах составляют женщины, а 92,8% руководителей школ достигли 35-летнего возраста.

⁴ Концепция объясняет влияние социальной практики в отношении объекта на представления о нем.

понятия или явления, которое и является объектом представления. Респондентов просили написать не менее пяти слов или словосочетаний, ассоциирующихся с понятием «профессионализм в деятельности директора школы». Исходя из качественно-количественного критерия, для выделения структуры представления нами была использована так называемая методика «значимость–частота» [12]. Таким образом, респондентам предлагалось оценить каждую высказанную ими ассоциацию по 10-балльной шкале с точки зрения значимости, а также по 7-балльной шкале – с точки зрения валетности (от «-3» до «+3»).

Описание и анализ результатов. В целом респонденты в группе директоров предложили 273 ассоциации, в группе учителей – 285, в группе родителей – 270. Основной анализ структуры представления основывался на понятиях, упомянутых, как минимум, 10% респондентов. Таким образом, в группе директоров было проанализировано 54,6% от общего количества ассоциаций; в группе учителей и родителей – по 42%. Параметры, определяющие границы зон представления – зоны ядра и периферической системы – таковы: *группа директоров* – Med частота=9, Mзначимость = 9,04, *группа учителей* Med частота=8,5, Mзначимость = 8,78; *группа родителей* - Med частота= 9, Mзначимость = 8,69. =

Таблица 1

Элементы, образующие ядро и периферию обыденных представлений о профессионализме в деятельности директора в трех группах респондентов

...	<i>Группа директоров</i>	<i>Группа учителей</i>	<i>Группа родителей</i>
Высокая частота, большая значимость	Стратегическое мышление (17; 9,65; 7,00). Компетентность* (17; 9,53; 6,47). Управленец (16; 9,50; 6,44). Коммуникативные навыки (14; 9,43; 6,57)	Ответственность (18; 9,22; 6,67). Компетентность (16; 9,25; 6,81). Креативность (11; 9,82; 6,91). Профессионал* (8; 9,13; 6,63). Эрудиция (8; 9,50; 6,88)	Ответственность (14; 8,93; 6,64.) Педагог (13; 8,77; 6,00). Компетентность (11; 9,18; 6,73). Управленец (11; 9,18; 6,36). Организатор (11; 8,91; 6,27)
Низкая частота,	Эффективность (5; 9,40; 6,60).	Стратегическое мышление (7; 9,29; 7,00)	Коммуникативные навыки

высокая значимость	Новаторство (5; 9,40; 6,80)		(7; 9,00; 6,71). Образованный (5;9,00; 6,20)
Высокая частота, низкая значимость	Умение работать с коллективом (12; 8,58; 6,83). Ответственность (12; 7,58; 6,18) Делегирование полномочий (10; 8,30; 6,60). Креативность (9; 9,00; 6,56)	Справедливый (15; 8,73; 6,27). Активный (9; 6,78; 6,67). Забота о коллективе (9; 8,33; 6,33)	Порядочность (15; 8,47; 6,67)
Низкая частота, низкая значимость	Принятие решений (8; 8,13; 6,58). Стрессоустойчивость (7; 8,67; 6,00). Справедливость (6; 8,83; 6,83). Лидерские способности (5; 9,00; 6,60). Целеустремленность (5; 8,00; 6,40)	Коммуникативные навыки (7; 8,43; 6,71). Добрый (6; 8,17; 6,50). Лидерские способности (6; 8,17; 6,50). Образованность (6; 7,83; 6,50)	Внимание к детям (7; 8,43; 6,14). Справедливость (7; 7,86; 5,57). Опыт (6; 8,00; 6,17). <i>Профессионал</i> (6; 7,83; 6,50)

Примечание: В скобках указаны следующие показатели: частота понятия, среднее значение значимости понятия; среднее значение валентности понятия.

«**» – Понятия *компетентность* и *профессионал* были исключены из анализа, ибо одно из них синонимично объекту представлений, а другое – однокоренное объекту представлений.

Напомним, что, согласно структурному подходу, ядро представления (или центральная система, стабильная и устойчивая часть представления, связанная с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами [8]) выполняет

смыслообразующую и структурирующую функции. Таким образом, анализ структуры представления предполагает первостепенное внимание именно к этой его части, равным счетом, как и сравнение представлений основывается на сопоставлении элементов этих зон представлений. Периферическая система представления – вариативная и изменчивая часть – объединяет элементы, связанные с индивидуальной памятью и индивидуальным опытом, это связующее звено между ядром и конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и функционирует само представление [8]. Это положение теории социальных представлений и будет направлять наш анализ данных.

При общем взгляде на элементы, образующие ядро и периферию представления в каждой группе (табл. 1), можно заметить, что все элементы имеют позитивную валентность (от 5,57 до 7,00 по 7-балльной шкале); кроме того, существуют сходные элементы (попарно или во всех группах): *ответственность, креативный, стратегическое мышление, справедливость, лидер, образованность, коммуникативные навыки, управленец, взаимодействие с коллективом*, однако о сходстве представлений можно говорить только тогда, когда совпадает не только содержание, но и местоположение элементов.

Рассмотрим содержание и структуру представления в каждой группе отдельно. В группе директоров представление кристаллизуется вокруг элементов: *стратегическое мышление, компетентность, управленец, коммуникативные навыки* (зона ядра). С точки зрения большинства, – это то, за счет чего достигается профессионализм в деятельности директора школы. Контрастирующие элементы (т. е., по сути, позиция меньшинства, противостоящая позиции большинства) таковы: *эффективность и новаторство*. Исходя из теории социальных представлений [9; 11], эти две зоны представления отражают две позиции, вокруг которых выстраивается дискурс о профессионализме в этой группе. В периферической системе располагаются элементы, второстепенные – как в иерархии представления, так и в дискурсе о профессионализме. Многочисленные, но менее значимые элементы (первая периферическая система): *умение работать с коллективом, ответственность, делегирование обязанностей, креативность*; малочисленные и менее значимые (вторая периферическая система): *принятие решений, стрессоустойчивость, справедливый, лидерские способности, целеустремленность*. Таким образом, обыденное представление о профессионализме в группе директоров образовано нормативными и функциональными элементами, в зоне ядра располагаются функциональные элементы, которые касаются исполнения деятельности руководителя школы, в остальных зонах представления содержатся как функциональные (умения, навыки, поведение, связанные с выполнением деятельности руководителя), так и нормативные (связанные с общими характеристиками личности) элементы.

В группе учителей представление сформировано вокруг элементов (зона ядра): *ответственность, компетентность, креативность, профессионал, эрудиция*. Контрастирующие элементы представления: *стратегическое мышление*. Как и в группе директоров, эти элементы образуют две противостоящие позиции в дискурсе о

профессионализме. Менее важные элементы представления: *справедливый, активный, взаимодействие с коллективом* (первая периферическая система), *коммуникативные навыки, добрый, лидер, образованный* (вторая периферическая система). Как и в группе директоров, представление образовано как функциональными, так и нормативными элементами (если рассматривать все зоны представления), смыслообразующими элементами являются нормативные элементы.

Наконец, в группе родителей зона ядра включает элементы: *ответственность, педагог, компетентность, управленец, организатор*. Этой позиции противостоят другая, располагающаяся в зоне контрастирующих элементов: *коммуникативные навыки, образованность*. Менее значимые элементы представления: *порядочность* (первая периферическая система); *внимание к детям, справедливость, опыт, профессионал* (вторая периферическая система). Представление формируется вокруг элементов, как нормативных, так и функциональных.

Обращает на себя внимание специфика, выявленная в представлении родителей. Рассмотрим тему, объединяющую элементы: *ответственность, порядочность, справедливый*. Она затрагивает морально-нравственные аспекты личности директора. Эта тема присутствует в представлениях как директоров, так и учителей. Если в группе учителей и родителей эта тема значима (элемент ответственность располагается в зоне ядра, остальные элементы – в периферической системе), то в группе директоров она занимает второстепенное значение (элементы располагаются в периферической системе). Также любопытным видится факт, что в понимании родителей профессионализм в деятельности связывается с педагогическим образованием директора (элемент зоны ядра), в то время как в представлениях в группах учителей и директоров этого элемента нет.

Наконец, *внимание к детям* – элемент, присутствующий только в представлениях родителей, в группе учителей или директоров эта тема отсутствует.

Полученные результаты позволяют сделать заключение о том, что наше исходное предположение о нормативных и функциональных элементах в представлениях о профессионализме в группах директоров, учителей и родителей получило частичную поддержку; представление в группе директоров образовано функциональными элементами, в группе учителей ключевыми оказались нормативные элементы, в группе родителей – нормативные и функциональные. Факт, который соответствует положениям концепции о дистанции по отношению к объекту представлений, был продемонстрирован и в нашем исследовании – маленькая дистанция по отношению к объекту актуализирует функциональные элементы. Не вызывает сомнений – на теоретическом уровне – и то, что большая дистанция актуализирует нормативные элементы, однако, полученные результаты ставят под сомнение специфику взаимодействия с объектом представлений в группе учителей и родителей, что требует дальнейшего анализа.

Выводы. В фокусе нашего внимания в настоящей работе было изучение обыденного понимания о профессионализме в деятельности директора школы. Опираясь на идеи теории социальных представлений, в частности ее структурного подхода, мы провели исследование в трех группах взрослых, связанных с образовательным процессом – директоров школ, учителей и родителей школьников. В отличие от научной трактовки профессионализма, которая включает достаточно солидный набор характеристик субъекта труда или качества его деятельности, обыденная трактовка делает выбор в пользу небольшого количества характеристик. В каждой группе – директоров, учителей и родителей – была выявлена специфика понимания профессионализма в деятельности директора школы. В частности, были выявлены первостепенные и второстепенные элементы, характеризующие семантическое пространство понятия «профессионализм». В группе директоров первостепенные элементы имели функциональные коннотации, второстепенные – как функциональные, так и нормативные. В группе учителей – первостепенные элементы имели нормативные коннотации, а второстепенные – нормативные и функциональные. Наконец, в группе родителей как первостепенные, так и второстепенные элементы имели нормативные и функциональные коннотации. Наше изначальное предположение получило частичную эмпирическую поддержку.

Любопытным, с теоретической точки зрения, был бы анализ обыденного понимания профессионализма в группах старшеклассников как участников образовательного процесса. Кроме того, концепция дистанции по отношению к объекту представления также предполагает свое дальнейшее развитие, что позволит изучить влияние социальной практики на специфику социальных представлений.

Литература

1. *Асадов Ю.М.* Сущность и научные определения феномена профессионализма учителя // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3, С. 564–569.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Авдеев Е.С., Сафуанов Ф.С.* Эффективный директор школы в представлениях руководителей образовательных учреждений [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65828.shtml (дата обращения: 09.07.2016).
3. *Бысик Н.В., Каспржак А.Г.* Директор современной российской школы: статистический портрет, система подготовки, практики управления. Часть 1 // Факты образования. 2016. № 5. 17 с.
4. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МО-ДЭК», 1996. 400 с.
5. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
6. *Сластенин В. А.* Профессионализм учителя как явление педагогической культуры // Педагогическое образование и наука, 2008. № 12, С. 4–15.

7. Шведовская А.А. Особенности реализации различных стратегий взаимодействия в диадах «ребенок–мать» // Психолог в детском саду. 2005. № 4, С. 115–123.
8. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations // *Papers on Social Representations*. 1993. № 2. P. 75–78.
9. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / Sous la dir. J-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
10. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 425p.
11. Bonnac Y. Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // *La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales* / Sous la dir. de S.Laurens, N.Roussiau. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002. P. 175–185.
12. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. Vol. 17. P. 1–9.
13. Dany L., Urdapilleta I., Monaco G. L. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. 2014. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
14. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
15. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. London: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.

Professionalism in the work of the Director of the school: features of ordinary representations of groups of principals, teachers and parents

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Budykin S.V., Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (moscow858@yandex.ru)

Avdeev A.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education (avdeeves@mgppu.ru)

Bovina I.B., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)

The purpose of the study was to identify and analyze everyday notions of professionalism in activities of the school Director.

The object of the research – group of adults associated with the educational process. The sample consisted of Directors and Deputy Directors of a number of Moscow schools, teachers, and parents of students. The total sample size was 166 persons (N=55 principals and Vice, N=57 teachers, N=54 parents) at the age from 22 to 68 years. The object of research – features of everyday notions of professionalism in activities of the school Director. We put forward a General assumption that the groups of Directors, parents and teachers will vary the ratio of functional and regulatory elements; in the group of Directors in the idea of professionalism will dominate the functional elements in the group of teachers is expected to identify both the normative and functional elements, the group of parents – mostly normative. The main research method was a survey. For its implementation was drawn up a questionnaire. In accordance with the theory of social representations within which we developed the research, the key methodology was the technique of free Association.

Our hypothesis received partial empirical support. The results are discussed from the point of view of the theory of social representations.

Keywords: professionalism, the headmaster, teachers, parents, the theory of social representations.

References

1. Asadov Yu.M. Sushchnost' i nauchnye opredeleniya fenomena professionalizma uchitelya [The nature and scientific definition of the phenomenon of professionalism of the teachers] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences], 2010, Vol.12., no.3, pp.564-569.
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Avdeev E.S., Safuanov F.S., Konopleva I.N. Effective school director in representations of heads of educational institutions [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Bysik N.V., Kasprzhak A.G. Direktor sovremennoi rossiiskoi shkoly: statisticheskii portret, sistema podgotovki, praktiki upravleniya. Chast' 1 [Director of the contemporary Russian school: a statistical portrait of the system training management practice. Part 1] // *Fakty obrazovaniya* [Education facts], 2016, no.5.17 p.
4. Klimov E.A. Psikhologiya professionala [Professional psychology]. Moscow: Publ. «Institut prakticheskoi psikhologii», Voronezh: NPO «МО-ДЕК». 1996. 400 p.
5. Markova A.K. Psikhologiya professionalizma [Psychology of professionalism]. Moscow: Mezhdunarodnyi gumanitarnyi fond «Znanie». 1996. 312 p.
6. Slastenin V. A. Professionalizm uchitelya kak yavlenie pedagogicheskoi kul'tury [Professionalism teacher as a phenomenon of pedagogical culture] // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical science and education], 2008, no.12, pp.4-15.
7. Shvedovskaya A.A. Osobennosti realizatsii razlichnykh strategii vzaimodeistviya v diadakh «rebenok—mat'» [Features of the implementation of different strategies of interaction in the dyads “child-mother”] *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in kindergarten], 2005, no.4, pp.115-123.
8. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations // *Papers on Social Representations*. 1993. № 2. P. 75–78.
9. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / Sous la dir. J.-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
10. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 425p.
11. Bonnac Y. Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // *La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales* / Sous la dir. de S.Laurens, N.Roussiau. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002. P. 175–185.

12. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. Vol. 17. P. 1–9.
13. Dany L., Urdapilleta I., Monaco G. L. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. 2014. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
14. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
15. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. London: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.

Психологические и психовегетативные технологии диагностики и коррекции поведения специалистов, работающих в экстремальных условиях (состояние проблемы и перспективные исследования)

Булыгина В.Г., доктор психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ver210@yandex.ru)

Шпорт С.В., кандидат медицинских наук, ученый секретарь, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (svshport@mail.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Статья посвящена перспективным направлениям исследования регуляторных процессов (самоконтроля) у специалистов, работающих в особых и экстремальных условиях профессиональной деятельности. Показана актуальность создания комплексных компактных методик отбора, технологий адаптации к выполнению профессиональных задач, методов психологической помощи специалистам опасных профессий.

Приведен обзор зарубежных исследований особенностей психологической регуляции и самоконтроля в стрессовых ситуациях, нейрофизиологических коррелятов самоконтроля и агрессивного поведения. Описаны результаты тренингов по развитию способности к самоконтролю, повышающих устойчивость к влиянию негативных последствий психического истощения. Изложены результаты отечественных исследований взаимосвязи особенностей самоконтроля, регуляции поведения и профиля реактивности у психически здоровых и лиц с психическими заболеваниями, совершивших общественно опасные действия. Обоснована необходимость разработки психодиагностических и психокоррекционных программ для специалистов профессий особого риска, направленных на повышение эффективности регуляторных процессов с целью адаптации к условиям профессиональной деятельности.

Ключевые слова: самоконтроль, специалисты, работающие в экстремальных условиях, профессии особого риска, стрессоустойчивость, биорезонансная диагностика и коррекция, метод биологической обратной связи, психовегетативные технологии.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Дубинский А.А., Васильченко А.С. Психологические и психовегетативные технологии диагностики и коррекции поведения специалистов, работающих в экстремальных условиях (состояние проблемы и перспективные исследования). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 14-29. doi: 10.17759/psylaw.2016060302

For citation:

Bulygina V.G., Shport S.V., Dubinsky A.A., Vasilchenko A.S. Psychological and psycho-vegetative technologies of diagnostics and correction the behavior of professionals working in extreme conditions (state of problem and prospective studies). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.14-29. doi: 10.17759/psylaw.2016060302

Состояние проблемы

Наличие современного сложного автоматизированного оборудования, ориентированность на снижение потерь и повышение эффективности обуславливают необходимость не только более качественной подготовки и переподготовки кадров, но и создания системы постоянного массового психологического сопровождения специалистов, работающих в экстремальных условиях, на различных этапах выполнения ими профессиональных задач.

В настоящее время постоянная психологическая работа на всех этапах выполнения профессиональных задач ведется только в отношении сотрудников элитных военных подразделений. Вместе с тем, возросший уровень технической оснащенности в различных отраслях и сложность профессиональных задач специалистов опасных профессий и лиц, работающих в особых и экстремальных условиях, требуют не только дифференцированного

отбора кандидатов, но и высокоэффективного обучения и переподготовки непосредственно в процессе выполнения трудовой деятельности. Постоянно изменяющиеся условия деятельности предъявляют особые требования к умениям и навыкам специалистов профессий особого риска, их мобильности, переключаемости, стойкости, стрессоустойчивости.

Необходимо подчеркнуть, что помимо технической модернизации военной и промышленной отраслей, возникновения новых профессий, в том числе особого риска, деятельности последних присущ ряд специфических характеристик. Это – узкоспециализированные профессиональные стандарты; вариативность целей и требуемых результатов деятельности; сопряженность практической деятельности с повышенной ответственностью за человеческие и материальные ресурсы, с физическими и психоэмоциональными перегрузками. А также – необходимость решать профессиональные задачи в опасных и экстремальных условиях, требующих повышенного напряжения, активации психических резервов и высокого уровня нервно-психической устойчивости.

При этом важным отличием профессиональной деятельности, связанной с работой в чрезвычайных условиях, является возникновение особых психологических закономерностей развития и формирования личности в ходе профессионализации.

В связи с этим возрастает значимость задач прогнозирования и управления риском в чрезвычайных ситуациях, принятия оптимальных решений в ходе планирования и выполнения профессиональных задач разного уровня сложности и неопределенности.

Вышесказанное обуславливает необходимость создания комплексных компактных методик отбора, технологий адаптации к выполнению профессиональных задач, методов психологической помощи (профессиональный психологический отбор, психологическая подготовка, диагностика и поддержка психологической готовности, психологическое сопровождение, психопрофилактика, коррекция и реабилитация) специалистов опасных профессий и лиц, работающих в особых и экстремальных условиях.

Следует отметить, что вопросы осуществления психологической подготовки и психологического сопровождения профессиональной деятельности достаточно широко освещены в учебно-методической литературе [9]. Однако проблемы восстановления работоспособности специалистов опасных профессий и лиц, работающих в особых и экстремальных условиях, подвергшихся интенсивному эмоционально-психологическому воздействию в служебной обстановке, в психологии безопасности труда и психологии экстремальных ситуаций изучены недостаточно и нуждаются в более пристальном внимании исследователей и практиков.

Степень разработанности проблемы за рубежом

Взаимосвязь между уровнем самоконтроля, агрессивностью и агрессией

Проблема регуляции и самоконтроля психоэмоционального состояния и поведения в стрессовых ситуациях, а также связи регуляторных процессов с агрессивностью человека достаточно подробно изложена в зарубежных исследованиях.

Определение конструкта самоконтроля было дано авторами «Общей теории преступлений» Хирши и Готтфредсон [9]. Они предложили концептуализировать самоконтроль как латентную черту – те устойчивые индивидуальные различия, которые связаны с девиантным поведением. Высокий самоконтроль – устойчивая тенденция,

приходящая индивиду, которая позволяет избегать сиюминутных или одномоментных действий и стратегий поведения, цена и последствия которых превышают долгосрочные выгоды. Авторы обозначили, что самоконтроль многомерен, т. е. включает разные элементы и потому имеет устойчивую характеристику. Вслед за теоретической разработкой данного конструкта Х. Грасмиком был создан опросник. С 1993 г. и по настоящее время зарубежными коллегами проводится эмпирическая проверка различных гипотез о связи уровня самоконтроля с широким спектром криминологических, клиничко-социальных и психологических переменных.

В частности, было выявлено, что лица, с высоким самоконтролем обладают более развитыми прогностическими способностями и лучше контролируют склонность к импульсивным поступкам. Они осуществляют более точную оценку результатов в долгосрочной перспективе, эффективны в достижении целей и имеют развитый социальный интеллект. Высокая степень самоконтроля отрицательно коррелирует с обсессивно-компульсивными, тревожно-депрессивными расстройствами, враждебностью, психотизмом. Высокий самоконтроль связан с большим самопринятием, самоуважением, ориентированностью на командную работу, способностью к управлению гневом. Лицам с высоким самоконтролем свойственно чаще испытывать чувство вины, нежели стыда [34].

Также было обнаружено, что экспериментальное снижение уровня самоконтроля увеличивает агрессию, а увеличение – соответственно ее уменьшает [26]. При снижении самоконтроля в результате психического истощения отмечается увеличение уровня реактивной агрессии [20; 23; 25; 27]. При наличии провокаций люди ведут себя более агрессивно в случае, когда их психофизические ресурсы исчерпаны [27; 28]. Лица, которые находились в состоянии психического истощения, были склонны к жестокости по отношению к своим интимным партнерам в ответ на оскорбление с их стороны [28]. Таким образом, результаты эмпирических исследований показали, что временное снижение самоконтроля затрудняет подавление агрессивных импульсов.

В других экспериментальных исследованиях, где проводили тренинги по развитию способности к самоконтролю, было отмечено, что участники становятся более устойчивыми к влиянию негативных последствий психического истощения и могут сдерживать агрессивное поведение в соответствии с внутренними и социальными нормами. В одном из экспериментов была произведена оценка агрессивности участников. После чего основная группа использовала приемы тренировки самоконтроля в повседневных делах. Впоследствии, в лабораторных условиях, участники подвергались различным провокациям с использованием шумовых воздействий и имели возможность применять ответные меры контроля неприятных стимулов. Основная группа (практикующие тренировку самоконтроля в течение предыдущих двух недель) продемонстрировала снижение уровня гнева при последующих провокациях, в отличие от контрольной группы. То есть тренировка самоконтроля уменьшила негативные реакции у лиц, обладающих агрессивными чертами личности [22].

Также изучалось влияние тренировок самоконтроля на снижение агрессивности при наличии мыслей, запускающих реакцию гнева [26]. Исследовалось влияние убеждений об ограниченности собственных ресурсов на снижение эффективности регуляторной системы в условиях повышенных требований к саморегуляции [32]. Было обнаружено, что большинство лиц, придерживающихся убеждения об ограниченности своих волевых

ресурсов, демонстрировали снижение эффективности регуляторной системы, когда требования к саморегуляции становились высокими.

Тем не менее, несмотря на единодушие криминологов, социологов, психологов в признании значимости самоконтроля, экспериментальных работ, позволяющих установить причинно-следственную связь между агрессией и самоконтролем, недостаточно [30].

Нейрофизиологические корреляты самоконтроля

Согласно результатам нейрофизиологических исследований, посвященных изучению механизмов самоконтроля и агрессии, было подтверждено, что мозговые центры, осуществляющие контроль над гневом и агрессивными побуждениями, расположены в префронтальных отделах коры головного мозга [21; 33]. Специфическими зонами, причастными к регуляции эмоций, являются орбитофронтальная кора, передняя поясная кора, медиальная префронтальная кора, дорсальные и вентральные боковые отделы префронтальной коры. Эти зоны обеспечивают регуляцию поведения, в том числе регуляцию эмоций [31]. Нарушение функционирования или недоразвитие данных отделов являются предпосылками агрессивного поведения [33].

В 2011 г. была разработана когнитивная нейрофизиологическая модель самоконтроля, в рамках которой предполагается, что сбои системы самоконтроля происходят, когда мощные импульсы подавляют префронтальные корковые механизмы [30]. При ослаблении ингибирующего влияния префронтальных корковых отделов головного мозга агрессивные побуждения могут перерасти в агрессивное поведение. Факторы, увеличивающие вероятность сбоя системы самоконтроля, включают истощение ресурсов самоконтроля и алкогольную интоксикацию [29].

В рамках подтверждения обоснованности когнитивной нейрофизиологической модели самоконтроля, была проведена нейровизуализация при помощи магнитного резонанса. У здоровых респондентов измеряли личностную агрессивность в лабораторных условиях [24]. Суть эксперимента в рамках данных исследований заключалась в том, что сначала участники подвергались оскорблениям экспериментатора. По отношению к состоянию покоя провокация вызвала повышение активности в отделах мозга, отвечающих за отрицательные эмоции и возбуждение (например, в островковой зоне), а также в отделах, осуществляющих когнитивный контроль и регуляцию эмоциональных состояний (например, в дорсолатеральной префронтальной коре, медиальной префронтальной коре, дорсальной передней части поясной извилины). Иными словами, вклад нейронных взаимосвязей между агрессивными побуждениями и контролем исполнительских действий является значимым.

Кроме того, у лиц с высоким уровнем личностной агрессивности наблюдалась выраженная активация в передней поясной коре в ответ на провокацию. То есть дорсальная передняя поясная кора функционирует в данном случае как «нейронная сигнализация», которая активирует префронтальные зоны коры, осуществляющие контроль. Выраженная активация дорсальной передней поясной коры предполагает мобилизацию ресурсов самоконтроля у лиц с высокой степенью личностной агрессивности.

Дополнительно было установлено, что лица, в отношении которых устраивали провокации, более успешно преодолевают агрессивные побуждения в случае, когда они не

подверглись еще и истощающему воздействию. Согласно отчетам обследованных, они испытывают гнев от нескольких раз в неделю до нескольких раз в день, однако не предпринимают в связи с этим агрессивных действий. Регулирование некоторых форм гнева требует больше усилий. Например, переоценка событий, вызывающих гнев до проявления агрессивных действий, вызывает меньше напряжения, чем регуляция гнева после агрессивных действий [24].

Степень разработанности проблемы в отечественных исследованиях

В отечественной практике изучение взаимосвязи особенностей самоконтроля, регуляции поведения и специфики профиля реактивности проводились только на материале психически больных лиц и гражданских лиц с нормосообразным и девиантным поведением [4]. При сравнении обобщенных выборок лиц с психическими расстройствами и условной нормы было обнаружено, что среди составляющих конструкта самоконтроля импульсивность значимо отличает психически здоровых лиц с нормосообразным поведением. В группе психически больных с учетом нозоспецифического фактора была выявлена хорошая предсказательная сила таких шкал методики «Самоконтроль» (Грасмик Г., 1993), как «поиск риска, предпочтение простых задач и физической активности, импульсивность и эгоцентризм», а также отсутствие значимого вклада шкалы, отражающей неспособность сдерживать раздражение и гнев, в отнесение больных в группу лиц с диагнозом «органическое расстройство личности». Интересным и не противоречащим современным представлениям о механизмах криминальной агрессии представляется тот факт, что лиц, совершивших насильственные ООД, характеризовали минимальные показатели по шкалам «поиск риска и несдержанность». Выделение профилей самоконтроля на объединенной выборке психически больных лиц, совершивших ООД, показало, что значимыми для распределения испытуемых по кластерам являются переменные «пол», «диагноз» и «характер ООД». При этом сочетание указанных факторов было тесно связано не с интегративной характеристикой низкого самоконтроля, а с отдельными его шкалами. Также было выявлено наличие значимой связи между особенностями самоконтроля с регуляцией поведения и способностью выделять значимые аспекты ситуации и продуцировать альтернативы ее решения. Последнее подтверждает возможность профилирования лиц по характеристикам самоконтроля для прогноза особенностей регуляции поведения [4–6].

В отечественной науке и практике исследований самоконтроля как личностной predisposition и развиваемого навыка на выборке взрослой условной нормы до настоящего времени не проводилось. Не изучалась и связь самоконтроля с особенностями функционирования высших психических функций в экстремальных условиях. Более того, ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях не рассматривалась связь различных профилей самоконтроля с состоянием вегетативного обеспечения деятельности в целом и характеристиками отдельных биоритмов мозга.

Также ранее не исследовались динамические аспекты функционирования рецепторных систем при проведении тренингов по развитию самоконтроля (в частности, снижения или увеличения агрессии, состояния оценки результатов или моделирования предстоящей деятельности). Для данных целей ранее не использовались личностно-ориентированные технологии оценки вегетативного обеспечения процесса самоконтроля и состояния рецепторных систем мозга с возможностью их коррекции.

Анализ открытых источников и проведенный патентный поиск показал, что комплексных психологических и психовегетативных методик по изучению различных аспектов самоконтроля и проведению направленных тренингов его усиления до настоящего времени не разработано. Отсутствуют данные о попытках сопровождения тренинговых программ сеансами биорезонансной диагностики и коррекции, биологической обратной связи, использование которых будет иметь значение для ускорения формирования новых навыков, возможности выработки дифференцированных поведенческих программ.

В настоящее время биорезонансные технологии в основном применяются для проведения скрининговых исследований при профессиональном отборе в МВД России, МЧС России, Минобороны России, ФПС России, Минобразования России [2; 3; 7; 18]. Достоинством скрининговой диагностики, проводимой на аппаратно-программном комплексе для биорезонансной диагностики и коррекции, является высокая специфичность, информативность, простота и доступность выполнения, воспроизводимость результатов.

Биорезонансная диагностика и коррекция также проводилась в экстремальных ситуациях с лицами, пострадавшими при террористических актах (г. Беслан, г. Москва, г. Владикавказ). Биорезонансная коррекция показала высокую результативность и ряд преимуществ по сравнению с фармакологической коррекцией. Она характеризовалась быстротой наступления и прогнозируемостью терапевтического эффекта, отсутствием побочных эффектов и осложнений, в частности, вялости и сонливости [11; 12; 14–16]. Указывается, что использование личностно-ориентированных алгоритмов применения биологической обратной связи ускоряет процессы психореабилитации [14; 15].

Метод биологической обратной связи, сочетающий тренировку вегетативных функций организма и элементы психотерапии, показал высокую эффективность в психореабилитации лиц с пограничными психическими расстройствами, алкогольной, наркотической, табачной зависимостью [8; 10; 11–16; 19]. Вопросы улучшения ряда когнитивных функций с использованием методов биологической обратной связи на отдельные параметры внимания и памяти разрабатывались Т. Будзинским, Д. Джорди (1993); А.В. Патрушевым (2005) [1]. В целом данный метод отличается простотой выполнения, воспроизводимостью результатов, безопасностью.

Выявлено, что успешности процессов обучения и переобучения могут препятствовать состояния, связанные с нарушениями вегетативного обеспечения деятельности, например, с избыточной симпатикотонией, что проявляется кардиореспираторными, вегетативными и эмоциональными нарушениями. Овладение навыками коррекции психовегетативного статуса и произвольной мышечной релаксации, наряду с тренингами произвольного управления функциональными состояниями мозга, реализуется в психопрофилактических и психореабилитационных программах различной направленности [17].

Перспективные направления исследований

Представляется целесообразным выделение психологических и нейробиологических профилей высших психических функций с параметрами вегетативного обеспечения деятельности мозга в различных возрастных группах специалистов, работающих в экстремальных условиях профессиональной деятельности с учетом показателей возрастной физиологической нормы. Для увеличения достоверности получаемых результатов важно проводить психологическое и нейробиологическое исследование в условиях мониторинга

вегетативного обеспечения деятельности и функционального состояния коры головного мозга испытуемых, с возможностью направленной коррекции определяемых функций, что позволит повысить эффективность регуляторных процессов, увеличить скорость и эффективность процессов обучения (переобучения) и адаптации, а также повысить качество прогнозирования возможных направлений профориентации и переориентации.

Разработанные методики оценки психовегетативного обеспечения психической деятельности и его коррекции, делают возможным их применение в экспресс-режиме для достижения заданного уровня регуляторных процессов.

Таким образом, комплексный учет полного спектра психологических, нейробиологических профилей высших психических функций и параметров вегетативного обеспечения деятельности мозга позволит разработать индивидуализированные подходы к процессам обучения, переподготовки и адаптации, в результате чего будет сокращено время обучения специалистов и повышено его качество.

Помимо этого, оперативная и направленная психологическая коррекция, проводимая непосредственно в ходе выполнения профессиональных задач, позволит существенно снизить ущерб и повысить эффективность специалистов, работающих в экстремальных условиях профессиональной деятельности.

Литература

1. Аудиовизуальная стимуляция и обучение: майнд-машины [Электронный ресурс] // ООО «Компьютерия». М.: веб-сайт mindmachine.ru. URL: <http://www.mindmachine.ru/articles/education.htm> (дата обращения: 12.07.2016).
2. Бачинина С.В. Опыт применения биорезонансных технологий профилактики наркомании в молодежной среде Уральского государственного горного университета // Тезисы и доклады XX Международной конференции «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии» (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.). М.: ИМЕДИС, 2014. С. 28.
3. Ботиева В.И., Жирнова Т.Т. Результаты тестирования военнослужащих на АПК «ИМЕДИС-ЭКСПЕРТ» // Тезисы и доклады XX Международной конференции «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии» (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.). М.: ИМЕДИС, 2014. С. 27.
4. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... докт. психол. наук. М., 2015. 346 с.
5. Булыгина В.Г., Абдраязкова А.М., Коваленко И.В. Методика оценки самоконтроля у несовершеннолетних: метод. рекомендации. М.: ФГУ «ГНЦСПП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, 2010. 22 с.
6. Булыгина В.Г., Жумагалиева М.Ю., Макурина А.П., Кабанова Т.Н. Проблема создания новых экспериментальных методов для решения прикладных задач в

патопсихологии и судебно-психиатрической практике // Психология и право. 2011. № 4. С. 1–12.

7. *Василенко Г.В.* Статистические данные, полученные с применением методов ЭВРТ при профессиональном отборе кандидатов, поступающих на службу в органы МВД по Краснодарскому краю // Тезисы и доклады XX Международной конференции «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии» (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.). М.: ИМЕДИС, 2014. С. 21–26.
8. *Лютин Д.В., Садчикова О.А., Федосеева Е.Н., Новикова О.Н.* Использование метода биологической обратной связи в лечении и реабилитации пациентов с аддиктивными и сопутствующими расстройствами: пособие для врачей. СПб.: Биосвязь, 2003. 20 с.
9. *Мисюра В.Ф.* Психологическая реабилитация военнослужащих. М.: Академия имени М.В. Фрунзе, 1995. 25 с.
10. *Сметанкин А.А., Габибов И.М.* Перспективы использования метода биологической обратной связи по электроэнцефалограмме в клинической практике // Биологическая обратная связь. 2000. № 1. С. 3–4.
11. *Сперанская О.И.* Клинико-психопатологические аспекты табачной зависимости, резистентной к стандартам никотинзаместительной терапии (диагностика, тактика лечебно-профилактических мероприятий): автореф. дис. ...докт. психол. наук. М., 2013. 42 с.
12. *Сперанская О.И.* Применение немедикаментозной терапии для преодоления терапевтической резистентности при табачной зависимости // Психическое здоровье. 2010. № 3. С. 52–56.
13. *Сперанская О.И., Смирнов В.К.* Клинико-психопатологические аспекты проблемы табачной зависимости // Наркология. 2004. № 5. С. 42–45.
14. *Сперанская О.И., Смирнов В.К.* Лечение табачной зависимости методом биорезонансной терапии с учетом гендерных различий в клинике // Психическое здоровье. 2009. № 7. С. 73–76.
15. *Сперанская О.И., Смирнов В.К., Богданов К.А., Ларина И.Г.* Предпосылки к применению безлекарственных методов лечения в преодолении резистентности к никотинозаместительной терапии у лиц с табачной зависимостью // Рос. психиатр. журн. 2011. № 6. С. 79–84.
16. *Сперанская О.И., Смирнов В.К., Ермолова О.И.* Актуальные вопросы терапии табачной зависимости // Психическое здоровье. 2010. № 5. С. 53–56.
17. *Цыганков В.Д.* Виртуальность и сознание: к пятидесятилетию виртуальной парадигмы «ЭМБРИОН». М.: БИОМЕДИС, 2016. 400 с.

18. Чехова И.А. Медико-психологические аспекты применения метода ЭВРТ в системе профессионального отбора кандидатов при приеме на службу в МВД России. // Тезисы и доклады XX Международной конференции «Теоретические и клинические аспекты применения биорезонансной и мультирезонансной терапии» (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.). М.: ИМЕДИС, 2014. С. 11.
19. Штарк М.Б., Павленко С.С., Скок А.Б., Шубина О.С. Биоуправление в клинической практике // Неврологический журнал. 2000. № 4. С. 52–56.
20. Baumeister R.F., Vohs K.D., Tice D.M. The strength model of self-control // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16. P. 351–355.
21. Denson T.F. A social neuroscience perspective on the neurobiological bases of aggression. In M. Mikulincer, P.R. Shaver (Eds.): Human aggression and violence: Causes, manifestations, and consequence. Herzilya series on personality and social psychology. Washington, DC: American Psychological Association, 2011. P. 105–120.
22. Denson T.F., Capper M.M., Oaten M., Friese M., Schofield T.P. Self-control training decreases aggression in response to provocation in aggressive individuals // Journal of Research in Personality. 2011. Vol. 42. P. 252–256.
23. Denson T.F., Pedersen W.C., Friese M., Hahm A., Roberts L. Understanding impulsive aggression: Angry rumination and reduced self-control capacity are mechanisms underlying the provocation-aggression relationship // Personality and Social Psychology Bulletin. 2011. Vol. 37. P. 850–862.
24. Denson T.F., Pedersen W.C., Ronquillo J., Nandy A.S. The angry brain: Neural correlates of anger, angry rumination, and aggressive personality // Journal of Cognitive Neuroscience. 2009. Vol. 21. P. 734–744.
25. Denson T.F., von Hippel W., Kemp R.I., Teo L.S. Glucose consumption decreases impulsive aggression in response to provocation in aggressive individuals // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 1023–1028.
26. Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J. Self-Control and Aggression // Current Directions in Psychological Science. 2012. Vol. 21 (1). P. 20–25.
27. DeWall C.N., Baumeister R.F., Stillman T.F., Gailliot M.T. Violence restrained: Effects of self-regulation and its depletion on aggression // Journal of Experimental Social Psychology. 2007. Vol. 43. P. 62–76.
28. Finkel E.J., DeWall C.N., Slotter E.B., Oaten M., Foshee, V.A. Self-regulatory failure and intimate partner violence perpetration // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97. P. 483–499.
29. Finkel E.J., Eckhardt, C.I. Intimate partner violence. In J.A. Simpson, L. Campbell (Eds.): The Oxford handbook of close relationships. New York, NY: Oxford University Press, 2011. 61 p.

30. *Gottfredson M.R., Hirschi T.* A general theory of crime. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. 316 p.
31. *Heatherton T.F., Wagner D.D.* Cognitive neuroscience of self-regulation failure // Trends in Cognitive Sciences. 2011. Vol. 15. P. 132–139.
32. *Job V., Dweck C.S., Walton G.M.* Ego Depletion – Is It All in Your Head? Implicit Theories About Willpower Affect Self-Regulation // Psychological Science. 2010. Vol. 21 (11). P. 1686–1693.
33. *Raine A.* From genes to brain to antisocial behavior // Current Directions in Psychological Science. 2008. Vol. 17. P. 323–328.
34. *Tangney J.P.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // Journal of Personality. 2004. Vol. 2. P. 271–324.

Psychological and psycho-vegetative technologies of diagnostics and correction the behavior of professionals working in extreme conditions (state of problem and prospective studies)

Bulygina V.G., Doctor in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychological problems of forensic psychiatry prevention Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Shport S.V., Phd in medicine, scientific Secretary of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (svshport@mail.ru)

Vasilchenko A.S., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (vasilchenko.alesya@gmail.com)

The article is devoted to promising areas of research regulatory processes (self-control) of the professionals working in special and extreme conditions of professional activity. The actuality of creation a comprehensive compact of the selection methods, adaptation the technologies to professional tasks, methods of psychological assistance of the specialists of hazardous occupations was shown.

It was done an overview of foreign studies of the features of psychological regulation and self-control in stressful situations, neurophysiological correlates of self-control and aggressive behavior. The results of trainings of the development of the capacity for self-control, increasing resistance to the negative effects of mental exhaustion, were described. There were expounded the results of domestic investigations of the association between the self-regulation of behavior and

profile of reactivity among mentally healthy and ill persons. The necessity of the development of psychodiagnostic and psychological programs for specialists in the professions of risk, aimed to improve the efficiency of regulatory processes for the adaptation to the conditions of professional activity.

Keywords: self-control, professionals working in the extra formal conditions, professions of special risk, stress, bio resonance diagnostics and correction, the method of biological feedback, the psycho vegetative technologies.

References

1. Audiovizual'naja stimuljacija i obuchenie: majnd-mashiny [Elektronnyi resurs] [Audio-visual stimulation and training: a mind-machine]: OOO «Komp'juterija» [OOO «Computer»]. Moscow: web site mindmachine.ru. URL: <http://www.mindmachine.ru/articles/education.htm> (Accessed 12.07.2016).
2. Bachinina S.V. Opyt primenenija biorezonansnyh tehnologij profilaktiki narkomanii v molodezhnoj srede Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [Experience of application of bioresonance technologies prevention of drug addiction among youth of the Ural state mining University]. Tezisy i doklady XX Mezhdunarodnoj konferencii "Teoreticheskie i klinicheskie aspekty primenenija biorezonansnoj i mul'tirezonsnoj terapii" (g. Moskva, 11-12 aprelja 2014 g.) [Theses and reports of the XX International conference "Theoretical and clinical aspects of application of bioresonance and multiresonant therapy"]. Moscow: Publ. IMEDIS, 2014, pp. 28.
3. Botieva V.I., Zhirnova T.T. Rezul'taty testirovanija voennosluzhashhih na APK «IMEDIS-JeKSPERT» [Test Results on soldiers APK "IMEDIS-EXPERT"]. Tezisy i doklady XX Mezhdunarodnoj konferencii "Teoreticheskie i klinicheskie aspekty primenenija biorezonansnoj i mul'tirezonsnoj terapii" (g. Moskva, 11-12 aprelja 2014 g.) [Theses and reports of the XX International conference "Theoretical and clinical aspects of application of bioresonance and multiresonant therapy"]. Moscow: Publ. IMEDIS, 2014, pp. 27.
4. Bulygina V.G. Psihologicheskaja koncepcija profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij lic s tjazhelymi psihicheskimi rasstrojstvami. Diss. dokt. psihol. nauk. [Psychological concept of prevention of socially dangerous actions of persons with severe mental disorders. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2015. 346 p.
5. Bulygina V.G., Abdrazjakova A.M., Kovalenko I.V. Metodika ocenki samokontrolja u nesovershennoletnih: Metodicheskie rekomendacii [Method for assessment of self-control in adolescents: Methodological recommendations]. Moscow: FGU «GNCSP im. V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitija RF, 2010. 22 p.
6. Bulygina V.G., Zhumagalieva M.Ju., Makurina A.P., Kabanova T.N. Problema sozdanija novyh jeksperimental'nyh metodov dlja reshenija prikladnyh zadach v patopsihologii i sudebno-psihiatricheskoj praktike [The problem of creation of new experimental techniques to solve applied problems in abnormal psychology and forensic

psychiatric practice]. *Psihologija i pravo [Psychology and law]*, 2011, no. 4, pp. 1–12. (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Vasilenko G.V. Statisticheskie dannye, poluchennye s primeneniem metodov JeVRT pri professional'nom otbore kandidatov, postupajushhij na sluzhbu v organy MVD po Krasnodarskomu kraju [Statistical data obtained using the methods of AVRT in the professional selection of candidates, entered the service in bodies of internal Affairs in Krasnodar region]. Tezisy i doklady XX Mezhdunarodnoj konferencii "Teoreticheskie i klinicheskie aspekty primenenija biorezonansnoj i mul'tirezonsnoj terapii" (g. Moskva, 11-12 aprelja 2014 g.) [Theses and reports of the XX International conference "Theoretical and clinical aspects of application of bioresonance and multiresonant therapy"]. Moscow: Publ. IMEDIS, 2014, pp. 21–26.
8. Ljutin D.V., Sadchikova O.A., Fedoseeva E.N., Novikova O.N. Ispol'zovanie metoda biologicheskoy obratnoj svjazi v lechenii i rehabilitacii pacientov s addiktivnymi i soputstvujushhimi rasstrojstvami: posobie dlja vrachej [The use of the method of biological feedback in the treatment and rehabilitation of patients with addictive and related disorders: A Handbook for physicians]. Saint-Petersburg: Biosvjaz', 2003. 20 p.
9. Misjura V.F. Psihologicheskaja rehabilitacija voennosluzhashhij. [Psychological rehabilitation of servicemen]. Moscow: Akademija im. Frunze, 1995. 25 p.
10. Smetankin A.A., Gabibov I.M. Perspektivy ispol'zovanija metoda biologicheskoy obratnoj svjazi po jelektrojencefalogramme v klinicheskoy praktike [Prospects of use of the method of biological feedback EEG in clinical practice]. *Biologicheskaja obratnaja svjaz' [Biofeedback]*, 2000, no. 1, pp. 3–4. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Speranskaja O.I. Kliniko-psihopatologicheskie aspekty tabachnoj zavisimosti, rezistentnoj k standartam nikotin zamestitel'noj terapii (diagnostika, taktika lechebno-profilakticheskij meroprijatij). Avtopef. diss. doct. psihol. nauk. [Clinical and psychopathological aspects of tobacco dependence, resistant to standard nicotine replacement therapy (diagnostics, tactics of treatment and prophylaxis. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2013. 42 p.
12. Speranskaja O.I. Primenenie nemedikamentoznoj terapii dlja preodolenija terapevticheskoy rezistentnosti pri tabachnoj zavisimosti [Application of non-pharmacological therapies to overcome therapeutic resistance in tobacco dependence]. *Psichicheskoe zdorov'e. [Mental health]*, 2010, no. 3, pp. 52–56. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Speranskaja O.I., Smirnov V.K. Kliniko-psihopatologicheskie aspekty problemy tabachnoj zavisimosti [Clinico-psychopathological aspects of the problem of tobacco addiction]. *Narkologija [Narcology]*, 2004, no. 5, pp. 42–45. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Speranskaja O.I., Smirnov V.K. Lechenie tabachnoj zavisimosti metodom biorezonansnoj terapii s uchetom gendernyh razlichij v klinike [Treatment of tobacco dependence by the method of bioresonance therapy gender differences in the

hospital]. *Psichicheskoe zdorov'e [Mental health]*, 2009, no. 7, pp. 73–76. (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Speranskaja O.I., Smirnov V.K., Bogdanov K.A., Larina I.G. Predposylki k primeneniju bezlekarstvennyh metodov lechenija v preodolenii rezistentnosti k nikotinozamestitel'noj terapii u lic s tabachnoj zavisimost'ju [Prerequisites to use non-drug methods of treatment to overcome resistance to nicotinecontaining therapy in individuals with tobacco dependenc]. *Ros. psihiatr. zhurn [Rus. psychiatrist. journ.]*, 2011, no. 6, pp. 79–84. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Speranskaja O.I., Smirnov V.K., Ermolova O.I. Aktual'nye voprosy terapii tabachnoj zavisimosti [Topical issues of treatment of tobacco dependence] *Psichicheskoe zdorov'e [Mental health]*, 2010, no. 5, pp. 53–56. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Cygankov V.D. Virtual'nost' i soznanie: k pjatidesjatiletiju virtual'noj paradigmy «JeMBRION» [Virtuality and consciousness: the fiftieth anniversary of the virtual paradigm "EMBRYO"]. Moscow: BIOMEDIS, 2016. 400 p.
18. Chehova I.A. Mediko-psihologicheskie aspekty primenenija metoda JeVRT v sisteme professional'nogo otbora kandidatov pri prieme na sluzhbu v MVD Rossii [Medico-psychological aspects of application of the method of AVRT in the system of professional selection of candidates for admission to the Ministry of internal Affairs of Russia]. Tezisy i doklady XX Mezhdunarodnoj konferencii "Teoreticheskie i klinicheskie aspekty primenenija biorezonansnoj i mul'tirezonsnoj terapii" (g. Moskva, 11-12 aprelja 2014 g.) [Theses and reports of the XX International conference "Theoretical and clinical aspects of application of bioresonance and multiresonant therapy"]. Moscow: Publ. IMEDIS, 2014, pp. 11.
19. Shtark M.B., Pavlenko S.S., Skok A.B., Shubina O.S. Bioupravlenie v klinicheskoj praktike [Biofeedback in clinical practice]. *Nevrologicheskij zhurnal [Neurological journal]*, 2000, no. 4, pp. 52–56. (In Russ., abstr. in Engl.)
20. Baumeister R.F., Vohs K.D., Tice D.M. The strength model of self-control. *Current Directions in Psychological Science*, 2007. Vol. 16, pp. 351–355.
21. Denson T.F. A social neuroscience perspective on the neurobiological bases of aggression. In M. Mikulincer, P.R. Shaver (Eds.): Human aggression and violence: Causes, manifestations, and consequence. Herzilya series on personality and social psychology. Washington, DC: American Psychological Association, 2011, pp. 105–120.
22. Denson T.F., Capper M.M., Oaten M., Friese M., Schofield T.P. Self-control training decreases aggression in response to provocation in aggressive individuals. *Journal of Research in Personality*, 2011. Vol. 42, pp. 252–256.
23. Denson T.F., Pedersen W.C., Friese M., Hahm A., Roberts L. Understanding impulsive aggression: Angry rumination and reduced self-control capacity are mechanisms underlying the provocation-aggression relationship. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011. Vol. 37, pp. 850–862.

24. Denson T.F., Pedersen W.C., Ronquillo J., Nandy A.S. The angry brain: Neural correlates of anger, angry rumination, and aggressive personality. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2009. Vol. 21, pp. 734–744.
25. Denson T.F., von Hippel W., Kemp R.I., Teo L.S. Glucose consumption decreases impulsive aggression in response to provocation in aggressive individuals. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, pp. 1023–1028.
26. Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J. Self-Control and Aggression. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21 (1), pp. 20–25.
27. DeWall C.N., Baumeister R.F., Stillman T.F., Gailliot M.T. Violence restrained: Effects of self-regulation and its depletion on aggression. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2007. Vol. 43, pp. 62–76.
28. Finkel E.J., DeWall C.N., Slotter E.B., Oaten M., Foshee, V.A. Self-regulatory failure and intimate partner violence perpetration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97, pp. 483–499.
29. Finkel E.J., Eckhardt, C.I. Intimate partner violence. In J.A. Simpson, L. Campbell (Eds.): *The Oxford handbook of close relationships*. New York, NY: Oxford University Press, 2011. 61 p.
30. Gottfredson M.R., Hirschi T. *A general theory of crime*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. 316 p.
31. Heatherton T.F., Wagner D.D. Cognitive neuroscience of self-regulation failure. *Trends in Cognitive Sciences*, 2011. Vol. 15, pp. 132–139.
32. Job V., Dweck C.S., Walton G.M. Ego Depletion – Is It All in Your Head? Implicit Theories About Willpower Affect Self-Regulation. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21 (11), pp. 1686–1693.
33. Raine A. From genes to brain to antisocial behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 2008. Vol. 17, pp. 323–328.
34. Tangney J.P. High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success. *Journal of Personality*, 2004. Vol. 2, pp. 271–324.

Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 2)

Дегтярев А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (art_milk@mail.ru)

Галкина Е.А., бакалавр кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (cathie-doux@mail.ru)

Во второй части работы продолжается обсуждение результатов эмпирического исследования эмпатических особенностей и личностных характеристик студентов-психологов. В данной части работы отражены результаты анализа связей между эмпатическими способностями и личностными особенностями студентов, а также особенностей психологического профиля современного студента-психолога. Выборку составили 60 студентов разных курсов, обучающихся на факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета. Анализ результатов показал, что у студентов первого и пятого курсов существуют некоторые особенности во взаимосвязях личностных особенностей и эмпатии, а также что студенты данных курсов значительно различаются относительно личностного профиля. Полученные данные могут быть использованы при организации педагогического процесса, который, в первую очередь, должен быть направлен на развитие такого личностного конструкта и профессионально значимого качества для специалиста-психолога, как эмпатия.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, личностные особенности, юношеский возраст, подготовка специалистов.

Для цитаты:

Дегтярев А.В., Галкина Е.А. Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 2). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С.30-39. doi: 10.17759/psylaw.2016060303

For citation:

Degtyarev A.V., Galkina E.A. Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 2). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.30-39. doi: 10.17759/psylaw.2016060303

Юношеский возраст является переломным в жизни индивида, он представляет собой переход к самостоятельной, взрослой жизни. На данном этапе все сферы жизни кардинально меняются, эмоциональные проявления уже несколько иные, нежели в подростковом возрасте, а социальные контакты обретают особый смысл. В пору студенчества молодые люди обретают профессиональные навыки и начинают утверждать себя в выбранной профессии.

Важно отметить, что успешность будущей профессиональной деятельности зависит не только от качества полученных знаний, но и от индивидуально-личностных свойств человека. Каждая профессия предъявляет к личности специальные требования, в частности, психологу необходимо обладать способностью к самоконтролю, развитой интуицией, проявлять уважение к людям, и, конечно, обладать развитыми эмпатическими способностями [1].

Одной из основных задач исследования стало выявление значимых связей между эмпатическими способностями и особенностями личности студентов-психологов. Именно раскрытию данной задачи и посвящена данная часть работы.

На первом этапе, с помощью многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла, были получены результаты, описывающие каждый из двух курсов, был рассчитан средний балл каждого фактора последовательно для первого и пятого курса. Полученные средние баллы каждого фактора были переведены в стандартные единицы (стены). Стены распределяются по биполярной шкале с крайними значениями от 1 до 10 баллов. Соответственно, первой половине шкалы (от 1 до 5,5) присваивается знак «минус», второй половине (от 5,5 до 10) знак «+». Из имеющихся показателей по всем 17 факторам строится так называемый «профиль личности». Поскольку в данном исследовании необходимо дать характеристику каждого опрошенного курса, а не отдельной личности, по средним показателям каждого фактора был построен так называемый «профиль курса». Далее каждый профиль был интерпретирован, учитывая, в первую очередь, «пики», т. е. наиболее низкие (от 1 до 3 стенов) и наиболее высокие значения факторов профиля (от 8 до 10 стенов).

Для удобства понимания, в тексте рядом с обозначением фактора в скобках будет указываться значение этого фактора в отрицательном или положительном полюсе.

Интерпретация профиля студентов первого курса

Выявлен отрицательный полюс факторов: MD (неадекватная самооценка); А (замкнутость); В (сниженная оперативность мышления); С (эмоциональная неустойчивость); G (низкая нормативность поведения); Н (робость); I (жесткость); М (практичность); N (прямолинейность); Q3 (низкий самоконтроль).

Выявлен положительный полюс факторов: Е (доминантность); F (экспрессивность); L (подозрительность); О (тревожность); Q1 (радикализм); Q2 (нонконформизм); Q4 (напряженность).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в целом, студенты первого курса представляют собой людей неуверенных и излишне критичных по отношению к себе, скрытных и необщительных, имеющих затруднения в решении абстрактных задач.

Также это импульсивные личности, подверженные влиянию чувств, склонные к непостоянству, застенчивые, но в то же время обладают некоторой жесткостью и черствостью по отношению к другим людям. Они жизнерадостны, практичны, откровенны и наивны, склонны свободно мыслить, проявлять самостоятельность и настойчивость, энергичны и беспокойны, им трудно контролировать свое поведение и эмоции. Важно отметить ярко выраженные факторы (так называемые «пики» профиля курса) – излишнюю защиту, эгоцентричность, а также склонность к предчувствиям, самобичеванию, к депрессиям, чувствительность к одобрению окружающих.

Интерпретация профиля студентов пятого курса

Выявлен отрицательный полюс факторов: MD (неадекватная самооценка); А (замкнутость); В (сниженная оперативность мышления); С (эмоциональная неустойчивость); G (низкая нормативность поведения); Н (робость); N (прямолинейность); Q2 (конформизм); Q3 (низкий самоконтроль).

Факторы с положительным полюсом: Е (доминантность); F (экспрессивность); I (чувствительность); L (подозрительность); М (мечтательность); О (тревожность); Q1 (радикализм); Q4 (напряженность).

Таким образом, большинство студентов пятого курса характеризуются недовольством собой, отчужденностью и необщительностью, склонностью к переменам настроения, непостоянству, раздражительности, подверженностью влиянию чувств и обстоятельств. Они застенчивы и деликатны, прямолинейны, беспокойны, зависимы от мнения и требований группы, ориентированы на социальное одобрение, не умеют контролировать эмоции и поведение. Это так же своенравные и упрямые личности, импульсивные, однако склонные к сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей, имеют яркую внутреннюю интеллектуальную жизнь, с интенсивным проживанием чувств и идей. Яркой выраженной личностной особенностью большинства студентов пятого курса является осторожность и недоверчивость по отношению к людям.

Опираясь на работу Н.А. Аминова и М.В. Молоканова [1], можно выделить значения факторов, характерные для разных типов психологов – с исследовательской направленностью деятельности и с практической.

Проведенное авторами исследование позволило выявить высокие оценки у будущих психологов-теоретиков по следующим факторам: готовность к контактам (А), общая интеллектуальность (В), эмоциональная холодность и рациональность в установлении и поддержании контактов (N), сдержанность (Q3) при проявлении общего интереса к человеку.

У будущих психологов-практиков оказались выраженными следующие качества: готовность к контактам (А), общая интеллектualityность (В), умение поддерживать контакты (Н), умение контролировать свое поведение, сохранять эмоциональное самообладание в процессе общения (С), аттракция (привлекательность), эмоциональная заразительность (F), эмпатия, т. е. чувствительность (I) при энергичности (Q4) и самодостаточности, т. е. индивидуализме и опоре на себя в принятии решений (Q2) [2].

Таким образом, мы можем сопоставить с этими данными результаты нашего исследования и определить ведущую профессиональную направленность у студентов первого и пятого курсов. Как видно на рис. 1, у студентов первого курса отмечается выраженность следующих факторов: эмоциональной заразительности (экспрессивности), склонности к неконформизму и энергичности (напряженности, собранности). У студентов пятого курса выявлены: эмоциональная заразительность (экспрессивность), чувствительность (эмпатийность), при собранности и энергичности.

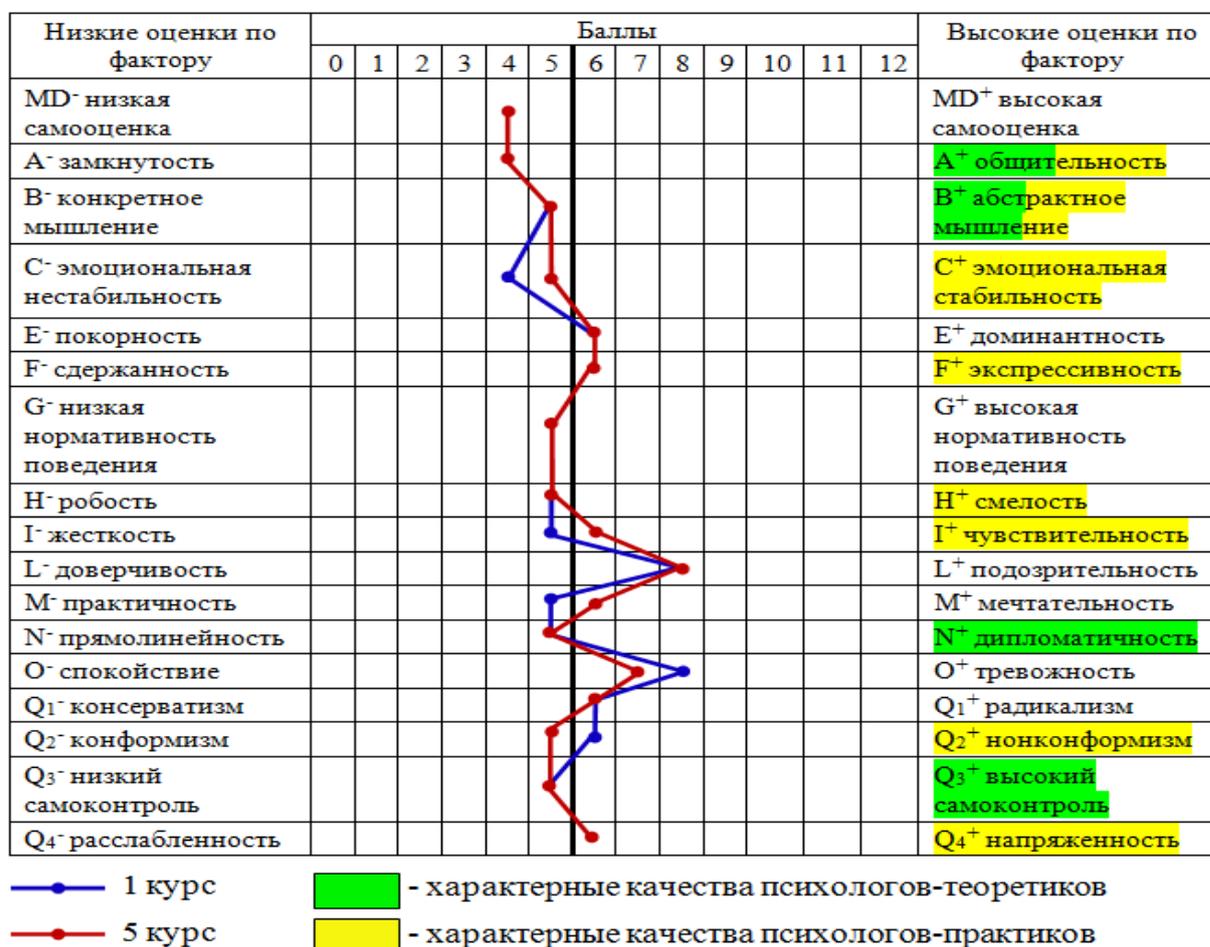

Рис. 1. «Профили курса», построенные по средним баллам студентов первого и пятого курсов, по методике Кеттелла

Данный сравнительный анализ позволяет отнести респондентов, как первого, так и пятого курса, скорее к будущим психологам-практикам, нежели теоретикам. Однако заметим, что у большинства студентов обоих курсов не выявлено остальных качеств, необходимых для успешной психологической деятельности психолога-практика, а именно:

готовности к контактам и умения их поддерживать, общей интеллектуальности и эмоциональной стабильности.

Следующим этапом данного эмпирического исследования является выявление взаимосвязей выявленных уровней эмпатии с личностными особенностями студентов.

На данном этапе работы, с помощью статистического метода ранговой корреляции Спирмена, анализировались взаимосвязи выявленных личностных особенностей с показателями эмпатических способностей респондентов. Результат проведенного анализа можно представить в виде корреляционных плеяд, позволяющих графически отобразить тенденции к взаимосвязям (рис. 2 и 3). Важно отметить, что, говоря о выявленных взаимосвязях, в данной работе мы имеем в виду тенденции к взаимосвязям, поскольку небольшой объем выборки не позволяет сделать выводы о более точных корреляционных связях.

Как видно на рисунке, среди студентов первого курса выявлены следующие тенденции к взаимосвязям, значимые на уровне $p < 0,05$.

Прямая зависимость между доминантностью и двумя каналами эмпатии – интуитивным и идентификацией. Фактор доминантности может выступать в данном случае как самостоятельность и настойчивость, эти качества, в свою очередь, способствуют умению действовать интуитивно в условиях дефицита информации о партнере, а также умению ставить себя на место другого человека.

Рис. 2. Корреляционная плеяда личностных и эмпатических особенностей студентов первого курса

Положительная взаимосвязь между эмпатией с детьми и робостью, выражающей также внимательность к другим людям. Это означает, что эмоциональная сдержанность, осторожность и чуткость личности благоприятна для проявления эмпатии во взаимодействии с детьми и, наоборот, излишняя импульсивность будет мешать пониманию эмоционального состояния ребенка.

Прямая взаимосвязь между эмпатией с родителями и низкой нормативностью поведения, которая также означает потворство личности своим желаниям и отсутствие усилий по выполнению групповых требований и норм. Это может означать, что личности, склонные к несколько асоциальному поведению, а, возможно, и риску, чувствуют и понимают беспокойство своих родителей, которое вызвано этим поведением. Также можно предположить, что юноша, чувствуя слишком сильное беспокойство своих родителей, будет вести себя асоциально.

Отрицательная корреляция между эмпатией со стариками и экспрессивностью личности. В данном случае экспрессивность можно понимать как импульсивность и некоторую нетерпеливость. Известно, что успешное взаимодействие с пожилыми людьми затруднительно без терпимости к некоторым особенностям их возраста и характера. Соответственно, можно предположить, что чем выше у человека уровень эмпатии к пожилым людям, тем терпимей он относится к старикам.

Положительные взаимосвязи тревожности с общим уровнем эмпатии по двум методикам («Тест эмпатийного потенциала личности» И.М.Юсупова и «Шкала эмоционального отклика» А.Меграбяна), эмоциональным каналом эмпатии, а также эмпатией к пожилым людям и героям художественных произведений. Эти связи можно объяснить следующим: личность с высоким уровнем тревожности склонна к предчувствиям, беспокойству, озабоченности, сожалению и состраданию, а, следовательно, и к эмпатии. Можно предполагать, что тревожные люди обладают хорошей способностью сочувствовать и сопереживать партнеру, проявляют чуткость к старшему поколению, кроме того, они склонны сопереживать героям художественных произведений.

Схожее значение, вероятно, имеет прямая зависимость уровня эмпатии и напряженности, которая так же, как и тревожность, может означать некоторое беспокойство.

Далее, перейдем к интерпретации корреляционных связей, выявленных у выборки респондентов пятого курса.

Изучение характера зависимости между личностными особенностями и эмпатией у студентов пятого курса показало наличие следующих взаимосвязей, статистически значимых на уровне $p < 0,05$.

Определенные связи подозрительности с эмпатией можно обосновать следующим: в структуру понятия «эмпатия», как известно, входит пронизательность, представляющая собой способность понимать и видеть реальную картину, которая скрывается за видимой стороной событий, явлений и внешними проявлениями людей.

Рис. 3. Корреляционная плеяда личностных и эмпатических особенностей студентов 5 курса

Поскольку у большинства респондентов пятого курса выявлена тревожность, пронизательность в сочетании с тревогой может выступать как настороженность, подозрительность и излишняя эмоциональная защита. Этим же можно объяснить прямую корреляцию эмпатии с родителями и общего уровня эмпатии по методикам Юсупова и Меграбяна с напряженностью.

Положительная зависимость замкнутости, эмоционального канала эмпатии и общего уровня эмпатии по методике В.В. Бойко. Можно предполагать, что чем более респонденты избирательны в общении, тем более у них развита способность сопереживать и соучаствовать. Вероятно, студенты пятого курса склонны проявлять эмпатию к очень близкому, ограниченному кругу людей.

Прямая взаимосвязь экспрессивности и установок, способствующих или препятствующих эмпатии. По Р. Кеттеллу, экспрессивная личность характеризуется жизнерадостностью, беспечностью, эмоциональной значимостью социальных контактов. Таким образом, можно предположить, что человек, обладающий такими качествами, не имеет препятствий со стороны установок личности, склонен проявлять любопытство к внутреннему миру партнера, чутко реагирует на проблемы и переживания окружающих.

Положительная зависимость между низким самоконтролем и рациональным каналом эмпатии, тем самым, чем ниже дисциплинированность и контроль эмоций и поведения, тем менее развита способность направлять внимание, мышление и восприятие на сущность

другого человека. Можно предполагать, что низкий самоконтроль препятствует успешной эмпатии, а именно, ее рациональному компоненту.

Кроме того, нами были выявлены следующие корреляции в общей группе студентов, статистически значимые на уровне $p < 0,05$ (рис. 4).

Положительная взаимосвязь замкнутости и эмоционального канала эмпатии может свидетельствовать о том, что студенты-психологи избирательны в контактах, склонны к обособлению от общества (что обусловлено особенностями возраста), тем не менее, у них развита способность к сопереживанию с близкими людьми.

Прямая зависимость между доминантностью и интуитивным каналом эмпатии предположительно означает, что настойчивость и самостоятельность способствуют интуитивным действиям в условиях дефицита информации о другом человеке. В то же время, обратная взаимосвязь доминантности и эмоционального канала эмпатии свидетельствует о том, что проявление чрезмерной напористости и своенравия препятствует умению эмоционально сопереживать партнеру.

Рис. 4 Корреляционная плеяда личностных и эмпатических особенностей студентов-психологов в общей группе

Выявлены также положительные взаимосвязи эмоционального канала и общего уровня эмпатии с тревожностью и напряженностью личности. Как уже отмечалось ранее, тревожность и напряженность могут интерпретироваться как чрезмерное беспокойство, склонность к предчувствиям, сожалению и состраданию. Таким образом, тревожные и несколько напряженные студенты обладают развитой способностью к эмоциональному

сопереживанию, склонны проявлять чуткость и беспокойство по отношению к другим людям.

Таким образом, у большинства опрошенных студентов-психологов обоих курсов эмпатические способности развиты на среднем уровне. В результате сравнительного анализа результатов не удалось выявить значимых различий в уровне эмпатийного потенциала между студентами младших и старших курсов. Следовательно, выдвигаемая гипотеза о более развитом уровне эмпатии у студентов пятого курса, по сравнению со студентами первого курса, не подтверждается.

Студенты факультета юридической психологии относятся, скорее, к будущим психологам с практической направленностью деятельности, однако, выявленные у них замкнутость, сниженная оперативность мышления и эмоциональная нестабильность могут затруднять их успешность в профессии.

Данные особенности можно связать с возрастным периодом, в котором находятся респонденты, с трудностями перехода к самостоятельной, взрослой жизни.

Также установлено, что у респондентов существуют некоторые особенности личности, которые могут препятствовать проявлению эмпатии по отношению к окружающим.

На основании вышеизложенного можно говорить об актуальности исследования и о необходимости внедрения элементов развивающей работы в процесс педагогической деятельности (возможно даже терапевтических или консультативных видов деятельности, а также различных интерактивных форм, например, тренинговых форм работы), которые будут способствовать эффективному развитию эмоциональной сферы у студентов-психологов.

Литература

1. *Аминов Н.А., Молоканов, М.В.* О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 104–109.
2. *Бачманова Н.В., Стафурина Н.А.* К вопросу о профессиональных способностях психолога // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 5. Л., Изд-во: ЛГУ, 1985. С. 62–67.
3. *Шведовская А.А.* Особенности реализации различных стратегий взаимодействия в диадах «ребенок–мать» // Психолог в детском саду. 2005. № 4. С. 96–128.

Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 2)

Degtyarev A.V., Senior Lecturer, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (degtyarevAV@mgppu.ru)

Galkina E.A., Master, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (cathie-doux@mail.ru)

The paper goes on to discuss the results of empirical research empathic features and personal characteristics of psychology students. The results of empirical research empathic features and personal characteristics of psychology students. The sample included 60 students from different courses enrolled in the Faculty of Legal Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University. In this part of the paper presents the results of the analysis of the links between empathic abilities and personal characteristics of students, as well as features of the psychological profile of the modern psychology students. In the process of analyzing the results presented that students 1 and 5 courses, there are some features in the relationship of personality characteristics and empathy, as well as these courses, students are significantly different with respect to the personal profile, which should be considered in the organization of educational process, which is, first of all, should It is directed to the development of the professionally significant qualities for the professional psychologist as empathy.

Keywords: emotional sphere, personality traits, adolescence, specialist training.

References

1. Aminov N. A., Molokanov, M. V. O komponentakh spetsial'nykh sposobnostei budushchikh shkol'nykh psikhologov. [On the components of the special abilities of future school psychologists] *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]* 1992. Vol. 13. № 5. pp. 104 – 109.
2. Bachmanova N. V., Stafurina, N. A. K voprosu o professional'nykh sposobnostyakh psikhologa [To the question about the professional abilities of the psychologist]. *Sovremennye psikhologo-pedagogicheskie problemy vysshei shkoly [Modern psychopedagogical higher school problems.]*. Leningrad: LGY, 1985. Vol. 5. pp. 62 – 67.
3. Shvedovskaya A.A. Osobennosti realizatsii razlichnykh strategii vzaimodeistviya v diadakh «rebenok – mat'». *Psikholog v detskom sadu*. 2005. № 4. pp. 96-128.

Особенности применения Пятифакторного личностного опросника в деятельности психологов органов внутренних дел

Петров В.Е., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России» (v.e.petrov@yandex.ru)

Кокурин А.В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (kokurin1@bk.ru)

Статья посвящена изучению возможностей Пятифакторного личностного опросника как психодиагностического инструментария изучения личности сотрудников органов внутренних дел различных категорий. Предмет исследования – практика применения данной методики в деятельности ведомственных психологов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научной верификации опросника для решения задач органов внутренних дел. Исследование проводилось методом психологического тестирования, экспертного оценивания. В качестве математического инструментария использована описательная статистика (частотный анализ и группировка), критерий χ^2 и t -критерий Стьюдента. Новизна исследования – в уточнении нормативных показателей опросника для таких категорий, как «сотрудник ОВД» (обобщенный образ), «сотрудник комендантского подразделения», «сотрудник ГИБДД», «полицейский-водитель». Исследование позволяет расширить сферу применения опросника (изучение личности сотрудников, демонстрирующих те или иные виды девиантного поведения; индивидуализация форм и методов психологической подготовки и оказания помощи; прогнозирование поведения в экстремальных условиях и профессионально-личностного развития).

Ключевые слова: психодиагностика, изучение личности, Пятифакторный личностный опросник, ренормирование, распределение, сотрудник органов внутренних дел.

Для цитаты:

Петров В.Е., Кокурин А.В. Особенности применения Пятифакторного личностного опросника в деятельности психологов органов внутренних дел. [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С.40-49.
doi: 10.17759/psylaw.2016060304

For citation:

Petrov V.E., Kokurin A.V. Features of the application of five-factor personality questionnaire in the activities of psychologists of the bodies of internal affairs. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.40-49. doi: 10.17759/psylaw.2016060304

Проблема подбора надежных и эффективных психодиагностических методик для изучения личности сотрудников ОВД была актуальна всегда и, по-видимому, останется таковой еще достаточно долго. Причины этого различны и обусловлены рядом объективных, субъективных и ситуационных факторов. Так, требование экономичности выводит на первый план психологические обследования с минимальными затратами времени на их проведение, обработку и интерпретацию психодиагностической информации. Отсутствие дифференцированного подхода в выборе нормативных данных снижает прогностические возможности психологических заключений. Не в достаточной степени разработаны диагностические критерии специальных приложений инструментария изучения личности, например, для решения задач психологического обследования при допуске к несению службы с оружием сотрудников ГИБДД, комендантских подразделений и т. п.

Без преувеличения можно утверждать [1], что одной из эффективных диагностических методик является Пятифакторный личностный опросник (*NEO Five-Factor Inventory, Big Five, «Большая пятерка», или «Маркеры Большой пятерки», Costa & McCrae*). Опросник или FFI [3; 6] предназначен для комплексного изучения личности сотрудников на основе измерения ее пяти базовых факторов: «нейротизм» (Neuroticism, N), «экстраверсия» (Extraversion, E), «открытость опыту» (Openness to experience, O), «согласие»/«уживчивость»/«доброжелательность» (Agreeableness, A) и «сознательность» (Conscientiousness, C). Именно анализ практики применения этого опросника, его ренормирование и оценка возможностей были целью нашего исследования.

В лонгитюдном исследовании, проведенном в 2007–2015 гг., приняли участие слушатели ВИПК МВД России и некоторых иных образовательных организаций МВД России, сотрудники ОВД (всего 1748 человека; мужчины – 85,3%, женщины – 14,7%).

Обследование проводилось с использованием автоматизированного комплекса АРМ «Психотест» (PsychoTest) [2; 4; 5]. Статистическая обработка психодиагностических данных предусматривала расчет средних значений и стандартных отклонений (табл. 1) по каждой из шкал.

Таблица 1

Нормативные данные NEO-FFI

Шкала	Сотрудники ОВД, муж., жен. (1748 человек)		Сотрудники комендантских подразделений, муж. (65 человек), жен. (51 человек)	
	X_{cp}	σ_x	X_{cp}	σ_x
N	25,68	5,21	22,94	3,42
E	43,59	5,39	39,94	4,80
O	37,10	4,77	36,75	4,88
A	41,76	4,94	44,88	3,86
C	47,24	5,19	47,81	3,73
Шкала	Сотрудники ГИБДД, муж. (785 человек), жен. (15 человек)		Полицейский-водитель, муж. (116 человек)	
	X_{cp}	σ_x	X_{cp}	σ_x
N	26,26	4,57	25,67	4,46
E	43,15	5,18	42,86	5,21
O	35,77	4,26	35,33	4,29
A	41,40	4,04	42,97	3,90
C	46,37	4,70	46,67	4,83

Обновленные (полученные нами) данные имеют статистически значимые отличия от применяемых в настоящее время в ведомственной психодиагностической практике норм. Так, все нормативные показатели были существенно снижены, что приводило к необоснованному завышению результатов. Например, фактор «сознательность» (Conscientiousness) у 100 % обследуемых всегда принимал высокие и сверхвысокие значения (рис. 1). 70% сотрудников имели 9 станайн, что с точки зрения психометрии для общей выборки не соответствует действительности.

Пересчет первичных данных (1748 человек) с учетом новых норм существенно приблизил распределение к нормальному (Гауссовскому). Как следствие, полученная (новая) шкала «С» обладает высокими дифференциальными возможностями. Аналогичные выводы справедливы и по отношению к другим факторам FFI.

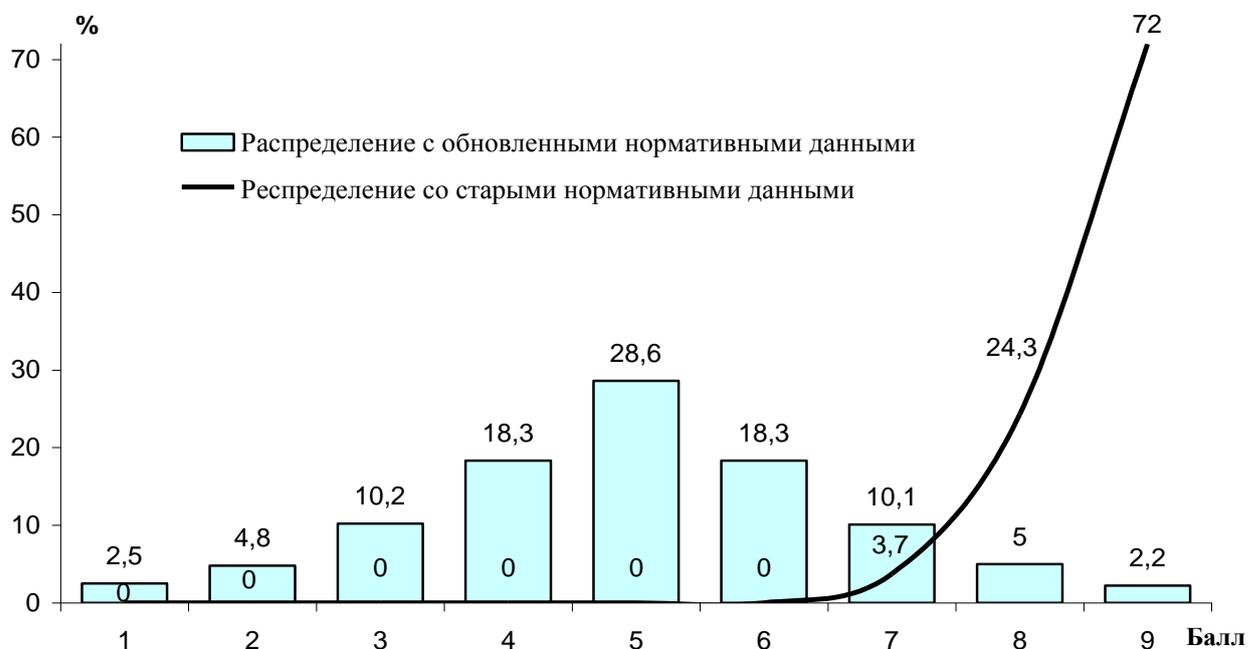

Рис. 1. Распределение показателя «Сознательность» (Conscientiousness, C)

Помимо основных шкал исследованы пять *диагностических индексов*, разработанных для решения специальных задач психологического отбора и сопровождения профессиональной деятельности [5].

1. Индекс «Психологическая готовность к несению службы с оружием» оценивает степень сформированности профессионально важных качеств личности, детерминирующих надежность профессиональной деятельности при несении службы с оружием. Ведущими психологическими характеристиками выступают: ответственность, организованность, дисциплинированность, чувство долга, уверенность в себе, сдержанность, дружелюбие и прагматизм. Готовность к деятельности и несению службы с оружием связана с гармоничным психологическим состоянием индивида.

2. Индекс «Дополнительное внимание со стороны психолога» выявляет индивидов, у которых личностные особенности определяют повышенную вероятность возникновения состояний дезадаптации не только в напряженных или экстремальных, но и в обычных условиях несения службы, что потенциально способствует развитию нервно-психических и психосоматических заболеваний, асоциального (делинквентного) поведения, аутоагрессии, приводит к снижению эффективности и надежности профессиональной деятельности. Это лица, нуждающиеся в повышенном психологическом внимании, а также те, кому необходима дополнительная поддержка в профессиональном становлении, формировании и развитии личности, поддержании психического здоровья.

3. Индекс «Психологическая пригодность к несению службы в экстремальных условиях» предназначен для диагностики индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих надежность и успешность профессиональной деятельности сотрудников в экстремальных ситуациях.

4. Индекс «Адаптационный (профессионально-психологический) потенциал индивида» (адаптивность) диагностирует комплекс индивидуально-психологических особенностей, определяющих адекватное требованиям изменившейся ситуации эффективное взаимодействие с профессиональной средой без чрезмерного психического напряжения. Адаптивность учитывает наличие регуляторных психических качеств, определяющих адекватное заданным условиям «внешней» среды поведение, эффективное взаимодействие с ней, оптимальный уровень нервно-психического напряжения.

5. Индекс «Степень профессиональной деформированности личности» оценивает изменения личностных особенностей индивида в асоциальную сторону, возникающие в результате воздействия негативных особенностей содержания, организации и условий профессиональной деятельности. Внешние формы проявления профдеформации личности могут быть различными: повышенная конфликтность, отсутствие мотивации к работе, значительное снижение эффективности профессиональной деятельности, систематические нарушения служебной дисциплины и т. п.

Методом сравнения с экспертными оценками изучена точность вышеприведенных индексов (табл. 2).

Таблица 2

Точность специальных индексов

Индекс	Градация / Точность (%)		
	1	2	3
Индекс «Психологическая готовность к несению службы с оружием» (W)	95,2	87,0	89,7
Индекс «Дополнительное внимание со стороны психолога» (V)	89,8	83,7	98,4
Индекс «Психологическая пригодность к несению службы в экстремальных условиях» (X)	91,8	86,1	80,3
Индекс «Адаптационный потенциал индивида» (P)	84,6	81,7	88,0
Индекс «Степень профессиональной деформированности личности» (D)	88,5	67,4	97,0

Достаточно высокие показатели прогнозных оценок (более 80%) позволяют утверждать, что индексы точно указывают на наличие или отсутствие соответствующей

проблематики, а также на особенности прохождения службы. При этом прогностические возможности, как правило, оказываются выше в «полярных» градациях (1 или 3).

Таким образом, проведенное нами научное исследование позволило оценить эффективность и уточнить нормативные показатели Пятифакторного личностного опросника, сформировать предложения по совершенствованию технологии работы с ним. Полагаем, что возможности данного инструментария позволяют существенно расширить сферу его применения, например, при изучении личности сотрудников, демонстрирующих те или иные виды девиантного поведения, при индивидуализации форм и методов психологической подготовки и оказания помощи, при прогнозировании профессионально-личностного развития.

Литература

1. *Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.* Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер Ком, 1999. С. 211.
2. *Мальцева Т.В., Петров В.Е.* Специфика психологической диагностики личностных особенностей сотрудников полиции на основе юмористических выражений // Актуальные проблемы медицинского и психологического сопровождения деятельности сотрудников органов внутренних дел: сб. мат. науч.-практ. конф. Домодедово, 2014. С. 74–82.
3. *Орел В.Е., Рукавишников А.А., Сенин И.Г.* Опыт адаптации методики диагностики личностных характеристик / Психологический пульс Ярославля. Ярославль, 1998. С. 222–233.
4. *Петров В.Е.* Психологическая диагностика: учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2008. 365 с.
5. *Петров В.Е.* Пятифакторный личностный опросник в современной психодиагностической практике: учеб.-метод. пособие. М.: Группа АБСОЛЮТ, 2008. 48 с.
6. *Costa P., McCrae R.* Multiple uses for longitudinal personality data // *European Journal of Personality*, 1992. Vol. 6, P. 85–102.

Features of the application of five-factor personality questionnaire in the activities of psychologists of the bodies of internal affairs

Petrov V.E., leading researcher of the Federal state institution Research Center of road safety Russian Interior Ministry, Ph.D., associate professor (*v.e.petrov@yandex.ru*)

Kokurin A.V., Head of Extreme Psychology Department of Moscow State University of Psychology and Education, Ph.D., Prof. (*kokurin1@bk.ru*)

The article is devoted to the study opportunities five-factor personality questionnaire as diagnostic tools for the study of the personality of employees of internal Affairs bodies in different categories. Subject of research – the practice of application of this methodology in the activities of the departmental psychologists. The research urgency is caused by necessity of scientific verification of the questionnaire for the decision of tasks of internal Affairs bodies. The study was conducted by psychological testing and expert evaluation. As the mathematical tools used descriptive statistics (frequency analysis and grouping), criterion χ^2 and student's t-test. The novelty of this study is to clarify the regulatory indicators questionnaire for categories such as "employee of ATS" (generalized image), "employee commandant's offices", "police", "policeman-driver". Study allows you to expand the scope of the questionnaire (the study of the personality of employees, demonstrating certain types of deviant behavior; individualization of forms and methods of psychological preparation and assistance; prediction of behavior in extreme conditions and professional and personal development).

Key words: psychodiagnostics, study of personality, five-factor personality inventory, renomirani, distribution, personnel of bodies of internal affairs.

References

1. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike. SPb.: Piter Kom, 1999. P. 211.
2. Mal'tseva T.V., Petrov V.E. Spetsifika psikhologicheskoi diagnostiki lichnostnykh osobennostei sotrudnikov politsii na osnove yumoristicheskikh vyrazhenii. Aktual'nye problemy meditsinskogo i psikhologicheskogo soprovozhdeniya deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del : sb. mat. nauch.-prakt. konf. Domodedovo, 2014. P. 74-82.
3. Orel V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I.G. Opyt adaptatsii metodiki diagnostiki lichnostnykh kharakteristik / Psikhologicheskii pul's Yaroslavlya. Yaroslavl', 1998. P. 222-233.

4. Petrov V.E. *Psikhologicheskaya diagnostika: Uchebnoe posobie*. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2008. 365 p.
5. Petrov V.E. *Pyatifaktornyi lichnostnyi oprosnik v sovremennoi psikhodiagnosticheskoi praktike: Uchebno-metodicheskoe posobie*. M.: Gruppya ABSOLYuT, 2008. 48 p.
6. Costa P., McCrae R. Multiple uses for longitudinal personality data // *European Journal of Personality*, 1992. Vol. 6, p. 85-102.

Индивидуально-психологические и социальные факторы риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга

Зубкова А.А., магистрант кафедры психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (*ni6.ann@gmail.com*)

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (*oshevsky@serbsky.ru*)

Описаны факторы риска криминальной агрессии у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга (ОПГМ) в зависимости от нарастания уровня социальных девиаций и степени выраженности патопсихологического фактора. Обследовано 113 подростков мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет. Основную группу составили несовершеннолетние с ОПГМ, совершавшие агрессивные правонарушения. Использовались методы исследования индивидуально-психологических особенностей и методика структурированной оценки риска противоправного поведения. Показано, что в качестве факторов риска криминального агрессивного поведения у подростков с ОПГМ выступает высокий уровень проактивной и реактивной агрессии, сочетающийся с недостаточно сформированными механизмами сдерживания агрессивных побуждений. Для таких несовершеннолетних характерна эмоциональная неустойчивость, которая сочетается с ригидностью и сензитивностью. С нарастанием органической патологии эти черты усиливаются и повышают риск агрессивного поведения. Значимую роль в формировании агрессивного криминального поведения играет неблагоприятная социальная среда. Внутрисемейные проблемы, социальная депривация, трудности в обучении, общение в антисоциальных группах, злоупотребление психоактивными веществами (ПАВ) повышают риск совершения агрессивных противоправных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, органическое поражение головного мозга, агрессивное криминальное поведение.

Для цитаты:

Зубкова А.А., Ошевский Д.С. Индивидуально-психологические и социальные факторы риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С.48-60. doi: 10.17759/psylaw.2016060305

For citation:

Zubkov A.A., Oshevsky D.S. Individual psychological and social risk factors for violent criminal behavior in adolescents with organic mental disorder. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.48-60. doi: 10.17759/psylaw.2016060305

В последние годы в России наблюдается некоторое снижение общего уровня противоправных действий, совершаемых лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста. Однако проблема подростковой преступности остается актуальной. По данным МВД РФ, в период с января по июнь 2016 года каждое двадцать четвертое преступление (4,1%) совершается несовершеннолетними или при их соучастии. Около половины подобных правонарушений приходится на долю подростков с психическими расстройствами. Среди них одно из ведущих мест занимают органические расстройства (23,3%) [8].

Деликты подростков с ОПГМ, как правило, носят агрессивный характер, часто совершаются в группе и имеют тенденцию к повторению [5; 6]. Предупреждение подобного рода правонарушений является актуальной задачей, решение которой необходимо разрабатывать на междисциплинарной основе, в том числе, с привлечением психологических знаний.

В рамках изучения аномального развития в русле судебной психиатрии, юридической и клинической психологии разработана методология оценки психического развития у несовершеннолетних, склонных к нарушению закона, в том числе страдающих психическими расстройствами [1; 3; 6; 7]. Она успешно используется в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), при осуществлении принудительного лечения и медико-психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, страдающих психическими расстройствами. Наряду с этим, в последние годы, преимущественно в западных странах, активно разрабатываются новые подходы работы с подростками-правонарушителями [9; 10; 11]. В них широко применяются методы структурированной оценки факторов риска и прогнозирования вероятности совершения повторных деликтов. Качественно-количественный анализ, позволяет объективизировать проблемные и ресурсные стороны развития подростков. Еще одним достоинством структурированных методов оценки факторов риска является то, что они могут быть включены в целостную систему многопрофильного сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, в том числе

страдающих психическими расстройствами. Однако для эффективного использования такого инструментария необходима его адаптация к российским условиям. Другая проблема заключается в том, что методы структурированной оценки, как правило, не учитывают вклад психопатологического фактора, имеющего патопсихологические корреляты [4]. Перечисленными выше аспектами обусловлена актуальность проведенного исследования.

Цель исследования – выявление факторов риска агрессивного криминального поведения у подростков с ОПГМ, совершивших агрессивные деликты.

Материал и методы исследования

Было обследовано 113 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет. Средний возраст испытуемых составил $16,1 \pm 0,7$ лет.

Использовались следующие методики: Тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга, «Тест Руки» Э. Вагнера, Индивидуально-типологический диагностический опросник (ИТДО), Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего – «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) [2].

Для верификации данных применялись математико-статистические методы: критерий Манна-Уитни (U), критерий Краскела-Уоллиса (H), коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r).

Организация исследования

Экспериментальное исследование организовывалось по принципу квазиэксперимента, группы выделялись таким образом, чтобы была возможность варьировать только одну переменную.

На первом этапе проводился сравнительный анализ групп, выделенных по принципу нарастания социальных девиаций: группа «Норма», куда вошли психически здоровые подростки и подростки с ОПГМ с условно нормативным поведением; группа «КДН» – испытуемые с делинквентным поведением, состоящие на учете в Комиссии по Делах Несовершеннолетних и защите их Прав (КДНиЗП); группа «ИМ» – несовершеннолетние с ОПГМ, совершавшие имущественные правонарушения (ст. ст. 158, 166 УК РФ), группа «АГ» – психически здоровые несовершеннолетние, совершавшие агрессивно-насильственные деликты (ст. ст. 105, 111, 161, 162 УК РФ), а также подростки с ОПГМ с различной степенью выраженности психопатологии, совершившие аналогичные правонарушения.

На втором этапе эксперимента оценивались факторы риска в зависимости от выраженности психопатологии. Выделялись следующие группы: «Без психопатологии» – психически здоровые подростки с различным уровнем социальных девиаций (от нормативного поведения до криминальных форм); группы «Умеренная психопатология» и «Выраженная психопатология» - подростки с ОПГМ (F07.08, F07.88 по МКБ-10). Критерием их разделения стали решения КСППЭ. Группу «Выраженная психопатология» составили несовершеннолетние, признанные невменяемыми. В выборку «Умеренная психопатология» вошли подростки с решениями, не исключающими вменяемость.

Результаты эмпирического исследования

На первом этапе выборка группировалась по принципу нарастания социальных девиаций.

Сравнительное исследование по интегративным показателям Теста «Руки» Э. Вагнера (рис.1.), показало, что подростки с криминальными формами поведения продемонстрировали высокий уровень проактивной агрессии и слабую сформированность механизмов сдерживания агрессивных побуждений. Показатели этих групп значительно отличаются от показателей у несовершеннолетних с нормативным поведением ($p < 0,05$). В то же время, значимых различий между группами «ИМ» и «АГ» не отмечено.

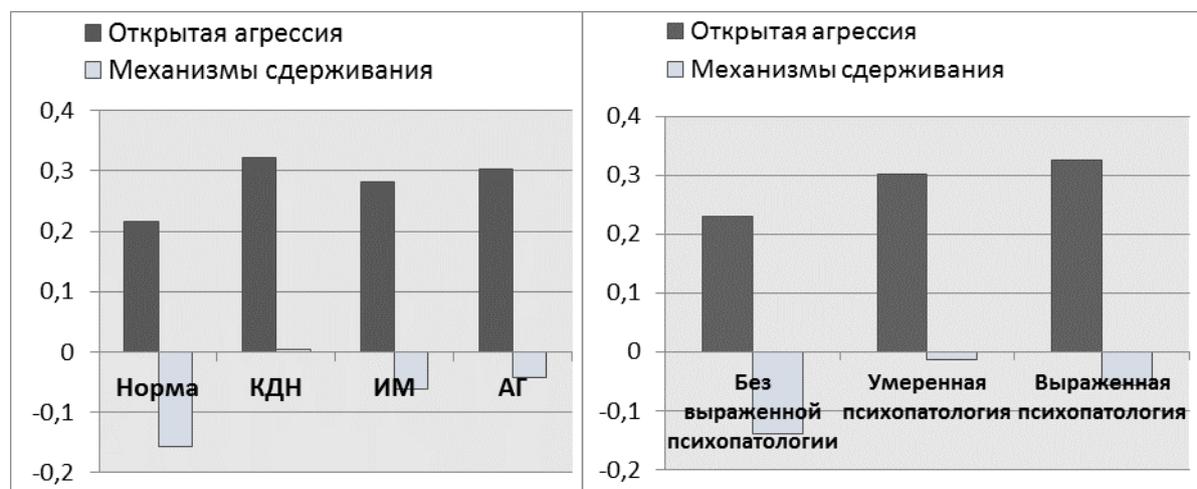

Рис.1. Показатели уровня агрессивности и сформированности механизмов сдерживания агрессии по «тесту Руки» Э. Вагнера у групп с различным уровнем социальных девиаций и различной степенью выраженности патопсихологического фактора

По отдельным показателям Теста «Руки» (рис.2.) у подгрупп, совершавших деликты различного характера («КДН», «Им» и «АГ»), обнаруживается достаточно высокий уровень ответов по шкале «Аг», характеризующей склонность к агрессивному реагированию. Кроме того, у испытуемых, совершивших криминальные действия (группы «ИМ» и «АГ») обнаруживается явный дефицит механизмов сдерживания агрессивных побуждений. Об этом свидетельствуют достоверно более низкие показатели ($p < 0,05$) по шкалам «Аффектации» («Аф») и «Страх» («Fiar»). Однако показатели имущественных и агрессивных правонарушителей не имеют значимых различий. Вероятно, для испытуемых с высоким уровнем социальных девиаций в целом характерна тенденция к открытому агрессивному реагированию. При этом у подростков-правонарушителей в значительной степени снижены эмоциональная чувствительность и склонность к сопереживанию, и они в меньшей степени учитывают возможные негативные последствия своих агрессивных действий. Выявленная закономерность может рассматриваться в качестве фактора риска криминального агрессивного поведения.

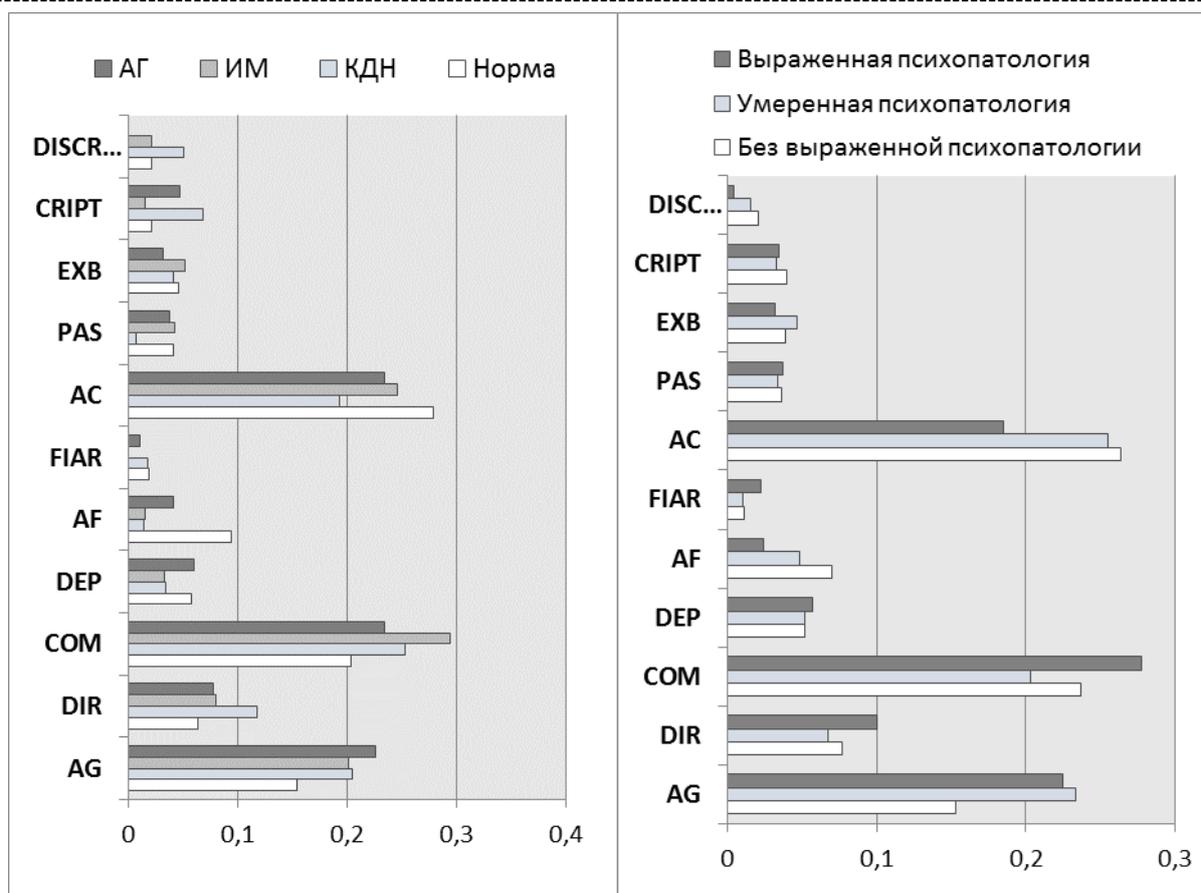

Рис.2. Показатели по «тесту Руки» Э. Вагнера у групп с различным уровнем социальных девиаций и различной степенью выраженности патопсихологического фактора

По данным теста С. Розенцвейга (табл. 1.) группы «КДН», «ИМ» и «АГ» между собой практически не имеют статистически значимых различий. Однако все они отличаются от группы «Норма». Подростки из основной группы - «АГ» отличаются от группы «Нормы» по наибольшему числу показателей (шкалы «OD», «ED», «E» и «I»). Таким образом, агрессивные правонарушители имеют не только высокий уровень агрессивности, но и значительно хуже оценивают проблемные ситуации. Они не склонны принимать на себя ответственность за происходящее. У таких подростков обнаруживается тенденция к внешнеобвиняющему защитному реагированию даже в относительно нейтральных ситуациях, что существенно затрудняет их способность действовать конструктивно.

Следует подчеркнуть, что у подростков-правонарушителей в целом обнаруживается склонность к самозащитным реакциям, что в сочетании с недостаточно усвоенными ими социальными нормами и правилами усиливает негативный эффект. Они недооценивают возможных негативных последствий своего поведения и не склонны принимать на себя ответственность в проблемных ситуациях. Выделенные особенности могут выступать в качестве факторов риска совершения противоправных действий, однако не определяют характер возможного деликта.

Таблица 1.

Направленность и характер реакций в ситуации фрустрации у подростков с различным уровнем социальных девиаций

ТЕСТ С. РОЗЕНЦВЕЙГА					
	Норма	КДН	все ИМ	все АГ	p-level<0,1
OD	22,29	21,79	14,3	15,17	** 0,0018 *** 0,0002
ED	43,38	42,08	52,15	53,7	** 0,0512 ***0,0024 **** 0,0155
E	38,77	41,75	42,84	47,13	*** 0,0249
I	30,45	20	22,3	21,23	* 0,0103 ** 0,0188 *** 0,0014

* – различия между группами «Норма» и «КДН»

** – различия между группами «Норма» и «ИМ»

*** – различия между группами «Норма» и «АГ»

**** – различия между группами «КДН» и «АГ»

Сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей у групп с разной степенью социальных девиаций по результатам опросника ИТДО обнаружил ряд достоверных различий (рис.3.).

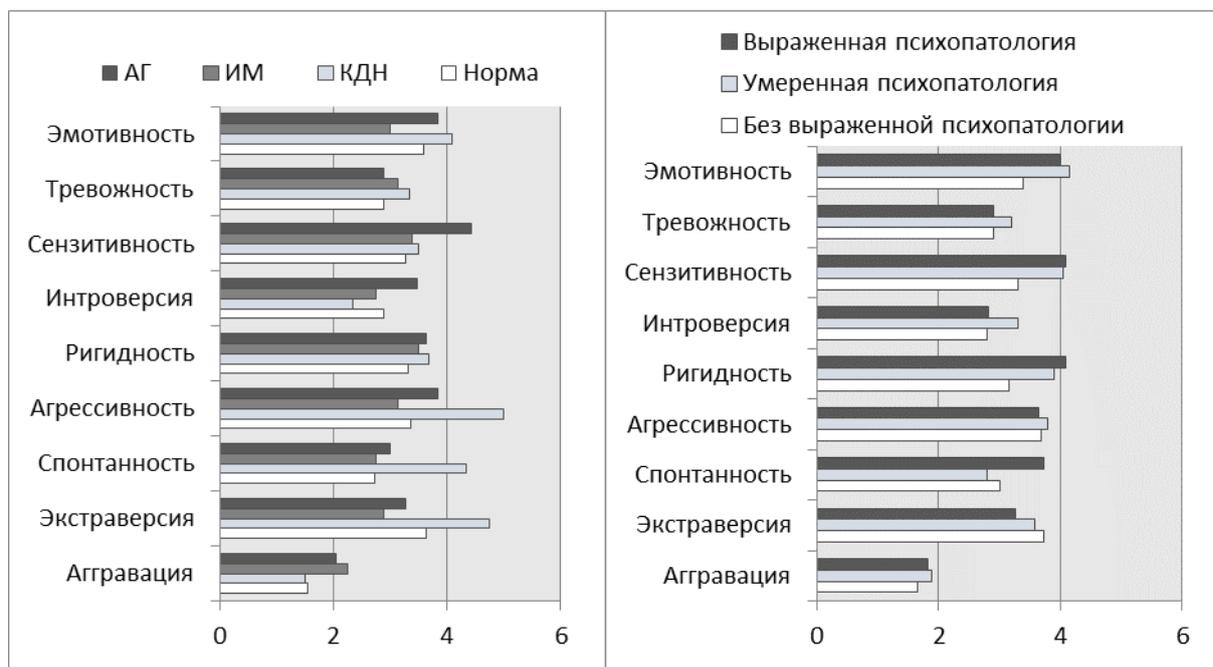

Рис.3. Индивидуальные психологические особенности подростков с различным уровнем социальных девиаций и разной выраженностью патопсихологического фактора по результатам методики ИТДО

У группы «АГ» отмечаются более высокие показатели по шкале «Сензитивность», что отличает ее от выборок «Нормы» и «ИМ» (на уровне значимости $p < 0,05$). Не исключено, что с нарастанием социальных девиаций повышается эмоциональная чувствительность к внешним факторам. Такая тенденция в сочетании повышенной агрессивностью, склонностью к внешнеобвиняющему и самозащитному реагированию, при низкой способности к оценке возможных последствий, может приводить к открытым агрессивным реакциям.

Структурированный метод Оценки Рисков и Возможностей (ОРВ) проводился на тех испытуемых, которые совершили противоправные действия или попали в поле зрения закона и социальных служб.

Группы несовершеннолетних с криминальным поведением имущественного и агрессивного характера значительно отличаются от группы «КДН» по всем шкалам методики. Вероятно, у подростков, совершавших более серьезные правонарушения, имеет место не только заострение негативных индивидуальных черт, но и массивное социальное неблагополучие. Несовершеннолетние с криминальным поведением отличаются плохой успеваемостью, они менее разборчивы и дифференцированы в общении, как правило, имеют в своем окружении антисоциальных сверстников. В подобных компаниях нередки случаи употребления алкоголя и других ПАВ, вследствие этого такие подростки достоверно чаще имеют проблемы с поведением. В итоге под влиянием этих факторов формируются негативные социальные установки и агрессивные паттерны поведения.

Значимые различия между группами имущественных и агрессивных правонарушителей выявлены не были. Исходя из этого, полагаем, что методика ОРВ позволяет определить склонность к противоправному поведению, однако не дает

возможности предсказать характер деликта.

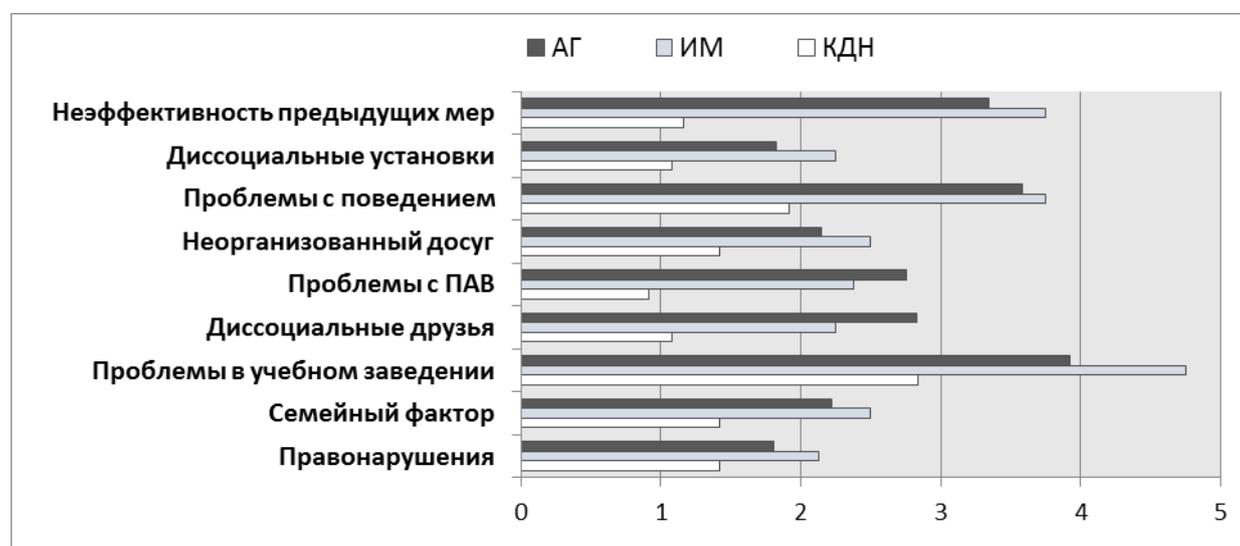

Рис.4. Показатели по шкалам методики ОРВ у подростков, совершивших правонарушения агрессивного (АГ) и имущественного (ИМ) характера и несовершеннолетних с делинквентным поведением (КДН)

Анализ данных в зависимости от нарастания психопатологического фактора по тесту «Руки» Э. Вагнера (рис.1.) не выявил достоверных различий. У всех трех групп интегративные показатели по агрессивности и сдерживающим механизмам находятся приблизительно на одном уровне. При этом по отдельным параметрам (рис.2.) обнаруживаются значимые различия. В частности, по параметру, характеризующему агрессивность между психически здоровыми и группой с выраженным психопатологическим фактором («Ag», $p < 0,05$). Также группа с выраженной психопатологией имеет более низкие показатели «Af», - параметру, характеризующему механизмы сдерживания агрессивных побуждений. Возможно, нарастание патопсихологического фактора приводит к дизрегуляции эмоций, что, в свою очередь, затрудняет адекватное социальное взаимодействие и повышает риск агрессивного поведения.

При сравнительном анализе результатов по методике ИТДО (рис.3.) были выявлены значимые различия групп подростков с ОПГМ от группы подростков без психопатологии по шкалам «Ригидность», «Сензитивность» и «Эмотивность». Вероятно, для подростков с выраженной психопатологией характерна повышенная чувствительность к внешним воздействиям. В силу эмоциональной неустойчивости, резкой смены настроения, они склонны давать достаточно интенсивные реакции. Кроме того, за счет высокой ригидности и инертности психических процессов отрицательный эмоциональный фон может поддерживаться достаточно долго. Такое сочетание индивидуальных свойств существенно повышает вероятность агрессивных реакций.

По данным теста С. Розенцвейга достоверные различия ($p < 0,05$) были выявлены только по показателю «OD». У испытуемых с выраженной психопатологией он достоверно ниже (14,85%). Вероятно, в силу снижения интеллектуальных возможностей, которые

характерны для ОПГМ, такие подростки хуже понимают ситуации социального взаимодействия и недооценивают своей роли в их возможном конструктивном разрешении.

Сравнительный анализ результатов психически здоровых подростков и несовершеннолетних с ОПГМ (умеренная и выраженная психопатология) по методике ОРВ, выявил значимые различия ($p < 0,05$) по всем без исключения шкалам методики (рис.5.).

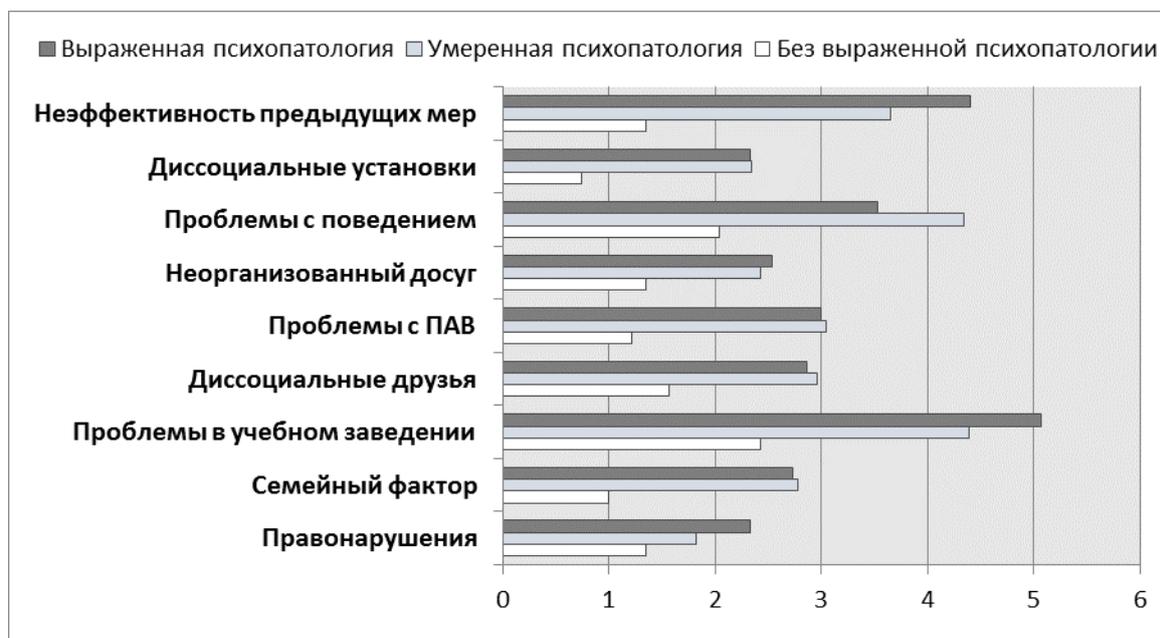

Рис.5. Показатели по шкалам методики ОРВ у подростков с ОПГМ с выраженной психопатологией, умеренной психопатологией и психически здоровых подростков

Наибольшие различия прослеживаются по параметру «Проблемы в учебном заведении». Для ОПГМ характерно снижение интеллектуальных функций, тенденция к конкретности мышления, что затрудняет усвоение учебного материала. Поведенческие проблемы, характеризующиеся прежде всего, эмоциональной неустойчивостью, усиливают неуспешность. Большинство подростков с ОПГМ в период обучения состояли на внутри школьном учете за нарушение дисциплины. По-видимому, это выступает предпосылкой для школьной дезадаптации. Не исключено, что именно недоучет клинической составляющей приводит к недостаточно эффективной работе с такими подростками (соответствующая шкала методики). К моменту совершения противоправных действий большинство несовершеннолетних с ОПГМ переставали посещать учебные заведения. Кроме того, эти факторы усугубляются рядом дополнительных негативных социальных влияний. Семьи подростков-правонарушителей с ОПГМ не только не могут оказать им должной поддержки, но и на определенном этапе, как правило к подростковому возрасту, полностью утрачивают контроль над поведением ребенка. Как следствие, такие несовершеннолетние попадают в диссоциальные компании. В этих референтных группах происходит употребление ПАВ, усваиваются негативные установки и агрессивные модели поведения. Все это существенно повышает риск агрессивного криминального поведения. Важно добавить, что анализ трех групп между собой с помощью критерия Краскела-Уоллиса (H) показал, что описанные закономерности прослеживаются вне зависимости от степени выраженности психопатологического фактора. Из этого следует, что клиничко-

психологическую оценку и дифференцированное сопровождение необходимо проводить со всеми подростками, имеющими органическую недостаточность.

Заключение

Таким образом, обобщенный анализ показывает, что у подростков с различным уровнем социальных девиаций, в том числе, страдающих ОПГМ, прослеживаются как общие, так и специфические факторы риска противоправного поведения. Общим для подростков-правонарушителей является низкий порог фрустрации, склонность к самозащитным реакциям, а также недостаточный прогноз возможных последствий собственных действий. Риск криминального поведения существенно усиливается в случае ранней криминализации и неблагоприятного семейного контекста. Однако эти особенности не определяют характер деликта. Специфическим фактором риска, характерным для несовершеннолетних с агрессивным криминальным поведением, является повышенная зависимость таких подростков от внешних неблагоприятных воздействий, которая сочетается с устойчивой склонностью к самозащитному, внешнеобвиняющему агрессивному реагированию. Риск существенно увеличивается, если такие несовершеннолетние имеют проблемы со злоупотреблением ПАВ.

У подростков с ОПГМ обнаруживаются специфические характерологические особенности. В качестве факторов риска может выступать высокий уровень проактивной и реактивной агрессивности, при недостаточной сформированности механизмов сдерживания агрессивных побуждений; эмоциональная неустойчивость, при повышенной чувствительности к внешнесредовым воздействиям. По мере усугубления органической недостаточности перечисленные свойства подростков имеют тенденцию к заострению, что повышает риск агрессивного криминального поведения. Однако они не могут рассматриваться изолированно, а опосредуется сложными социальными факторами риска.

Структурированные методы оценки риска позволяют выделить факторы противоправного агрессивного поведения у несовершеннолетних с ОПГМ. Среди них наибольшее значение имеют те, которые связаны с социальным неблагополучием подростков. Негативный семейный контекст, трудности адаптации в образовательной среде нарушают социализацию таких подростков. Общение несовершеннолетних с ОПГМ в основном происходит в диссоциальных референтных группах, где легко усваиваются агрессивные и криминальные модели поведения и в которых характерно злоупотребление ПАВ.

Выявленные особенности должны учитываться при разработке профилактических, коррекционных и реабилитационных программ у несовершеннолетних с ОПГМ, совершивших агрессивные деликты. Существенное заострение индивидуальных свойств подростков-правонарушителей с ОПГМ, связанное с органической недостаточностью, предполагает многопрофильный, комплексный клинико-психологический подход при их сопровождении. Использование методов структурированной оценки факторов риска агрессивного криминального поведения у подростков с ОПГМ является перспективным направлением, однако они не позволяют дифференцировать факторы риска у подростков с различной степенью выраженности ОПГМ, в связи с этим данный класс методик целесообразно дополнить такими возможностями.

Литература

1. Булыгина В.Г. Нарушения саморегуляции у несовершеннолетних с выраженными психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
2. Воронова Е.Л., Шипшин С.С. Руководство по судебному процессу в рамках кейс-менеджмент (технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом в соответствии со статьей 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ) [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону, 2009. URL: http://www.juvenilejustice.ru/files/attachements/documents/369_633.doc. (дата обращения: 09.07.16).
3. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: РИО «ГНЦ ССП Росздрава», 2004. 352 с.
4. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А. Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. 25 с.
5. Зубкова А.А., Ошевский Д.С. Факторы риска криминального агрессивного поведения у подростков с психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2014. № 12. С. 34–41.
6. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: психологический аспект : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 166 с.
7. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Ошевский Д.С., Булатова М.В. Комплексная психолого-психиатрическая оценка органического психического расстройства у обвиняемых подростков: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 23 с.
8. Мохонько А.Р., Макушкин Е.В., Муганцева Л.А. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2014 году: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. – М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2015. Вып. 23. 212 с.
9. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. Tampa FL: University of South Florida, 2000. 110 p.
10. Farrington D.P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence // Violence and Victims / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 4. P.79–100.
11. Hoge R.D., Andrews D.A. Youth Level of Service. Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services, 2002. 153 p.

Individual psychological and social risk factors for violent criminal behavior in adolescents with organic mental disorder

Zubkova A.A., Master Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (nu6.ann@gmail.com)

Oshevsky D.S., Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Senior Research Associate, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry (dso@rambler.ru)

The article describes the risk factors for criminal aggression in adolescents with an organic mental disorder depending on the level of social deviations or severity of pathopsychological factor. The study involved 113 male adolescents aged 15 to 17 years. The main group consisted of juvenile offenders with organic mental disorder. We used the methods of investigation to determine the individual psychological characteristics, we also used structured risk assessment methods. It is shown that risk factors for criminal aggressive behavior in adolescents with organic mental disorder are a high level of proactive and reactive aggression, combined with underdeveloped mechanisms deter aggressive intentions. With the increase of organic disease, these features become more stable. An important role in shaping the aggressive criminal behavior plays an unsuccessful social environment. Interfamily problems, social deprivation, learning difficulties, communication in antisocial groups and substance abuse - all this increases the risk of aggressive illegal actions.

Key words: juvenile offenders, organic mental disorder, violent criminal behavior.

References

1. Bulygina V.G. Narusheniya samoregulyacii u nesovershennoletnih s vyrazhennymi psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih obshchestvenno opasnye deyaniya. Avtoref. dis. kand. psihol. nauk. Moscow, 2006. 22 p.
2. Voronova E.L., SHipshin S.S. Rukovodstvo po sudebnomu processu v ramkah kejs-menedzhment (tekhnologiya sbora i analiza yuridicheski znachimoj informacii o nesovershennoletnem podsudimom v sootvetstvii so stat'ej 421 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF) [EHlektronnyj resurs]. Rostov-na-Donu, 2009. URL: http://www.juvenilejustice.ru/files/attachements/documents/369_633.doc. (data obrashcheniya: 09.07.16).

3. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem. Moscow: RIO «GNC SSP Roszdrava», 2004. 352 p.
4. Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S., Aleksandrova N.A. Ocenka riska protivopravnih dejstvij u detej i podrostkov: metod. rekomendacii. Moscow: FGBU «GNCSSP imeni V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitiya Rossii, 2011. 25 p.
5. Zubkova A.A., Oshevskij D.S. Faktory riska kriminal'nogo agresivnogo povedeniya u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami [Risk factors for violent criminal behavior in adolescents with organic mental disorder.]. // *Psihicheskoe zdorov'e [Psi Mental-health]* 2014. № 12. pp. 34–41.
6. Oshevskij D.S. Psihicheskoe razvitie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih agresivno-nasil'stvennye pravonarusheniya: psihologicheskij aspekt : dis. kand. psihol. nauk. Moscow, 2006. 166 p.
7. Makushkin E.V. Kompleksnaya psihologo-psihiatricheskaya ocenka organicheskogo psihicheskogo rasstrojstva u obvinyaemyh podrostkov : metodicheskie rekomendacii. Moscow, 2013. 26 p.
8. Mohon'ko A.R., Makushkin E.V., Muganceva L.A. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti sudebno-psihiatricheskoy ehkspertnoj sluzhby Rossijskoj Federacii v 2014 godu: Analiticheskij obzor / Pod red. E.V. Makushkina. – Moscow: FGBU “FMICPN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii, 2015. № 23. – 212 p.
9. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. Tampa FL: University of South Florida, 2000. 110 p.
10. Farrington D.P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence // *Violence and Victims* / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 4. P.79–100.
11. Hoge R.D., Andrews D.A. Youth Level of Service. Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services, 2002. 153 p.

О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы

Информационное письмо

*Утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте
России*

(Протокол № 6 от «15» июня 2016 года)

*Утверждено Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского»
Минздрава России*

(Протокол № 7 от «20» июня 2016 года)

Настоящее информационное письмо подготовлено в связи с растущим числом обращений следователей и вынесением постановлений о назначении психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям допросов и продиктовано необходимостью упорядочить экспертную практику, касающуюся исследования видеоматериалов проведения отдельных следственных действий с различными субъектами уголовного процесса.

В информационном письме рассматриваются возможности назначения таких экспертиз и основания проводимых исследований, в соответствии с научными принципами профессиональной деятельности экспертов.

Письмо подготовлено под руководством директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного работника юстиции России С.А. Смирновой и заместителя генерального директора по научной работе ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, доктора медицинских наук, профессора Е.В. Макушкина доктором юридических наук А.Я. Аснисом, доктором психологических наук Е.В. Васкэ, доктором психологических наук, профессором Е.Г. Дозорцевой, доктором психологических наук, профессором Ф.С. Сафуановым, кандидатом юридических наук, доцентом С.Н. Шишковым, кандидатом психологических наук, доцентом С.С. Шипшиным, кандидатом психологических наук, доцентом Д.С. Ошевским, кандидатом медицинских наук Д.В. Бердниковым, кандидатом юридических наук, доцентом Т.Н. Секераж, кандидатом юридических наук А.Н. Калининой.

Для следователей, судей, прокуроров, руководителей федеральных бюджетных учреждений Минюста России, судебных психологов.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, экспертиза

достоверности показаний, экспертиза видеоматериалов следственных действий.

Для цитаты:

Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Информационное письмо. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С.61-78. doi: 10.17759/psylaw.2016060306

For citation:

Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ya. et al. About illegality determination of the validity of evidence through forensic examination. Information letter. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.61-78. doi: 10.17759/psylaw.2016060306

Научная дискуссия о надежности свидетельских показаний и о возможности их использования в судебной практике была начата еще в начале XX в. на этапе зарождения юридической психологии. Одной из ключевых работ этого периода стало исследование В. Штерна «Показание как результат умственной работы и продукт допроса: экспериментальное исследование школьников» (1904). В последующие годы эта тема, как чрезвычайно важная для принятия правильных судебных решений, продолжала пользоваться вниманием ученых и практиков.

Исследования, выполненные зарубежными учеными на эмпирическом материале, привели к созданию методического подхода к оценке достоверности (правдоподобности) показаний детей. Но в дальнейшем область применения этого метода была расширена на показания свидетелей и потерпевших любого возраста. К настоящему периоду в отечественной экспертной практике традиционной и обязательной является судебно-психологическая либо комплексная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего или свидетеля, «...когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания» (ст. 196 УПК РФ).

Разработка в российской судебной психологии методологии судебной психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) способности подэкспертного давать показания (Коченов М.М., 1977; Морозова М.В., 1995, 2009, 2016; Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф., 2012) позволила сформулировать несколько базовых положений, лежащих в настоящее время в основе экспертной практики. К ним, в частности, относится выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля и др.) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также установление влияющих на эти феномены факторов.

Так, потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов, и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно

воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях. На актуальную возможность влияют фактор возраста и соответствующего психического развития (если подэкспертным является ребенок), индивидуально-психологические (личностные) особенности, а также специфика ситуации. Данные факторы имеют динамический характер, а ситуация рассматривается как развивающаяся от криминального эпизода до времени дачи показаний.

В результате комплексного исследования потенциальной способности и актуальной возможности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, с учетом выделенных факторов, делаются экспертные выводы о наличии указанных способности и возможности в их ограничении либо нарушении. При этом сами показания специальному анализу для установления их правдоподобности не подвергаются.

Вместе с тем, практическая потребность в подобном анализе существует как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Поэтому проблема экспертной оценки способности давать показания в рамках уголовного дела, а также возможность оценивать в этом контексте сами показания, требуют всестороннего и самого пристального анализа.

Как известно, определение достоверности показаний относится к компетенции суда. Ряд российских специалистов в области юридической психологии высказываются в пользу проведения соответствующих психологических исследований, в том числе экспертных, для информирования сотрудников органов предварительного следствия и судей о том, содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности» (Ситковская О.Д., 2001, 2007).

В последнее время в российской экспертной практике начинают появляться и сами судебные экспертизы свидетельских показаний, нацеленные на выявление «признаков психологической достоверности». Так, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова и Е.Н. Холопова (2016) в своей книге «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» делают попытку методологически обосновать методику анализа достоверности свидетельских показаний по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предлагая использовать анализ содержательных особенностей показаний, поведения и эмоциональных проявлений подэкспертного, его индивидуально-психологических особенностей, «...ведущей мотивации и системы мотивов при даче показаний по делу» (с.86). Однако признать эту попытку успешной нельзя.

В качестве обоснования данной методики авторы приводят различные концепции и методические подходы как отечественных (Л.Б. Филонов, В.П. Белянин и др.), так и зарубежных (А. Врай, П. Экман, М. Штеллер, Г. Кёнкен, В.А. Шаповалов) авторов. Несмотря на то, что В.Ф. Енгальчев с соавторами приводят различные системы анализа поведения и эмоций, якобы позволяющие дифференцировать ложные и истинные высказывания, возможности такой дифференциации не имеют экспериментального обоснования.

Так, в структуру данной «частной экспертной методики» входят: психологический анализ материалов уголовного дела; психологический анализ коммуникативного

взаимодействия подэкспертного с фигурантами видеозаписи и определение «фонового» состояния допрашиваемого лица; психологический анализ вербальных и невербальных проявлений подэкспертного и его психоэмоционального состояния; сравнительный анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного об обстоятельствах, имеющих уголовно-релевантное значение, и его невербального реагирования.

Таким образом, основой экспертной методики является анализ вербальных и невербальных составляющих показаний, где одно из центральных методических средств – «Оценка валидности утверждений». В книге ее авторство почему-то приписывается У. Ундойчу, хотя последнему принадлежит лишь гипотеза о качественных различиях показаний, основанных либо не основанных на пережитом субъектом опыте, а также первоначальный опыт ее проверки на практике. В действительности авторами данной методики (в оригинале она носит название «Анализ качества высказываний») являются немецкие психологи М. Штеллер и Г. Кёнкен, предложившие ее в 1989 г.

В.Ф. Енгальчев и его соавторы апеллируют к иностранному опыту на основе информации из книги А. Врая (в издании – О. Фрай). Однако, как сам А. Врай (2005), так и другие психологи, в том числе Г. Кёнкен (2010, 2015), выступают против использования контент-анализа содержания показаний и выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. Точность дифференциации воспроизведения «пережитых» и «не пережитых» событий при этом хоть и составляет от 70 до 90%, но она недостаточна для принятия однозначного экспертного решения, тем более, если оно имеет инкриминирующее значение. Как пишут Г. Кёнкен и его соавторы, «Оценка валидности утверждений» «...не является психометрическим тестом, а представляет собой процедуру генерирования и проверки гипотез относительно происхождения утверждений» (Köhnken G. et al., с. 14); «К сожалению, не существует методов, которые могли бы быть применены для различения между ложными и истинными воспоминаниями, поскольку их характеристики не всегда разнятся» (там же, с. 16).

В англоязычной литературе нет ссылок на то, что подобная процедура используется в экспертной практике, в то же время ее применение рекомендуется при расследовании дела, особенно на первых стадиях следствия для выдвижения основных версий.

За рубежом экспертные исследования свидетельских показаний на основе видеозаписей выполняются в полном объеме только в немецкоязычном регионе (ФРГ, Австрия, Швейцария), где в течение последних 60 лет и шла разработка методов оценки показаний. При этом, весьма существенные изменения экспертная практика в этой области претерпела за последние 15 лет после громких скандальных судебных процессов (Вормские процессы), когда Верховный суд ФРГ принял ряд методических ограничений для подобного рода экспертиз.

Так, например, экспертный вопрос имеет принципиальную «обратную» постановку – в нем изначально постулируется несоответствие показаний реальности, а задача эксперта состоит в поиске доказательств, опровергающих эту гипотезу. Кроме того, речь идет об исследовании не показаний, а психической деятельности свидетеля, обладающего определенными качествами (компетентностью): *Мог ли этот свидетель с данными индивидуальными характеристиками при данных условиях опроса и с учетом возможных в конкретном случае влияний со стороны третьих лиц дать эти конкретные показания, без того, чтобы они основывались на реальных переживаниях?* (Volbert R., 2014).

Для проведения экспертизы устанавливаются и определенные условия – особые требования к характеру проведения допроса, использование только первичных показаний. Подчеркивается, что применение контент-анализа показаний имеет смысл только при предположении о том, что свидетель сознательно обманывает следствие. В случаях же добросовестного заблуждения «признаки достоверности» неприменимы, тогда как эксперт должен выяснить и эти обстоятельства.

Проведенный анализ текста книги В.Ф. Енгальчева и соавторов показал, что эти требования и ограничения авторами не учитывались, в связи с чем говорить об адекватном использовании ими оригинальной методики не представляется возможным.

Более того, немецкие исследователи выступают против применения в экспертных целях анализа невербальных признаков «достоверности» информации. Так, Г. Кёнкен (2010) называет мифом утверждения о том, что особенности поведения лгущего отличают его от говорящего правду, представляя убедительные данные о том, что успешность такой дифференциации не отличается от случайной. Как известно, и данные П. Экмана о микровыражениях лица также к настоящему времени не имеют эмпирического подтверждения. В связи с этим, считаем преждевременным включать анализ невербального поведения в экспертное исследование.

Представленный авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» метод «Стоп-кадр», по их утверждению, «...призван решать идентификационную задачу, сопряженную с отождествлением субъекта, являющегося подэкспертным, и решать диагностическую задачу, связанную с выявлением сенсорно-очевидных признаков невербального(поведенческого) и психоэмоционального характера и их фиксацией –для запечатления в статике» (с.202). В.Ф. Енгальчев с соавторами предлагают зафиксированные признаки невербальных реакций и мимических проявлений субъекта, на которые эксперты ссылаются в тексте своего заключения, отображать со скриншотами в фототаблице, что, по их мнению, «...наглядно иллюстрирует идентификационную значимость отдельно взятого признака и их совокупность» (с. 202). В качестве примера авторами «...для наглядности в монографии представлены фотографии, выполненные методом “Стоп-кадр” (скриншоты) из заключений экспертов, составленных по разным уголовным делам в различное время» (с. 202), к которым, со ссылкой на работу Д. Фаста «Язык тела. Азбука человеческого поведения» (с. 207), следуют короткие комментарии: жест «рука к лицу», глаза в пол, ерзанье, стряхивание напряжения с рук, плотно сжатый рот, глубокий вздох, негативные эмоции, закрытие рта, сглатывание, заикание и др. (с. 203–206). При этом авторы поясняют, что «...в целях снижения вероятности экспертных ошибок субъективного характера представленная видеозапись (в том числе и зафиксированные с помощью метода «Стоп-кадр» поведенческие и эмоциональные проявления) оцениваются каждым из экспертов независимо от другого эксперта и только в контексте «целостной модели поведения» (с. 207). Полученные экспертами результаты сопоставляются, и анализируются только те выявленные признаки, которые не вызывают ни у одного из экспертов сомнений» (с.207). Однако, даже при вышеприведенных «оговорках» авторов, предложенный ими метод «Стоп-кадр» никоим образом не может претендовать на научную обоснованность, в связи с чем его использование в экспертной практике недопустимо.

При анализе материала, представленного в книге В.Ф. Енгальчева и соавторов, нельзя обойти вниманием и тот эмпирический материал, который должен иллюстрировать действенность предлагаемого ими методического подхода. Так, в приложении приводится описание дела несовершеннолетнего (13 лет) потерпевшего С. Максима, который дает показания о якобы имевшем место сексуальном злоупотреблении со стороны отчима. На основе анализа материалов уголовного дела, а затем и очного обследования эксперт-психолог делает вывод о наличии у С. Максима «признаков диссоциального нарушения личности» и «псевдологии (лживости)». Тем самым эксперт не только выходит за пределы своей компетенции («диссоциальное расстройство личности» и «псевдология» – клинические диагнозы, которые могут быть поставлены только врачом-психиатром), но и демонстрирует незнание того обстоятельства, что расстройство личности может быть диагностировано не ранее 16–17-летнего возраста. При очном обследовании подростка используется и содержательно трактуется тест Люшера, тогда как валидизации этой методики, в частности, для подростковой популяции, нет и применение «толкований» различных сочетаний цветов по отношению к ребенку недопустимо. Субъективностью отличаются и трактовки различных поведенческих проявлений С. Максима при даче им показаний.

Необходимо отметить и тот факт, что, представляя свою «частную экспертную методику», наряду с некорректной или неверной трактовкой концептуальных позиций ряда авторов (У. Ундойча, А. Врая, Г. Кёнкена и др.), авторы книги неоднократно не только ссылаются, но и обширно цитируют практиков из среды предпринимателей, что вызывает большие сомнения в научной обоснованности предлагаемых ими методов экспертного исследования. Так, например, в качестве обоснования своей позиции авторами цитируются следующие речевые конструкции:

- «Существует закономерность во взаимосвязи служебного положения человека и его лексикона: чем выше на социальной лестнице находится человек, тем больше он общается с помощью речи, в то время как менее образованные люди больше полагаются на жесты» (см.: Спирица Е. Теория лжи: кратко о сложном: курс лекций. М.: Международная Академия исследования лжи, 2011) (с.265);

- «Самый верный признак лжи был только у сказочного персонажа Пинокио. Когда он говорил неправду, его нос удлинялся. Отсюда и пошел жест прикосновения к носу, который так и называется “синдром Пинокио”» (см.: Спирица Е.В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // Материалы семинара-тренинга для специалистов-полиграфологов: тренинг «Оперативная психодиагностика людей: как узнать всю правду про собеседника за 3 мин» (Екатеринбург, 15–17 июня 2012 г.). Екатеринбург, 2012.) (с.300) и т. д.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, предлагаемый авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» методический подход является эклектичным и научно необоснованным.

Установление же достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной), как авторы предлагают в книге, на научной основе в настоящий момент невозможно по следующим основаниям.

Общепринято, что предметом судебно-психологического экспертного исследования является в общем плане психическая деятельность подэкспертного лица, имеющая юридическое значение и влекущая определенные правовые последствия. Авторами книги (с. 69–70) утверждается, что частным предметом экспертизы достоверности показаний является «...информация, получаемая от объекта видеозаписи, воспроизводимая им в устно-речевой или письменно-речевой формах (*содержательные особенности показаний*) и имеющая уголовно-релевантное поведение...». Общим предметом экспертизы, по мнению авторов (с. 69), являются «...коммуникативная ситуация (*следственное действие либо оперативно-розыскное мероприятие*), коммуникативная деятельность участников оперативного или следственного действия и особенности взаимодействия между субъектами, запечатленными на видеозаписи». Определение общего и частного предметов экспертного исследования и их соотношение вызывают серьезные сомнения.

Во-первых, следственные и оперативно-розыскные мероприятия не могут выступать в качестве предмета психологической экспертизы.

Во-вторых, нельзя соотносить воспроизводимую подэкспертным информацию как со следственными и оперативно-розыскными действиями, так и с коммуникативной деятельностью допрашиваемого, так как оценка достоверности содержательной стороны показаний подразумевает, по версии авторов, и диагностику содержания сознания подэкспертного, что в настоящее время с позиций научной психологии невозможно.

Авторы, при попытке развести «юридическую» и «психологическую» достоверность показаний утверждают, что психологическая достоверность – это «...свойство показаний, характеризующее степень соответствия сообщаемой допрашиваемым информации событиям (явлениям), *воспринятым им* в юридически значимой ситуации. Недостоверность же представляет собой противоположное достоверности свойство показаний, т. е. несоответствие сообщаемой информации *воспринятым* допрашиваемым событиям» (с. 78). Однако диагностика содержания сознания (даже если оно имеет юридическое значение, как, например, при решении вопроса о понимании обвиняемым в изнасиловании беспомощного состояния потерпевшего) никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет (это же относится и к полиграфическому исследованию).

Авторы книги понимают «юридическую достоверность» судебного доказательства только как его соответствие другим доказательствам: «Достоверность доказательства проверяется его сопоставлением с другими доказательствами. Обнаружение противоречивых, взаимоисключающих сведений говорит о недостоверности каких-то из доказательств. Исходя из этого, одним из основных качеств «юридической достоверности» является ее *непротиворечивость* другим собранным по делу доказательствам» (с. 77). Таким образом, при подобном «понимании» установление следователем (судом) «юридической» достоверности доказательства фактически сведено исключительно к его сопоставлению с другими доказательствами с целью выявления их противоречивости либо непротиворечивости.

Данный подход является необоснованным, что подтверждается следующим.

Во-первых, он не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, «...каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости,

.....
достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Следовательно, оценка достоверности должна производиться в отношении каждого доказательства в отдельности, а все они оцениваются в совокупности друг с другом, чтобы оценить их достаточность для разрешения дела. К лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ). Эксперта в этом перечне нет.

Во-вторых, предлагаемая авторами концепция «юридической» и «психологической» оценки достоверности показаний перекладывает оценку их содержательной стороны на экспертов, вопреки тому, что содержательную оценку каждого доказательства УПК РФ отнес к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. По логике авторов монографии, субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты.

Экспертные исследования свидетельских показаний – чрезвычайно сложная область экспертной практики, требующая от экспертов особой ответственности и профессионализма. Дальнейшие исследования в этой сфере необходимы. Однако это не является основанием для применения в экспертной практике непроверенных, не основанных на убедительных научных данных методов и «частных экспертных методик». В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперт должен проводить исследования объективно, **на строго научной** и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность **проверить** обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе **общепринятых научных** и практических данных.

Таким образом, учитывая положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно.

Литература

1. Васкэ Е.В. Особенности проведения судебно-психологических экспертиз в ходе предварительного расследования: практическое пособие. Н. Новгород: ГУВД по Нижегородской области, 2007. 71 с.
2. Васкэ Е.В., Виноградов А.П. Судебно-психиатрические, судебно-психологические и комплексные с ними экспертизы: особенности назначения и проведения в ходе предварительного следствия: учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: СУ СК РФ по Нижегородской области, 2016. 88 с.
3. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология 2015. Т. 4. № 3. С. 47–56.
4. Дозорцева Е.Г., Жбанкова О.В., Гаврилова Т.В. Комплексная методика допроса

- несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера: практическое пособие по проведению допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера (в печати).
5. *Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
 6. *Морозова М.В.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания // Медицинская и судебная психология: Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2009. С. 506–527.
 7. *Сафуанов Ф.С.* Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994, № 3. С.50–54.
 8. *Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н.* Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) // Законность. 1992. № 2, С. 13–14.
 9. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
 10. *Ситковская О.Д., Конышева Л.П.* Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: науч.-метод. пособие. М.: Юнити-Дана, 2001. 72 с.
 11. *Ситковская О.Д.* Психология свидетельских показаний: науч.-метод. пособие. М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. 80 с.
 12. *Фрай О.* Детекция лжи и обмана. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2005. 320 с.
 13. *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления лжи. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2006. 286 с.
 14. *Холевчук А.Г.* Криминалистический анализ зарубежных методов детекции лжи: тенденции и определение перспектив // Инновации в науке: сб. ст. по материалам LIII междунар. науч.-практ. конф. № 1 (50). Ч. I. Новосибирск: АНС «СибАК», 2016. 124 с.
 15. *Amado B.G., Arce R., Farina F.* Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2015. Vol. 7. № 1. P. 3–12. doi:10.1016/j.ejpal.2014.11.002
 16. *Anson D.A., Golding S.L., Gully K.J.* Child sexual abuse allegations: Reliability of criteria-based content analysis // Law and Human Behavior. 1993. Vol. 17. № 3. P. 331–341. doi:10.1007/BF01044512
 17. *Arntzen F.* Psychologie der Zeugenaussage. System der Glaubwürdigkeitsmerkmale.

München: Beck, 1983. 171 p.

18. Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style / P. Santtila, H. Roppola, M. Runtti, P. Niemi // *Psychology, Crime and Law*. 2000. Vol. 6. № 3. P. 159–179. doi:10.1080/10683160008409802
19. *Bauer P.J., Wewerka S.S.* Saying is revealing: Verbal expression of event memory in the transition from infancy to early childhood // P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (eds.) *Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events*. Mahwah; NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 139–168.
20. *Boychuk T.* Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse: A field-based validation study / Unpublished doctoral dissertation, Arizona State University. 1991.
21. *Brown J.M.* Statement Validity Analysis / J.M. Brown, E.A. Campbell. *The Cambridge Handbook of Forensic Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 319–326.
22. *Bruner J., Haste H.* Making sense: The child construction of reality. New York: Methuen, 1987.
23. *Colewell K., Hiscock C.K., Memnon A.* Interviewing techniques and the assessment of statement credibility // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol. 16. № 3. P. 287–300. doi: 10.1002/acp.788
24. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis / S. Sporer, I. Blandon-Gitlin, J. Masip, V. Hauch // *EAPL + World Conference*. 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts, 2015. 238 p..
25. Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis / Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. // *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28. № 1. P. 79–90. doi: 10.1002/acp.2959
26. Criteria-based Content Analysis of True and Suggested Accounts of Events / I. Blandon-Gitlin, K. Pezdek, D.S. Lindsay, L. Hagen // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol. 23. № 7. P. 901–917. doi: 10.1002/acp.1504
27. Criterion-Based Content Analysis: A field validation study / M.E. Lamb, K.J. Sternberg, P.W. Esplin, I. Hershkowitz, Y. Orbach, M. Hovav // *Child Abuse and Neglect*. 1997. Vol. 21. № 3 –. 255–264. doi:10.1016/S0145-2134(96)00170-6
28. Detecting Deception in Children: Event Familiarity Affects Criterion-Based Content Analysis Rating / K. Pezdek, A. Morrow, I. Blandon-Gitlin, G.S. Goodman, J.A. Quas, K.J. Saywitz, S. Bidrose, M.-E. Pipe, M. Rogers, L. Brodi // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. № 1. P. 119–126. doi:10.1037/0021-9010.89.1.119

29. *Dettenborn H., Fröhlich H.-H., Szewczyk H.* Forensische Psychologie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.
30. *Fivush R. Haden C.A.* Narrating and representing experience: Preschoolers' developing autobiographical recounts // P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (Eds.) Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events. Hillsdale; NJ: Erlbaum, 1997. P. 169–198.
31. *Goodman G.S.* Commentary: On stress and accuracy in research on children's testimony // J. Doris (Ed.) The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. P. 77–82.
32. *Halfmann E., Sporer S.L.* Belief in Context: Effects of suspect preparation time on belief about Scientific Content Analysis // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts, 2015. P. 92–93.
33. *Honts C. R.* Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994 // North Dakota Law Review. 1994. Vol. 70. P. 879–903.
34. Interviewer questions and content analysis of children's statements of sexual abuse / R.A. Craig, R. Scheibe, D.C. Raskin, J.C. Kircher, D. Dod .// Applied Developmental Science. 1999. Vol. 3. № 5. P. 77–85. doi:10.1207/s1532480xads0302_2
35. *Köhnken G.* Statement Validity Analysis and the detection of the truth // P.A. Granhag, L.A. Stromwall (Eds.). The detection of deception in forensic context. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 41–63.
36. *Köhnken G.* Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen)Aussagen // N. Saimeh (Hrsg.) Kriminalität als biographisches Scheitern. Forensik als Lebenshilfe? Bonn: Psychiatrie-Verlag, 2010. S. 50–62.
37. *Köhnken G., Manzanero A.L., Scott M.T.* Statement validity assessment: myths and limitations // Anuario de Psicología Jurídica. 2015. № 25. P. 13–19. doi:10.1016/j.apj.2015.01.004
38. *Lamers-Winkelmann F., Buffing F.* Children's testimony in the Netherlands: A study of statement validity Analysis // International perspectives on child abuse and children testimony: Psychological Research and law. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996. P. 45–62.
39. *Moston S.* How children interpret and respond to questions: situation sources of suggestibility in eyewitness interviews // Social Behavior. 1990. № 5. P. 155–167.
40. *Nelson K.* Event knowledge and cognitive development // K. Nelson (Ed.) Event knowledge: Structure and functions in development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 1–19.
41. *Nelson K.* Remembering and telling: A Developmental story // Journal of Narrative and Life History. 1991. № 1. P. 109–127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi

42. *Parker A.D., Brown J.* Detection of deception: Statement Validity Analysis as a means of determining truthfulness or falsity of rape allegations // *Legal and Criminological Psychology*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 237–259. doi: 10.1348/135532500168119
43. *Raskin D.C., Esplin P.W.* Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children's statements of sexual abuse // *Behavioral Assessment*. 1991. Vol. 13. P. 265–291.
44. Reliability of criteria-based content analysis of child witness statements / S.W. Horowitz, M.E. Lamb, P.W. Esplin, T.D. Boychuk, O. Krispin, L. Reiter-Lavery // *Legal and Criminological Psychology*. 1997. Vol. 2. № 1. P. 11–21. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00329.x
45. *Ruby C.L., Brigham J.C.* The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations // *Psychology, Public Policy, and Law*. 1997. Vol. 3. № 4. P. 705–737. doi:10.1037/1076-8971.3.4.705
46. *Steller M., Köhnken G.* Criteria-Based Content Analysis // D.C. Raskin (Ed.), *Psychological methods in criminal investigation and evidence*. New York: Springer-Verlag, 1989. P. 217–245.
47. The relationships among interviewer utterance type, CBCA scores and the richness of children's responses / I. Herschkowitz, M.E. Lamb, K.J. Sternberg, P.W. Esplin // *Legal and Criminological Psychology*. 1997. Vol. 2. № 2. P. 169–176. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00341.x
48. *Volbert R., Hoff K., Lehmann R.* Criteria-Based Content Analysis: Empirical analysis of diagnostic value and latent structures // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts, 2015. P. 268.
49. *Volbert R., Steller M.* Glaubhaftigkeit / T. Bliesener, F. Lösel, G. Köhnken (Hrsg.) *Lehrbuch der Rechtspsychologie*. Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. S. 391–407.
50. *Vrij A.* Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2005. Vol. 11. № 1. P. 3–41. doi:10.1037/1076-8971.11.1.3
51. *Wells G.L., Loftus E.F.* Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique // J. Doris (Ed.). *The suggestibility of children's recollections*. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. P. 168–171.
52. *Wojciechowski B.* Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts, 2015. P. 292–293.

About illegality determination of the validity of evidence through forensic examination

Information letter

This letter prepared in connection with a growing number of complaints of investigators and making decisions on the appointment of psychological examination of the credibility of the video recording of interrogations and dictated by the need to arrange expert practice on the study of video footage of carrying out certain investigative actions with various actors in the criminal process.

The newsletter discusses the purpose of such examinations and grounds the studies, in accordance with scientific principles of professional activity of experts.

The letter was prepared under the supervision of the Director of the FBI, Federal center of forensic expertise under the Ministry of justice of Russia, doctor of legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary worker of justice of Russia of S. A. Smirnova, Deputy General Director for science of Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, doctor of medical Sciences, Professor E. V., Makushkina (doctor of juridical science A. Ya. Asnis, doctor of psychological Sciences, Vaske E. V., doctor of psychological Sciences, Professor E. G. Dozortseva, doctor of psychological Sciences, Professor F. S. Safuanov, PhD, associate Professor S. N. Shishkov, PhD, Professor S. S. Shipshin, PhD, associate Professor D. S. Oshevsky, PhD V. Berdnikov, PhD, associate Professor T. N. Sekerazh, PhD A. N. Kalinin.

For investigators, judges, prosecutors, heads of Federal budgetary establishments of the Ministry of justice, judicial psychologists.

For investigators, judges, prosecutors, heads of Federal budgetary establishments of the Ministry of justice, judicial psychologists.

Key words: forensic-psychological examination, examination of the reliability of evidence, examination of the video materials of the investigative action.

References

1. Vaskje E.V. Osobennosti provedeniya sudebno-psihologicheskikh jekspertiz v hode predvaritel'nogo rassledovaniya: Prakticheskoe posobie. –N.Novgorod: GUVД po Nizhegorodskoj oblasti, 2007. – 71 s.
2. Vaskje E.V., Vinogradov A.P. Sudebno-psihiatricheskie, sudebno-psihologicheskie i kompleksnye s nimi jekspertizy: osobennosti nazna-cheniya i provedeniya v hode

predvaritel'nogo sledstvija: Uchebno-metodicheskoe posobie. –N.Novgorod: SU SK RF po Nizhegorodskoj ob-lasti, 2016. – 88 s.

3. Dozorceva E.G., Afanas'eva A.G. Ocenka dostovernosti svidetel'skih pokazanij nesovershennoletnih // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija 2015. T. 4. № 3. S. 47-56.
4. Dozorceva E.G., Zhbankova O.V., Gavrilova T.V. Kompleksnaja metodika doprosa nesovershennoletnih (maloletnih) poterpevshih ot prestuple-nij seksual'nogo haraktera // Prakticheskoe posobie po provedeniju do-prosa nesovershennoletnih (maloletnih) poterpevshih ot prestuplenij seksual'nogo haraktera (v pechati).
5. Engalychev V.F., Kravcova G.K., Holopova E.N. Sudebnaja psihologicheskaja jekspertiza po vyjaveniju priznakov dostovernosti/nedostovernosti informacii, soobshhaemoj uchastnikami ugolovnogogo sudoproizvodstva (po videozapisjam sledstvennyh dejstvij i operativno-razysknyh mero-prijatij): monografija. – M.: Jurlitinform, 2016. – 328 s.
6. Morozova M.V. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jeks-pertiza sposobnosti davat' pokazanija // Medicinskaja i sudebnaja psiho-logija: Kurs lekcij: ucheb. posobie / Pod red. T.B. Dmitrievoj, F.S. Sa-fuanova. M.: Genezis, 2009. S. 506—527.
7. Safuanov F.S. Ob osnovnyh kategorijah sudebno-psihologicheskoy jeks-pertizy v ugolovnom processe // Psihologicheskij zhurnal. 1994, № 3. S.50-54.
8. Safuanov F.S., Shishkov S.N. Jekspertiza «pravdivosti» pokazanij (Vozmozhnosti psihologicheskoy jekspertizy) / F.S. Safuanov, // Zakon-nost', № 2, 1992.–S. 13-14.
9. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja aka-demicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo «Jurajt», 2014. –421 s.
10. Sitkovskaja O.D., Konysheva L.P. Psihologicheskaja jekspertiza nesover-shennoletnih v ugolovnom processe: Nauchno-metodicheskoe posobie. M.: Juniti-Dana, 2001. – 72 s.
11. Sitkovskaja O.D. Psihologija svidetel'skih pokazanij: Nauchno-metodicheskoe posobie. M.: Izd-vo NII pro-blem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka pri General'noj prokurature RF, 2007. – 80 s.
12. Fraj O. Detekcija lzhi i obmana. SPb.: PRAJM-Evroznak, 2005. – 320 s.
13. Fraj O. Lozh'. Tri sposoba vyjavenija lzhi. SPb.: PRAJM-Evroznak, 2006. – 286 s.
14. Holevchuk A.G. Kriminalisticheskij analiz zarubezhnyh metodov detek-cii lzhi: tendencii i opredelenie perspektiv// Innovacii v nauke / Sb. st. po materialam LIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 1 (50). Chast' I. Novosibirsk: Izd. ANS «SibAK», 2016. 124 s.
15. Amado B.G., Arce R., Farina F. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review. The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2015. Vol. 7. № 1. pp. 3 – 12. doi:10.1016/j.ejpal.2014.11.002

16. Anson D.A., Golding S.L., Gully K.J. Child sexual abuse allegations: Reliability of criteria-based content analysis // *Law and Human Behavior*. 1993. Vol. 17.№3. pp. 331 – 341. doi:10.1007/BF01044512
17. Arntzen F. *Psychologie der Zeugenaussage. System der Glaubwürdigkeitsmerkmale*. München: Beck, 1983. 171 p.
18. Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style / Santtila P., Roppola H., Runtti M., Niemi P. // *Psychology, Crime and Law*. 2000. Vol. 6.№ 3. pp. 159-179. doi:10.1080/10683160008409802
19. Bauer P.J., Wewerka S.S. Saying is revealing: Verbal expression of event memory in the transition from infancy to early childhood / P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (eds.) *Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. pp. 139 – 168.
20. Boychuk T. *Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse: A field-based validation study* / Unpublished doctoral dissertation, Arizona State University. 1991.
21. Brown J.M. *Statement Validity Analysis* / J.M. Brown, E.A. Campbell *The Cambridge Handbook of Forensic Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. pp. 319 – 326.
22. Bruner J., Haste H. *Making sense: The child construction of reality*. New York: Methuen, 1987.
23. Colewell K., Hiscock C.K., Memnon A. Interviewing techniques and the assessment of statement credibility // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol. 16.№ 3. pp. 287-300. doi: 10.1002/acp.788.
24. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis / Sporer S., Blandon-Gitlin I., Masip J., Hauch V. // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts.2015. p. 238.
25. Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Rality Monitoring and Scientific Content Analysis / Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. // *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28.№ 1. pp. 79 – 90. doi: 10.1002/acp.2959.
26. Criteria-based Content Analysis of True and Suggested Accounts of Events / Blandon-Gitlin I., Pezdek K., Lindsay D.S., Hagen L. // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol. 23.№ 7. pp. 901 - 917. doi: 10.1002/acp.1504.
27. Criterion-Based Content Analysis: A field validation study / Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W., Hershkowitz I., Orbach Y., Hovav M. // *Child Abuse and Neglect*. 1997. Vol. 21. № 3 pp. 255–264. doi:10.1016/S0145-2134(96)00170-6.

28. Detecting Deception in Children: Event Familiarity Affects Criterion-Based Content Analysis Rating / Pezdek K., Morrow A., Blandon-Gitlin I., Goodman G.S., Quas J.A., Saywitz K.J., Bidrose S., Pipe M.-E., Rogers M., Brodi L. // Journal of Applied Psychology. 2004. Vol. 89.№1. pp. 119 – 126. doi:10.1037/0021-9010.89.1.119.
29. Dettenborn H., Fröhlich H.-H., Szewczyk H. Forensische Psychologie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.
30. Fivush R. Haden C.A. Narrating and representing experience: Preschoolers' developing autobiographical recounts / In P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (Eds.) Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1997. pp. 169 – 198.
31. Goodman G.S. Commentary: On stress and accuracy in research on children's testimony / J. Doris (Ed.) The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 77 – 82.
32. Halfmann E., Sporer S.L. Belief in Context: Effects of suspect preparation time on belief about Scientific Content Analysis // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts. 2015. p. 92 - 93.
33. Honts C. R. Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994 // North Dakota Law Review. 1994. Vol. 70. pp. 879–903.
34. Interviewer questions and content analysis of children's statements of sexual abuse / Craig R.A., Scheibe R., Raskin D.C., Kircher J.C., Dodd D.// Applied Developmental Science. 1999. Vol. 3.№ 5. pp. 77–85. doi:10.1207/s1532480xads0302_2.
35. Köhnken G. Statement Validity Analysis and the detection of the truth / In P.A. Granhag, L.A. Stromwall (Eds.) The detection of deception in forensic context. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. pp. 41 – 63.
36. Köhnken G. Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen)Aussagen / N. Saimeh (Hrsg.) Kriminalitätsbiographisches Scheitern. Forensik als Lebenshilfe? Bonn: Psychiatrie-Verlag, 2010. S. 50-62.
37. Köhnken G., Manzanero A.L., Scott M.T. Statement validity assessment: myths and limitations // Anuario de Psicología Jurídica. 2015. № 25. pp. 13–19. doi:10.1016/j.apj.2015.01.004.
38. Lamers-Winkelmann F., Buffing F. Children's testimony in the Netherlands: A study of statement validity Analysis // International perspectives on child abuse and children testimony: Psychological Research and law. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996. pp. 45 – 62.
39. Moston S. How children interpret and respond to questions: situation sources of suggestibility in eyewitness interviews // Social Behavior. 1990. № 5. pp. 155 – 167.

40. Nelson K. Event knowledge and cognitive development / K. Nelson (Ed.) Event knowledge: Structure and functions in development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. pp. 1 – 19.
41. Nelson K. Remembering and telling: A Developmental story // Journal of Narrative and Life History. 1991. №1. pp. 109 – 127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi.
42. Parker A.D., Brown J. Detection of deception: Statement Validity Analysis as a means of determining truthfulness or falsity of rape allegations // Legal and Criminological Psychology. 2000. Vol. 5.№2. pp. 237 – 259. doi: 10.1348/135532500168119.
43. Raskin D.C., Esplin P.W. Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children’s statements of sexual abuse // Behavioral Assessment. 1991. Vol. 13.pp. 265–291.
44. Reliability of criteria-based content analysis of child witness statements / Horowitz S.W., Lamb M.E., Esplin P.W, Boychuk T.D., Krispin O., Reiter-Lavery L. // Legal and Criminological Psychology. 1997. Vol. 2.№ 1. pp. 11 – 21. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00329.x.
45. Ruby C.L., Brigham J.C. The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations // Psychology, Public Policy, and Law. 1997. Vol. 3.№ 4. pp. 705–737. doi:10.1037/1076-8971.3.4.705.
46. Steller M., Köhnken G. Criteria-Based Content Analysis / In D. C. Raskin (Ed.), Psychological methods in criminal investigation and evidence. New York: Springer-Verlag, 1989. pp. 217 – 245.
47. The relationships among interviewer utterance type, CBCA scores and the richness of children’s responses / Herschkowitz I., Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W. // Legal and Criminological Psychology. 1997. Vol. 2.№ 2. pp. 169 – 176. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00341.x.
48. Volbert R., Hoff K., Lehmann R.Criteria-Based Content Analysis: Empirical analysis of diagnostic value and latent structures // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts.2015. p. 268.
49. Volbert R., Steller M. Glaubhaftigkeit / T. Bliesener, F. Lösel, G. Köhnken (Hrsg.) Lehrbuch der Rechtspsychologie. Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. S. 391 – 407.
50. Vrij A. Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // Psychology, Public Policy, and Law. 2005. Vol. 11.№ 1. pp. 3–41. doi:10.1037/1076-8971.11.1.3.
51. Wells G.L., Loftus E.F. Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique / In J. Doris (Ed.), The suggestibility of children’s recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 168–171.

Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др.. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Информационное письмо. Психология и право psyandlaw.ru 2016. Том 6. №3. С. 61-78.

Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ya. et al. About illegality determination of the validity of evidence through forensic examination. Information letter. Psychology and law psyandlaw.ru Vol. 6. no.3. pp. 61-78.

52. Wojciechowski B. Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis // EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts. 2015. p. 292 – 293.

Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности

Мартынова И.Р., аспирантка кафедры психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (irina.mart.r@gmail.com)

Представлены результаты эмпирического исследования клинико-психологических факторов риска агрессивного поведения у подростков. Основная выборка и группа сопоставления – несовершеннолетние с делинквентным поведением, не достигшие (n=60) и достигшие (n=60) возраста уголовной ответственности. Контрольная группа – подростки с условно нормативным поведением (n=20). Показано, что испытуемые основной группы имеют ряд серьезных проблем, повышающих риск агрессивного поведения. Сниженный фон настроения, тревожность, эмоциональная неустойчивость, ощущение соматического неблагополучия, чувствительность к внешним воздействиям, ранимость в социальном взаимодействии, коммуникативные трудности, приводят к росту психического напряжения. Оно выступает предиспозицией к агрессивному реагированию. Враждебность, склонность к реакциям раздражения и гнева, при недостаточной сформированности механизмов сдерживания непосредственных побуждения, повышают вероятность агрессии. Не исключено, что описанные проблемы имеют клиническую обусловленность. Поэтому необходима своевременная многопрофильная оценки факторов риска агрессивного поведения. Ее элементом может быть скрининговая диагностика психического здоровья.

Ключевые слова: факторы риска, противоправное поведение, подростковый возраст, психическое здоровье, агрессия.

Для цитаты:

Мартынова И.Р. Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 79-88.
doi: 10.17759/psylaw.2016060307

For citation:

Martynova I.R. Clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in minors with delinquent behavior, have not reached the age of criminal responsibility. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.79-88. doi: 10.17759/psylaw.2016060307

В соответствии с Российским законодательством, статистические показатели по правонарушениям, совершенным подростками, учитывают контингент в возрастном интервале от 14 до 18 лет. Поэтому часто в поле внимания специалистов не попадают лица, не достигшие возраста уголовной ответственности. Вопросы ранней профилактики в отношении таких подростков решаются недостаточно полно. Вместе тем это именно та группа несовершеннолетних, которая в силу возрастных особенностей, является наиболее перспективной для профилактических и коррекционных мероприятий. С началом подросткового возраста интенсивно развивается рефлексия, формируется самосознание. В этот период при нормативном психическом развитии человек все больше начинает руководствоваться моральными принципами и нравственными убеждениями, которые усваиваются в процессе социализации [5]. Поведение становится более произвольным. Однако сохраняются черты личностной незрелости. Остаются недостаточно развитыми мотивационная и смысловая сферы. Нередко поступки совершаются под влиянием непосредственных, не вполне обдуманных побуждений. В силу особенностей ведущей деятельности подросток очень зависим от мнения референтной группы. Именно в этот возрастной период несовершеннолетний наиболее сильно подвержен внешним влияниям, как негативным, так и позитивным. Особенно остро эти процессы проходят у подростков с различными психическими расстройствами.

В исследованиях показано, что уровень психической патологии у несовершеннолетних правонарушителей существенно выше, чем у их сверстников с нормативным поведением. [1; 3; 6]. Такие подростки требуют особого подхода при организации процесса их сопровождения. Вместе с тем, роль клинических факторов в генезе делинквентного, в том числе агрессивного, поведения очень часто недоучитывается. Это приводит к совершению повторных более тяжелых деликтов, в основном агрессивно-насильственного характера [4]. Поэтому для создания достаточно гибких и эффективных мер по ресоциализации несовершеннолетнего в программу диагностики следует включать, скрининговую оценку психического здоровья.

Перечисленными обстоятельствами обусловлена актуальность проведенного исследования. Его целью являлось выявление клинико-психологических факторов риска проявления агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности.

Материал и методы исследования

Были обследованы подростки разных возрастных и социальных групп. Основную выборку составили несовершеннолетние с делинквентным поведением, не достигшие возраста уголовной ответственности – «Дмл» (n=60, средний возраст 12,95±0,58). В нее вошли несовершеннолетние, состоящие на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), а также находящиеся в центре

временного содержания (ГБУ ЦПСИД «Красносельский», ГБУ ЦПСИД Южный, КДНиЗП района Богородское г. Москвы, КДНиЗП района Коньково г. Москвы, КДН и ЗП района Южное Медведково). В группу сопоставления вошли подростки из тех учреждений, однако достигшие возраста уголовной ответственности, группа «Дст» (n=60, возраст 15,80±0,75). В качестве контрольной группы выступили несовершеннолетние с условно нормативным поведением, не достигшие возраста уголовной ответственности «Нмл» (n=20 возраст 12,95±0,57), – учащиеся школ г. Москвы.

В качестве исследовательского инструментария были использованы следующие диагностические методики.

- Опросник для скрининговой оценки психического здоровья – MAYSI-2 (Grisso T., Barnum R., 2006). Стоит подчеркнуть, что на основе полученных с помощью данной методики результатов не следует делать вывод о клинической выраженности проблем. Скрининговые инструменты не могут заменить всестороннего обследования подростка психиатром. Однако высокие значения по шкалам методики должны настораживать в плане возможных проблем, могут являться поводом обращения к клиницисту. Методика охватывает целый ряд аспектов, касающихся психического здоровья несовершеннолетнего. Шкала «Употребление алкоголя/наркотиков» включает утверждения, связанные со злоупотреблением психоактивными веществами (ПАВ). Параметры «Гнев и раздражительность», «Депрессия и тревога» касаются эмоционального неблагополучия подростка. Шкала «Соматические жалобы» представляет собой самоотчет о физическом дискомфорте. Утверждения опросника относительно аутоагрессивных тенденций составляют шкалу «Суицидальные мысли». Параметр «Расстройства мышления» включает в себя вопросы, подразумевающие необычное восприятие и осмысление окружающей действительности. Перенесенные стрессовые события в прошлом учитываются в шкале «Травматический опыт». Официальный русскоязычный перевод методики, зарегистрированный правообладателем, выполнен Е.Г. Дозорцевой (2013)¹.

- Для исследования индивидуально психологических особенностей применялся индивидуально-типологический диагностический опросник (ИТДО) (Собчик Л.Н., 1995).

- Склонность к агрессивному реагированию исследовалась с помощью личностного опросника Басса–Перри (Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2004).

Для верификации данных использовались непараметрический критерий Манна–Уитни (U), критерий Краскела–Уоллиса (H), проводился регрессионный анализ.

Результаты исследования

Для учета клинической составляющей при оценке факторов риска агрессивного поведения у несовершеннолетних был использован скрининговый инструмент – опросник MAYSI-2 (табл. 1).

Следует еще раз подчеркнуть, что MAYSI-2 построен по принципу самоотчета и является исключительно скрининговым инструментом. Для объективизации и

¹ Copyright: © 1998 Thomas Grisso, Richard Barnum, Richard Famularo & Robert Kinscherff. Авторизованный перевод: © 2013 Дозорцева Е.Г.

верификации полученных предварительных, данных необходима полноценная клиническая диагностика. Вместе с тем, повышенные показатели по методике должны настораживать специалистов и могут выступать весомым основанием для направления к психиатру.

Таблица 1

Результаты скрининговой оценки психического здоровья испытуемых, полученные с помощью MAISI-2 (представлены только шкалы, по которым были получены значимые различия)

	Дмл	Дст	Нмл	Уровень значимости по критерию Манна-Уитни	Уровень значимости по критерию Краскела-Уоллиса
Гнев и раздражительность	4,63	1,8	0,9	* $p \leq 0,001$ ** $p \leq 0,001$	*** $p \leq 0,001$
Депрессия и тревога	4,12	1,9	1,1	* $p \leq 0,001$ ** $p \leq 0,001$	*** $p \leq 0,001$
Соматические жалобы	3,68	1,7	0,8	* $p \leq 0,001$ ** $p \leq 0,001$	*** $p \leq 0,001$
Суицидальные мысли	1,87	0,9	1,2	* $p \leq 0,001$	*** $p \leq 0,001$
Интегративная шкала	17,3	7,7	4,4	* $p \leq 0,001$ ** $p \leq 0,001$	

Примечание:

«*» уровень значимости между группами «Дмл» и «Дст»;

«**» уровень значимости между группами «Дмл» и «Нмл»;

«***» уровень значимости между всеми тремя группами.

Анализ результатов, позволяет сделать предположение об общем эмоциональном неблагополучии испытуемых основной группы. На первый план выходят сниженный фон настроения, эмоциональная неустойчивость, высокий уровень тревожности. Такое сочетание, по-видимому, приводят к повышенному психическому напряжению. Внутренний дискомфорт, который характерен для подростков с делинквентным поведением сопровождается множественными соматическими жалобами. Наряду с этим проявляются гнев и раздражительность, которые являются благоприятным фоном для агрессивного реагирования. Настораживающей тенденцией является то, что агрессивные побуждения могут быть направлены не только во вне, но и на себя. Об этом свидетельствуют достоверно более высокие показатели по шкале «Суицидальные мысли».

В целом, у несовершеннолетних с делинквентным поведением, и особенно у тех, которые не достигли возраста уголовной ответственности, можно предположить наличие более серьезных проблем с психическим здоровьем. Проведенный регрессионный анализ между методиками MAISI-2 и опросником Басса-Перри показывает значимые связи между

раздражительностью, враждебностью, склонностью к физической агрессии и психическим неблагополучием (соответствующие коэффициенты регрессии – $R=0,55$ и $R=0,34$), которое выступает предиктором агрессивного поведения. Выявленная закономерность, которая, в свою очередь, обуславливает необходимость многопрофильного сопровождения, делает актуальным в процессе оценки факторов риска агрессивного поведения у несовершеннолетних проведение клинической диагностики с подростками «группы риска». Ее начальным этапом может стать использование скринингового инструмента.

Для описания склонности к агрессивному реагированию были использованы профильные психодиагностические средства, в частности методика Басса-Перри. Сравнительное исследование в группах выявило значимое различие только по шкале «Физическая агрессия» (рис. 1).

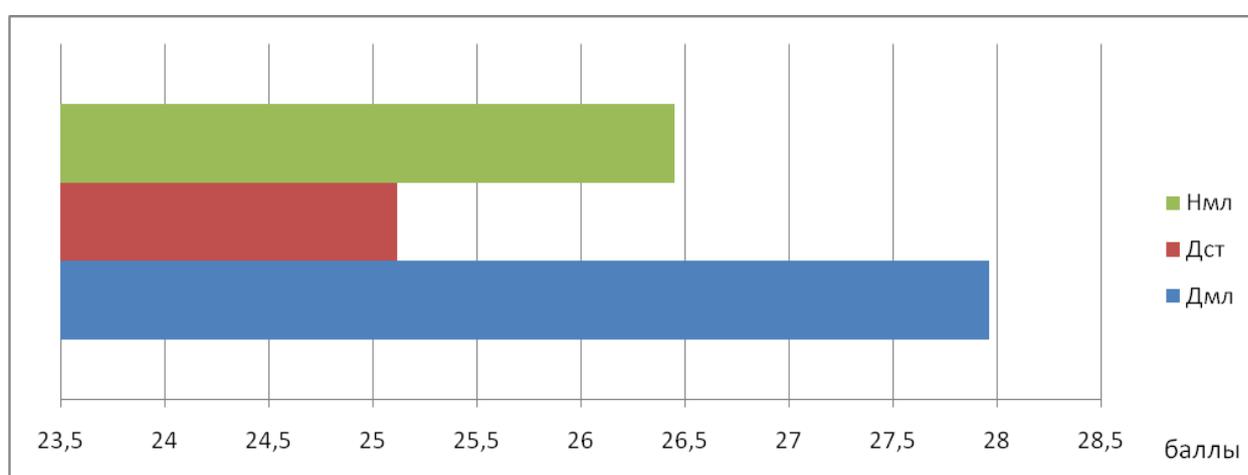

Рис. 1. Показатели склонности к физической агрессии у несовершеннолетних, полученные с помощью методики Басса-Перри

У несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности, показатели по этому параметру выше не только в сопоставлении с просоциальными сверстниками, но и с более старшими подростками с делинквентным поведением.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса по шкале физической агрессии обнаружены статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) в зависимости от возрастного фактора. Полученные данные согласуются с мнением о том, что с возрастом меняется характер агрессивного поведения. Предполагается, что в более раннем периоде, в силу неразвитости социальных механизмов сдерживания непосредственных агрессивных побуждений, агрессивность реализуется в виде открытого, непосредственного воздействия на какой-либо объект. Преобладающей формой выступает физическая агрессия. Однако в дальнейшем она может трансформироваться и в иные виды, в частности, в скрытую агрессию, например, в так называемый «буллинг» [4].

Следует подчеркнуть, что склонность к физической агрессии у младших подростков часто недооценивается. Это не только повышает риск агрессивного поведения, но и может выступать одним из весомых факторов усугубления социальных девиаций в дальнейшем. По-видимому, на фоне возможных для этой группы подростков клинико-психологических

проблем, которые описаны с помощью методики MAYSI-2, взрывной характер эмоциональных реакций, сопровождающийся наиболее деструктивными формами агрессивного поведения, вероятен даже в относительно нейтральных ситуациях. Это может не только нанести серьезный ущерб лицам, на которых направлена агрессия, но и иметь тяжелые социальные последствия для самого несовершеннолетнего.

При анализе индивидуально-психологических особенностей с помощью ИТДО, как и ожидалось, у несовершеннолетних с делинквентным поведением независимо от возрастного фактора отмечается более высокий уровень агрессивности – шкала «Агрессия» (рис. 2). Вероятность агрессивного поведения у испытуемых основной группы и группы сопоставления возрастает, поскольку для них характерна склонность к непосредственному реагированию без достаточного прогноза последствий своих действий – шкала «Спонтанность».

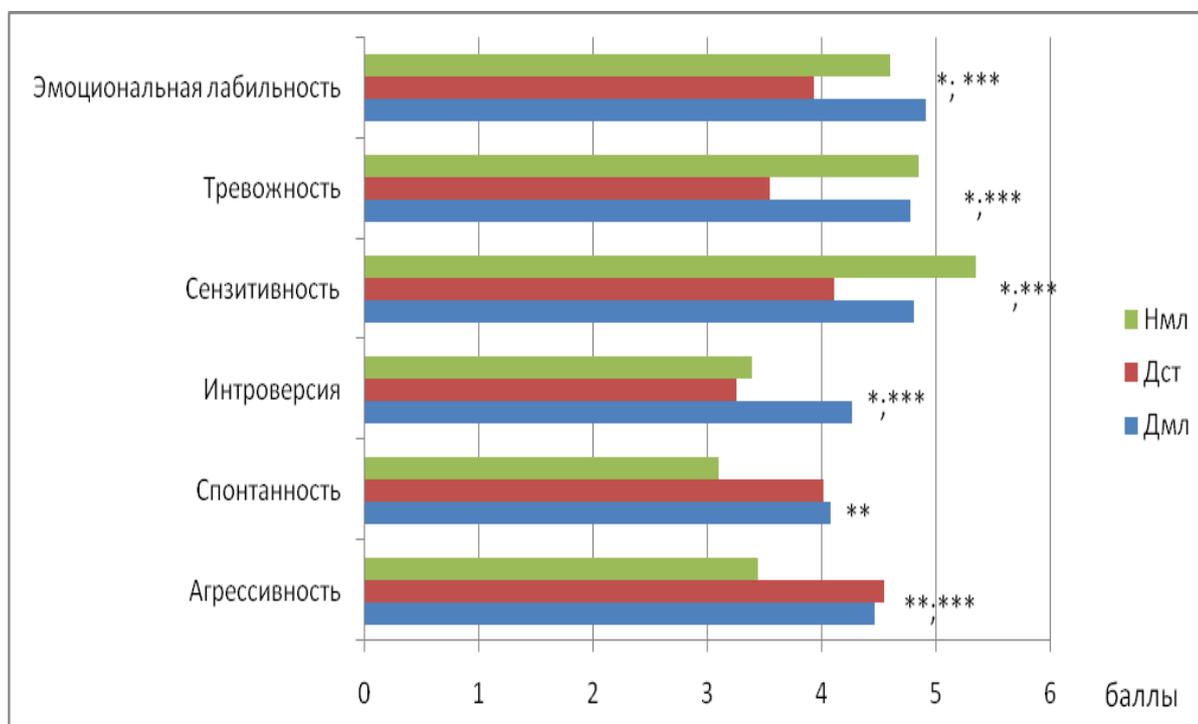

Рис. 2. Результаты сравнительного исследования по индивидуально-типологическому опроснику

«*» – достоверные различия по критерию Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) в группах «Дмл» и «Дст»;

«**» – достоверные различия по критерию Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) в группах «Дмл» и «Нмл»

«***» – достоверные различия по критерию по критерию Краскела-Уоллиса ($p \leq 0,05$) во всех трех группах

При оценке возрастного фактора у испытуемых основной группы были получены достоверно более высокие результаты по шкалам «Сензитивность», «Тревожность»,

«Эмоциональная лабильность». Повышенная чувствительность к внешнесредовым воздействиям, ранимость в социальном взаимодействии, возможно, обуславливают высокий уровень тревоги. Подобный неустойчивый фон предрасполагает к колебаниям эмоций. Поскольку волевые процессы над непосредственно возникающими побуждениями у испытуемых основной группы развиты слабо, можно предположить у них более яркое эмоциональное реагирование, в том числе в виде агрессивного поведения.

По шкале «Интроверсия» были выявленные статистически значимые различия в группах с делинквентным поведением «Дмл» и «Дст». Возможно, в силу недостаточной развитости ведущей деятельности несовершеннолетние младшей группы, испытывают коммуникативные трудности, их социальные контакты отличаются меньшей дифференцированностью. При условии, что общение происходит в группах диссоциальных сверстников, или более старших несовершеннолетних, совершивших правонарушения, в его процессе могут усваиваться негативные, в том числе агрессивные модели поведения. Исходя из этого, возможно, что попадание таких подростков в хорошую социальную среду в какой-то степени нивелирует ряд негативных тенденций, о которых говорилось выше.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет предположить, что несовершеннолетние с делинквентным поведением, которые не достигли возраста уголовной ответственности, имеют ряд серьезных проблем, которые повышают риск агрессивного поведения. Сниженный фон настроения, тревожность, эмоциональная неустойчивость, ощущение соматического неблагополучия, чувствительность к внешним воздействиям, ранимость в социальном взаимодействии, сопровождающаяся коммуникативными проблемами, приводят к росту психического напряжения. Оно может рассматриваться в качестве предиспозиции к агрессивному реагированию. Повышенная враждебность, склонность к продуцированию реакций раздражения и гнева, при недостаточной сформированности механизмов сдерживания непосредственных побуждения, усиливают действие факторов, о которых говорилось выше. Причем агрессивные побуждения могут быть направлены не только во вне, но и на себя, повышая вероятность не только агрессивного, но и аутоагрессивного поведения.

Не исключено, что в ряде случаев описанные проблемы имеют клиническую обусловленность. Из этого вытекает необходимость своевременной многопрофильной оценки факторов риска агрессивного поведения, одним из элементов которой, может быть скрининговая диагностика психического здоровья.

Литература

1. Гурьева В.А. Подростковая психиатрия. М.: Генезис, 2011. 448 с.
2. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С. Развитие открытой, скрытой агрессии и совершение подростками правонарушений // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 48–54.
3. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М.: МИА, 2009. 240 с.

Мартынова И.Р. Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №3. С. 79-88.

Martinova I.R. Clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in minors with delinquent behavior , have not reached the age of criminal responsibility. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.3. pp. 79-88.

4. *Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г.* Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // *Психическое здоровье*. 2014. №. 7 (98) С. 3–11.
5. *Фельдштейн Д.И.* Психология развивающейся личности: избранные психологические труды. М.: Модек,1996. 512 с.
6. *Grisso T.* Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.

Clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in minors with delinquent behavior , have not reached the age of criminal responsibility

Martynova I.R., postgraduate student of Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (irina.mart.r@gmail.com)

The results of empirical studies of clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in adolescents. The main sample and comparison group - juveniles with delinquent behavior, not reached (n = 60) and age of criminal responsibility (n = 60). The control group of adolescents with conventionally normative behavior (n = 20). It is shown that the main group examinees have a number of serious problems that increase the risk of aggressive behavior. Reduced mood, anxiety, emotional instability, feeling of physical distress, sensitivity to external impacts, vulnerability in social interaction, communication difficulties, leading to increased mental stress. It acts predispoziciej an aggressive response. Hostility, susceptibility to reactions of irritation and anger at the lack of formation of mechanisms of deterrence immediate motivation, increase the likelihood of aggression. It is possible that the described problems are clinical conditionality. Therefore, a timely multidisciplinary evaluation of risk factors for aggressive behavior. Its elements can be screening for mental health.

Keywords: risk factors, unlawful conduct, adolescence, mental health, aggression.

References

1. Gur'eva V.A. Podrostkovaja psihiatrija. [Adolescent Psychiatry] Moscow: Publ. Genезis, 2011. 448 p.
2. Dozorčeva E. G., Oshevskij D. S. Razvítieotkrytoj, skrytojagressii i sovershenie podrostkami pravonarushenij [The development of an open and hidden aggression and crimes committed by teenagers]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology]. 2013, № 2. P. 48 - 54. (In Russ.,abstr. in Engl.).
3. Makushki E.V. Agressivnoe kriminal'noe povedenie u detej i podrostkov s narushennymrazvítieom. [Violent criminal behavior in children and adolescents with developmental disorders] Moscow: Publ. MIA, 2009. 240 p.
4. Oshevskij D.S., Dozorčeva E.G. Perspektivy ispol'zovanija strukturirovannyh metodov ocenki riska povtornyh deliktov pri psihologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnih pravonarushitelej s psihicheskimi rasstrojstvami [Prospects for

Мартынова И.Р. Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №3. С. 79-88.
Martynova I.R. Clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in minors with delinquent behavior , have not reached the age of criminal responsibility. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.3. pp. 79-88.

the use of structured risk assessment methods for repeated misdemeanors under psychological support juvenile offenders with mental disorders].*Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]*. 2014, no. 7 (98) P. 3-11.

5. Fel'dshtejn D.I. *Psihologija razvivajushhejsja lichnosti : izbrannye psihologicheskie trudy [Psychology developing personality: Selected psychological works]*. Moscow: Publ. Modek, 1996. 512 p.
6. Grisso, T. *Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders*. Chicago, 2004. 200 p.

Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований)

Назарова Н.Г., аспирантка кафедры психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (natabanaz@mail.ru)

Статья посвящена обзору зарубежных исследований, касающихся изучения факторов, повышающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних и снижающих риск подобного поведения. Рассмотрены такие понятия, как фактор риска, протективный (защитный) фактор, агрессия, насилие. Показано, как развивались методы оценки социально-негативных последствий противоправного, в том числе агрессивного, поведения от дискреционного подхода, основанного на неструктурированном клиническом суждении, к методу структурированной оценки риска. В статье описываются исследования прогностической структурированной оценки факторов риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних. Изложены результаты современных зарубежных исследований, направленных на выявление факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения в детском и подростковом возрасте.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, агрессивное криминальное поведение, факторы риска.

Для цитаты:

Назарова Н.Г. Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 89-103. doi: 10.17759/psylaw.2016060308

For citation:

Nazarova N.G. Assessment of factors that increase and reduce the risk of aggressive unlawful behavior among juveniles (a review of foreign literature). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.89-103. doi: 10.17759/psylaw.2016060308

Несмотря на предпринимаемые государством действия в плане профилактики криминальной активности молодежи уровень подростковой преступности остается достаточно высоким [12]. Естественной реакцией общества может стать ужесточение уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем опыт других стран показывает непродуктивность подобного подхода, поскольку не устраняются причины противоправного поведения. Напротив, излишняя жесткость приводит к тому, что подросток начинает противопоставлять себя обществу. Изоляция в условиях пенитенциарной системы нередко приводит к усвоению норм криминальной субкультуры и препятствует реинтеграции подростка в социум [5; 6]. Следовательно, требуются новые подходы к работе с молодежью. Для ее эффективной реализации необходимы научные исследования, направленные на прогнозирование возможного криминального поведения несовершеннолетних, на изучение факторов, повышающих и снижающих его риск. Оценка факторов риска криминального поведения позволит определить вклад биологических, психологических и социальных составляющих в генезе подростковой преступности, наметить мишени их коррекции. Наряду с этим выявление ресурсных сторон личности несовершеннолетнего правонарушителя, или так называемых «защитных факторов», даст возможность более сбалансированной и точной прогностической оценки, позволит осуществлять индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему, а также организовать эффективное комплексное сопровождение подростков, попавших в поле зрения закона, специалистами всех субъектов профилактики.

Наиболее социально значимой проблемой является агрессивное криминальное поведение несовершеннолетних. Статистические показатели свидетельствуют о том, что примерно треть от всех правонарушений, которые были совершены подростками, носит агрессивно-насильственный характер [12]. По данным, собранным в 53 европейских государствах и обобщенным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), насилие – это третья по счету причина смерти и одна из главных причин инвалидизации молодежи [22]. Под насилием, как наиболее деструктивной формой агрессивного поведения понимается преднамеренное применение физической силы или психологического воздействия как потенциального, так и фактического, против самого себя, другого лица, группы лиц или сообщества, которое может привести или приводит к психологическим травмам, аномалиям развития, депривации, увечьям или даже смерти [38].

Разработка эффективной стратегии предупреждения агрессивного противоправного поведения требует четкого понимания не только структуры формирования личности, но и различных факторов, влияющих на ее развитие. Так, под факторами риска агрессивного противоправного поведения понимаются те условия и влияния, которые предрасполагают индивида к проявлению подобного поведения.

Факторы риска противоправного агрессивного поведения несовершеннолетних условно делят на биологические, индивидуально-психологические и социальные. Однако они, как правило, взаимодействуют между собой и имеют сложные опосредующие друг друга связи. Следует подчеркнуть, что многие зарубежные исследования, в том числе авторитетные лонгитюдные, не опираются на какие-либо теоретические концепции и при выделении факторов риска исходят, прежде всего, из накопленного массива эмпирических данных. Причем, метаанализ зарубежных публикаций свидетельствует о том, что наибольший интерес для исследователей представляют различные биологические корреляты агрессивного противоправного поведения. Так, в ряде исследований показано отрицательное воздействие различных вредностей на начальных сроках развития плода,

приводящее к мозговым дисфункциям, что в дальнейшем выступает предиспозицией к проявлению агрессии [7; 11]. Доказывается связь между такими биологическими факторами риска, как низкая частота сердечных сокращений в состоянии покоя, алкогольный синдромом плода, высокий уровень тестостерона, курение в период вынашивания плода и формированием агрессивного противоправного поведения [7; 29; 31; 33]. У подростков, подвергшихся пренатальному воздействию алкоголя и/или никотина, риск совершения противоправных действий существенно выше, чем у подростков, которые не подвергались такому воздействию. Однако в перечисленных работах не касаются вопроса механизмов формирования агрессивного поведения.

Проведено большое количество исследований, в которых было выявлено, что наличие психического расстройства существенно повышает риск формирования агрессивного противоправного поведения не только в подростковом возрасте, но и в течение всей жизни. В последнее время наибольшее количество работ посвящено синдрому дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и антисоциальному расстройству личности [14; 30; 34; 37]. Последнее в англоязычной литературе нередко обозначается как «психопатия».

В некоторых исследованиях СДВГ представлен как самостоятельный предиктор агрессивного противоправного поведения. В других отмечается, что риск проявления агрессии при СДВГ носит опосредованный характер и связан с неприятием ближайшим окружением и социальными институтами повышенной активности таких детей [37]. Аналогичные дискуссионные мнения касаются и психопатии. Так, по мнению ряда авторов, сам факт наличия этого расстройства значительно увеличивает риск развития противоправного поведения, даже когда другие факторы риска (например, расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ, история криминализации) в значительной мере нивелированы. Люди с сильно выраженными «психопатическими» чертами имеют более раннее начало и демонстрируют более разнообразные, тяжелые и постоянные паттерны агрессивного противоправного поведения, чем другие правонарушители. Вместе с тем не отрицается и вклад целого ряда социальных факторов: перенесенное насилие в семье, неадекватные стратегии воспитания и т. п. [14; 37].

Ряд авторов связывают агрессивное противоправное поведение с употреблением несовершеннолетними психоактивных веществ (ПАВ) [11; 15; 36]. Это объясняется тем, что некоторые ПАВ, прежде всего стимулирующего и психоделического ряда, не только изменяют сознание, снижая тем самым способность к произвольной регуляции, но и актуализируют агрессивные побуждения [11]. Кроме того, агрессивное противоправное поведение может рассматриваться как косвенный эффект от образа жизни, связанного с употреблением ПАВ. Например, совершение разбойных нападений в целях получения денег для покупки алкоголя или наркотиков [37].

Был выделен ряд индивидуальных свойств, заострение которых, повышает риск агрессивного противоправного поведения. Среди наиболее часто упоминаемых в литературе можно выделить: гнев, раздражительность, эмоциональную неустойчивость, импульсивность, низкий уровень интеллекта, прежде всего вербального, трудности волевого контроля. Сочетание завышенного уровня притязаний с крайними вариантами или неустойчивостью самооценки традиционно выделяют в качестве надежного маркера агрессивного поведения [8; 11; 12; 15]. Отдельный массив исследований касается связи между уровнем морального сознания и агрессивным поведением. Показано, что низкий

уровень нравственного развития, недифференцированность социальных оценок, в частности, сниженная способность различать деяния, за которые последует уголовное наказание, от просто неодобряемых действий повышают риск агрессивного противоправного поведения [11; 15].

Во многих исследованиях было выявлено, что ранний возраст начала проявления насилия указывает не только на вероятность агрессивного поведения, но и может выступать маркером тяжести будущих деликтов. Показано, что в случае лояльного отношения к агрессивным действиям ребенка со стороны ближайшего окружения, негативное влияние данного фактора существенно усиливается [11]. Причем агрессия может быть направлена не только на людей, но и на животных [16]. Показано, что вероятность противоправного агрессивного поведения прямо пропорционально увеличивается в зависимости от количества ранее совершенных правонарушений независимо от их тяжести [13].

Среди социальных факторов риска развития агрессивного противоправного поведения исследователи выделяют гендерные, демографические, культуральные особенности, характеристики ближайшего окружения – семьи, референтной группы, негативное влияние деструктивных видов информации, подаваемых в СМИ и т.п. [1; 2; 11].

Так, в авторитетных кроскультуральных статистических исследованиях отмечено, что практически 80% всех убийств в мире совершается лицами мужского пола. Возможно, это связано с особенностями воспитания мальчиков, поскольку для них в общественном мнении считается более приемлемым проявление агрессивных моделей поведения. Наибольший вес гендерный фактор имеет в тех культурах, где отсутствует равенство между полами и характерно лояльное отношение к насилию над женщинами [27].

Большинство ученых сходятся во мнении, что наиболее значимым социальным фактором риска проявления агрессии у несовершеннолетних является их семейное неблагополучие, поскольку именно в семье происходит формирование устойчивых моделей поведения [8; 15]. Особое внимание уделяется составу семьи подростка [9; 17]. Установлено, что более высокому риску формирования агрессивного поведения подвержены дети и подростки из неполных семей. При этом значение имеет не только сам факт наличия или отсутствия кого-то из родителей, а причина изменения состава семьи. Главенствующим фактором является развод родителей [9; 15; 35]. Это может быть связано с тем, что распад семьи является травматическим событием, которое способствует росту психического напряжения. Агрессивные действия, хотя и в деструктивном виде, приводят к его некоторому снижению. Кроме того, затрудняется контроль родителей над поведением подростка, что нередко приводит к вхождению несовершеннолетнего в антисоциальную среду [11; 15]. Немаловажную роль играет социальный статус семьи. Так, по некоторым данным, большинство подростков, обвиняемых в агрессивных действиях, воспитываются в семьях, взрослые члены которых не имеют хорошего образования и испытывают затруднения с трудоустройством. Риск проявления агрессии увеличивается в случае так называемой «криминальной наследственности». Показано, что дети, чьи родители имели проблемы с законом, легче усваивают агрессивные модели поведения [9; 36]. Ранняя депривация, семейное насилие и жестокое обращение (физическое и психологическое), неадекватные родительские тактики воспитания (излишняя мягкость дисциплинарных мер или, наоборот, слишком жесткое наказание), недостаточный надзор родителей за детьми,

по мнению большинства авторов, являются основными семейными факторами риска агрессивного криминального поведения несовершеннолетних [1; 7; 11; 15; 36].

Большое значение в исследованиях придается социально-коммуникативному фактору. Показано, что проблемы в общении имеют сложные опосредующие друг друга связи. Например, непринятие просоциальными сверстниками и трудности в налаживании контакта с ними, приводят к формированию неустойчивого и нереалистичного представления о себе, что, в свою очередь, выступает фактором риска проявления агрессии [11]. Наряду с этим происходит суррогатное общение подростка в диссоциальных компаниях, в результате чего он легко усваивает нормы субкультуры, где агрессия расценивается как проявление силы и мужественности [12].

Следует подчеркнуть, что нередко в зарубежных исследованиях факторы риска рассматриваются как рядоположенные и их выделение не опирается на какие-либо теоретические обоснования.

Примерно тридцать лет назад наряду с факторами, повышающими риск агрессивных противоправных действий, было предложено выделять «защитные» или протективные факторы, которые снижают вероятность проявления агрессии [8; 10; 32]. Существует несколько моделей, объясняющих влияние факторов риска и защитных факторов друг на друга. В одной из них защитные факторы рассматриваются в качестве так называемых «посредников», в другой – «буферов» [3; 10; 19; 20]. В модели посредника считается, что факторы риска оказывают непосредственное влияние на противоправное агрессивное поведение и на защитные факторы. Тем самым протективные механизмы имеют только косвенное воздействие на противоправное поведение. Модель буфера подразумевает, что лишь при отсутствии факторов защиты факторы риска оказывают негативное влияние. При этом факторы риска не оказывают отрицательного влияния на протективные факторы [3; 10; 19; 20]. В рамках отечественной методологии факторы защиты могут быть рассмотрены как ресурсные стороны личности несовершеннолетнего правонарушителя, опираясь на которые следует планировать, организовывать и осуществлять процесс коррекции [8; 13].

В качестве факторов защиты могут выступать адаптивные черты личности, включающие в себя интеллектуальные качества, возможности эмоционально-волевой регуляции поведения, наличие чувства эмпатии, характер развития ценностно-смысловой сферы несовершеннолетнего (адекватные экспектации, т. е. позитивные ожидания от социального взаимодействия; наличие четких конкретных реалистичных жизненных целей; просоциальная морально-нравственная ориентированность личности), развитые коммуникативные навыки [8; 10; 32]. Одним из наиболее значимых социальных факторов, препятствующих развитию агрессивного противоправного поведения, является наличие у подростка привязанностей и социальных связей, эмоциональная поддержки со стороны близкого окружения, возможность и способность получить необходимую помощь от социума, положительный опыт в образовательном учреждении, включенность в активную трудовую или учебную деятельность и т. п. [8; 11].

Современные исследования показывают, что оценка факторов риска в сочетании с оценкой защитных факторов приводит к лучшим результатам, по сравнению с оценкой только факторов риска. Именно комплексное рассмотрение может способствовать более сбалансированной и точной оценке рисков, а также позволит организовать эффективное

комплексное сопровождение подростков, попавших в поле зрения закона, специалистами всех субъектов профилактики.

Выявление факторов риска агрессивного поведения несовершеннолетних, безусловно, является важной задачей. Однако ее решение не является самоцелью. На основе полученных данных строятся прогнозы относительно дальнейшего развития подростка, разрабатываются программы их сопровождения.

В развитии методов оценки риска социально-негативных последствий условно можно выделить несколько направлений [21; 28; 31].

Для большей части XX в. был характерен дискреционный подход, основанный на неструктурированном клиническом суждении [21; 31]. Специалисты при вынесении конкретного решения на основе собственного образования, предыдущего опыта и знаний субъективно оценивали индивидуальный риск противоправного поведения. Тем самым, наиболее распространенными проблемами этого метода оценки являлись: субъективный характер оценки, в том числе значительное количество решений о высокой вероятности риска насилия, невысокий уровень надежности оценок, трудоемкость и значительная материальная и временная затратность диагностики [3; 10; 13; 21; 31; 37].

Актuarный (недискреционный) подход к оценке риска был разработан в качестве альтернативы клиническому подходу [21; 31]. Актuarные оценки, в отличие от дискреционных, целиком основаны на эмпирически полученных факторах риска противоправного поведения. К примерам типичных факторов риска относятся: возраст преступления, адаптация в начальной школе, история развития агрессивного противоправного поведения и т. п. [37]. Информация для принятия решения должна опираться только на документально зафиксированные факты. При этом эксперт оперирует относительно небольшим числом четко определенных параметров. В руководствах по интерпретации данных содержатся строгие алгоритмы количественной оценки [3]. Тем не менее, актuarные методы подвергаются критике в связи с преимущественной оценкой социальных признаков и значительной степени игнорированием индивидуальных характеристик личности самого человека, что существенно снижает точность прогноза [13; 21].

Имеющиеся недостатки существующих направлений оценки риска социально-негативных последствий привели к созданию нового направления – метода структурированных оценок, который призван гибко сочетать количественные показатели и качественный (клинический) анализ. [11; 21; 37].

В зарубежной практике широко представлены стандартизированные методы оценки риска агрессивного поведения. Наиболее распространенными и чаще всего применимыми являются инструменты VRAG («Violence Risk Appraisal Guide»), PCL («Psychopathy Checklist») в различных модификациях, HCR-20 («Historical Clinical Risk») [8; 21].

Методики оценки риска агрессивного поведения у подростков представляют отдельный класс оценочного инструментария. В них учитываются возрастные и гендерные особенности несовершеннолетних, влияющие на их поведение, и характер совершенного противоправного деяния. Также используются данные статистических, клинических, социально-психологических исследований, что позволяет своевременно выявить

подростков «группы риска» и обеспечить необходимые условия для комплексной работы с ними. При этом подчеркивается необходимость использования подобной оценки в качестве дополнительного инструмента в совокупности с клинической и психологической диагностикой [8; 11].

Первой структурированной методикой, разработанной для несовершеннолетних, является EARL-20B – Early Assessment Risk List for Boys. Она предназначена для определения склонности к насилию у детей и младших подростков мужского пола до 12 лет. Позднее была создана аналогичная методика для девочек (EARL-20G) [8; 11; 13].

Для прогнозирования агрессивного поведения несовершеннолетних от 5 до 18 лет, в том числе в условиях образовательной среды, была разработана методика CAS (Children's Aggression Scale) – Шкала детской агрессии.

Среди методик подобного рода важное место занимает SAVRY – Structured Assessment of Violence Risk in Youth [18]. Она дает возможность провести структурированную оценку риска насилия у подростков. Методика представляет собой один из основных инструментов для определения риска агрессивно-насильственного поведения у несовершеннолетних, использующихся в настоящее время зарубежными специалистами в научном и практическом контекстах [8; 11; 13; 18]. Учитывая тот факт, что агрессивное поведение может быть обусловлено действием психопатологического фактора, в структуру SAVRY входит опросный лист PCL:YV – The Psychopathy Checklist: Youth Version (адаптированная для подростков версия опросника для взрослых по выявлению психопатии) [8; 21]. Нередко в качестве дополнительного инструмента, позволяющего провести более глубокую оценку проблемы психического здоровья, используется адаптированный для несовершеннолетних вариант теста MMPI – MMPI-A (The Minnesota Multiphasic Personality Inventory-Adolescent), который имеет ряд преимуществ: охват широкого спектра подростковых проблем, наличие шкалы достоверности ответов. Кроме того, методика содержит такие параметры, как «Динамика состояния» и «Отношение к получаемому лечению», что позволяет оценить эффективность проводимой коррекционной работы [8].

Для помощи в реализации программ системы правосудия несовершеннолетних в возрасте от 12 до 17 лет в начале XXI в. в США была разработана методика, позволяющая выявить наличие проблем психического здоровья у подростков, впервые попавших в поле зрения закона – Массачусетский юношеский скрининговый инструмент (Massachusetts Youth Screening Instrument, или MAYSI-2). Значительным преимуществом данной методики является простота ее заполнения и минимальное количество времени, необходимого на обработку результатов, что дает возможность быстрой оценки актуального состояния подростка и, при необходимости, принятия срочных мер по оказанию ему непосредственной помощи [8].

На прогностическую оценку рецидивов противоправного поведения, а также помощь в планировании реабилитационной работы с подростками от 12 до 19 лет ориентирована методика YLS/CMI – The Youth Level of Service / Case Management Inventory. Она позволяет дать количественную оценку уровня риска и необходимого вмешательства, разделить подростков с высоким и низким потенциалом к совершению повторных правонарушений [26].

На основе инструмента YLS/СМІ была разработана методика «Оценка риска и криминальных потребностей несовершеннолетних» (RNA), позволяющая оценить факторы риска и возможности реабилитации. В России была разработана и адаптирована для работы с несовершеннолетними, совершившими правонарушение, аналогичная методика, которая получила название «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) [6].

Стоит еще раз отметить, что подобные методы не должны использоваться изолированно. Целесообразно их применять в качестве дополнительного инструмента в целостной системе правосудия для несовершеннолетних, как это происходит в странах Запада, где конкретное лицо отвечает за случай, привлекает специалистов различного профиля и организывает их деятельность [13]. Такой подход позволяет выработать более четкий и эффективный план работы с каждым конкретным несовершеннолетним, попавшим в поле зрения специализированных служб.

В России метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетних «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) как одна из форм работы с подростками, склонными к противоправному поведению, был внедрен в работу органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних г. Москвы и некоторых регионов России. Указанный метод получил хорошие отзывы специалистов и показал свою эффективность, поскольку он позволяет своевременно выявить подростков «группы риска», организовать их комплексное сопровождение и обеспечить межведомственное взаимодействие всех субъектов профилактики [6; 13].

Дальнейшее изучение факторов, повышающих (снижающих) риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних, а также создание и внедрение новых методов их оценки, представляется перспективным направлением, поскольку выявление и оценка факторов риска (протективных факторов) подобного поведения будет способствовать эффективной разработке комплекса междисциплинарных мер по предупреждению деструктивных форм поведения у детей и подростков, с учетом возрастные особенности и трудности данного возраста. Кроме того, знания о факторах риска и протективных механизмах агрессивного криминального поведения могут быть использованы при оценке риска рецидива ООД и при разработке психокоррекционных и реабилитационных программ, направленных на ресоциализацию несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния.

Литература

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
3. Булыгина В.Г. Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (дата обращения: 10.08.2016).
4. Воронова Е.Л., Дрейзен А.А., Дозорцева Е.Г., Зыков О.В., Ошевский Д.С., Павлова Т.Н.,

- Полятыкин А.А., Шипшин С.С., Шипшина О.С., Шкандыкова М.А. Оценка рисков и возможностей (ОРВ). Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего: практика применения / Под ред. В.Б. Васечкина, А.А. Дрейзина, С.А. Полятыкина. М.: РБФ НАН, 2010. 40 с.
5. Дебольский М.Г., Кротова Д.Н. Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63792.shtml> (дата обращения: 10.08.2016).
 6. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, и профилактика ее распространения [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <http://elibrary.ru/download/88601357.pdf> (дата обращения: 10.08.2016).
 7. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: РИО «ГНЦ ССП Росздрава», 2004. 352 с.
 8. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А. Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: методические рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, 2012. 24 с.
 9. Йошпа Н.А., Великоцкая А.М. Создание и применение единой схемы ресоциализации несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы: методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2015. 100 с.
 10. Казаковцев Б.А., Булыгина В.Г., Макурина А.П., Кабанова Т.Н., Макурин А.А. Методика оценки протективных факторов при лечении и реабилитации психически больных: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 27 с.
 11. Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С. Клинико-психологические методы оценки риска совершения агрессивных действий несовершеннолетними: аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2008. 29 с.
 12. Назарова Н.Г., Ошевский Д.С. Психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных // *Юридическая психология*. 2013. № 4. С. 15–19.
 13. Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // *Психическое здоровье*. 2014. № 7 (98). С. 3–10.
 14. Сыроквашина К.В. Антисоциальное расстройство личности у подростков с

- делинквентным поведением (обзор зарубежной литературы) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66208.shtml> (дата обращения: 10.08.2016).
15. *Тейван-Трейновский Я., Нестерова М.М., Лавриненко О.* Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2013. № 2. С. 102–110.
 16. *Ascione F.R.* Children who are cruel to animals: A review of research and implications for developmental psychopathology // *Anthrozoos*. 1993. P. 226–247.
 17. *Bor W., McGee T.R., Fagan A.A.* Early risk factors for adolescent antisocial behaviour: an Australian longitudinal study // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2004. Vol. 38. № 5. P. 365–372.
 18. *Borum R., Bartel P., Forth A.* Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. 2000.
 19. *De Vogel V. et al.* Violence risk assessment. Historical Clinical Risk Management- 20 Version 3. Eburon Academic Publishers, Delft. 2013.
 20. *De Vries Robbé M., de Vogel V., Douglas K.S.* Changes in dynamic risk and protective factors for violence during inpatient forensic psychiatric treatment. Predicting reductions in postdischarge community recidivism. Manuscript submitted for publication. Netherlands. 2013.
 21. *Dolan M., Doyle M.* Violence risk prediction: Clinical and actuarial measures and the role of the Psychopathy Checklist // *The British Journal of Psychiatry*. 2000. Vol. 177 (4). P. 303–311. doi: 10.1192/bjp.177.4.303
 22. *European report on preventing violence and knife crime among young people.* World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf (дата обращения: 10.08.2016).
 23. *Farrington D.P.* Early predictors of adolescent aggression and adult violence // *Violence and Victims* Vol. 4. / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. P. 79–100.
 24. *Farrington D.P.* Multiple Risk Factors for Multiple Problem // *Multi-problem violent youth*. Cracow. 2002.
 25. *Farrington D.P.* Origins of Violent Behavior over the Life Span. *The Cambridge Handbook of Violent Behavior and Aggression*. 2007. P. 19–48.
 26. *Hoge R.D. et.al.* Youth Level of Service / Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services, 2002. 153 p.

27. *Krug E.G., Dahlberg L.L., Mercy J.A., Zwi A.B., Lozano R.* World report on violence and health. Geneva: World Health Organization. 2002.
28. *McMurrin M.* Substance use and delinquency // Clinical approaches to working with young offenders. 1996. Vol. 1. P. 209–235.
29. *Moffitt T.E.* Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100. №. 4. P. 674–701.
30. *Moffitt T.E., Caspi A., Harrington H., Milne B.J.* Males on the life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways: follow-up at age 26 years // *Development & Psychopathology*. 2002. 14. P.179–207.
31. *Monahan J., Steadman H. J.* Violence and Mental Disorder: Developments in Risk Assessment. Chicago, IL: University of Chicago Press. 1994. 334 p.
32. *Rutter M.* Child and adolescent psychiatry. Modern approaches. Oxford. 1985. 1096 p.
33. *Sijtsema J.J.* Adolescent aggressive behavior. Status and Stimulation Goals in Relation to the Peer Context. 2010. 169 p.
34. *Teplin L. A., Abram K. M., McClelland G. M., Mericle A.A., Dulcan M.A., Washburn J. J.* Psychiatric Disorders of Youth in Detention. *Juvenile Justice Bulletin*. 2006. 16 p.
35. *Thomas A.M.* Parent and Peer Influences: Their Role in Predictive Adolescent Moral Values and Delinquent Behavior: Thesis for the Degree of Master of Science. Colorado: Colorado State University Fort Collins, 2011.
36. *Wahdan I., El-Nimr N., Kotb R., Wahdan A.* Risk of aggression and criminal behaviour among adolescents living in Alexandria Governorate, Egypt // *Eastern Mediterranean Health Journal*. 2014. Vol.20. №. 4. P. 265–272.
37. *Wallinius M.* Aggressive antisocial behavior – clinical, cognitive, and behavioral covariates of its persistence // Lund University, Faculty of Medicine Doctoral Dissertation Series. 2012. Vol. 2012:96. P. 1–102.
38. *World Health Organization.* Health topics. Violence [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/topics/violence/en/> (дата обращения: 10.08.2016).

Assessment of factors that increase and reduce the risk of aggressive unlawful behavior among juveniles (a review of foreign literature)

Nazarova N.G., Postgraduate student of Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (nata6anaz@mail.ru)

The article is devoted to an overview of foreign researches about factors that increase the risk of aggressive unlawful behavior among juveniles and reduce the risk of such behavior. Such definitions as risk factor, protective factor (defensive), aggression and violence were examined. It is shown how the methods of assessment for both social and negative consequences of unlawful behavior, including aggressive one, have been developed, starting from discretionary approach based on unstructured clinical statement and ending with a method of structured risk assessment. The article contains the descriptions of researches about prognostic structured risk assessment of aggressive criminal behavior among adolescents. The results of contemporary foreign researches that were aimed at identifying factors that either increase or reduce the risk of aggressive unlawful behavior in childhood and adolescence, were outlined.

Keywords: juvenile offenders, aggressive unlawful behavior, risk factors.

References

1. Bandura A., Uolters R. *Podrostkovaja agressija: Izuchenie vlijanija vospitaniya i semejnyh otnoshenij*. M., 2000.
2. Bjeron R., Richardson D. *Agressija*. SPb.: Piter, 2001. 352 p.
3. Bulygina V.G. *Izmerenie riskov nasilija v sudebnoj psihiatrii* [Measuring the risks of violence in forensic psychiatry]. [Elektronnyi resurs]: *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2011. no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (Accessed 10.08.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Voronova E.L., Drejzen A.A., Dozorceva E.G., Zykov O.V., Oshevskij D.S., Pavlova T.N., Polyatykin A.A., Shipshin S.S., Shipshina O.S., Shkandykova M.A. *Ocenka riskov i Vozmozhnostej (ORV). Metod strukturirovannoj ocenki riskov sovershenija povtornyh pravonarushenij i vozmozhnostej rehabilitacii nesovershennoletnego: praktika primenenija* [Method of structured risk assessment of committing repeated offenses and opportunities of juvenile's rehabilitation «Risks Assessment and opportunities» (RAO)] / Ed. Vasechkin V.B., Drejzin A.A., Polyatykin S.A. Moscow: Publ. RBF NAN, 2010. 40 p.

5. Debol'skiy M.G., Krotova D.N. Prevention of risk factors of crime prison [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2013, no. 3 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Debol'skiy M.G., Chernyshkova M.P. Kriminal'naja subkul'tura v srede nesovershennoletnih, sodержashhihsja v mestah lisheniya svobody, i profilaktika ee rasprostraneniya [Criminal subculture among juveniles enclosed in places of deprivation of liberty and prevention of its spread]. [Elektronnyi resurs]. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU [Scientific Digital Library eLIBRARY.RU]. URL:<http://elibrary.ru/download/88601357.pdf> (Accessed: 10.08.2016).
7. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal development of the personality of adolescents with unlawful conduct]. Moscow: Publ. RIO «GNCSSP im. V.P.Serbskogo Roszdrava». 2004, 352p.
8. Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S., Aleksandrova N.A. Ocenka riska protivopravnih dejstvij u detej i podrostkov. Metodicheskie rekomendacii [Risk assessment of illegal actions of children and teenagers. Guidelines]. Moscow: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P.Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii. 2012, 24 p.
9. Joshpa N. A., Velikockaja A.M. Sozdanie i primenenie edinoj shemi resocializacii nesovershennoletnih, osuzdennih k lisheniyu svobody: metodicheskie rekomendacii [Creating and applying of the unified scheme of re-socialization of juveniles convicted to imprisonment: guidelines]. Moscow: Publ. Institute of law and public policy. 2015, 100 p.
10. Kazakovcev B.A., Buligina V.G., Makurina A.P., Kabanova T.N., Makurin A.A. Metodika ocenki protektivnih faktorov pri lechenii i rehabilitacii psihicheski bol'nih: metodicheskie rekomendacii [Methods of evaluating protective factors in the treatment and rehabilitation of mental patients: guidelines]. Moscow: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P.Serbskogo» Minzdrava Rossii. 2013, 27 p.
11. Makushkin E.V., Dozorceva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S. Kliniko-psihologicheskie metody ocenki riska sovershenija agressivnyh dejstvij nesovershennoletnimi: Analiticheskij obzor [Clinical and psychological methods of risk assessment of committing aggressive acts by juveniles: Analytical overview]. Moscow: Publ. FGU «GNCSSP im. V.P.Serbskogo» Roszdrava. 2008, 29p.
12. Nazarova N.G., Oshevskij D.S. Psihologicheskie factori riska agressivnogo povedeniya u nesovershennoletnih osuzhdennih. [Psychological factors of risk of aggressive behavior of minor convicts]. *Juridicheskaja psihologija* [Legal Psychology]. 2013, no. 4. pp. 15-19.
13. Oshevskij D.S., Dozorceva E.G. Perspektivy ispol'zovanija strukturirovannyh metodov ocenki riska povtornyh deliktov pri psihologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnih pravonarushitelej s psihicheskimi rasstrojstvami [Prospects for the use of structured risk assessment methods for repeated misdemeanors under psychological support juvenile offenders with mental disorders]. *Psihicheskoe zdorov'e* [Mental health]. 2014, no. 7 (98). pp. 3-10.
14. Syrokvashina K.V. Antisocial'noe rasstroystvo lichnosti u podrostkov s delinkventnim povedeniem (obzor zarubejnoj literaturi) [Antisocial personality disorder in adolescents with delinquent behavior (a review of foreign literature)] [Elektronnyi

- resurs]. *Psikhologija i pravo* [Psychology and Law], 2013. no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66208.shtml> (Accessed 10.08.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Tejvan-Trejnovskij Ja., Nesterova M. M., Lavrinenko O. Analiz factorov riska prestupnosti nesovershennoletnix v Latvii [Juvenile delinquency in Latvia risk factors analysis]. *Kriminologicheskij jurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological journal of the Baikal state university of economics and law]. 2013, no. 2. pp. 102-110.
 16. Ascione F.R. Children who are cruel to animals: A review of research and implications for developmental psychopathology // *Anthrozoos*. 1993. pp. 226-247.
 17. Bor W., McGee T.R., Fagan A.A. Early risk factors for adolescent antisocial behaviour: an Australian longitudinal study // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2004. Vol. 38. no 5. pp. 365-372.
 18. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. 2000.
 19. De Vogel V. et al. Violence risk assessment. Historical Clinical Risk Management- 20 Version 3. Eburon Academic Publishers, Delft. 2013.
 20. De Vries Robbé M., de Vogel V., Douglas K.S. Changes in dynamic risk and protective factors for violence during inpatient forensic psychiatric treatment. Predicting reductions in postdischarge community recidivism. Manuscript submitted for publication. Netherlands. 2013.
 21. Dolan M., Doyle M. Violence risk prediction: Clinical and actuarial measures and the role of the Psychopathy Checklist // *The British Journal of Psychiatry*. 2000. Vol. 177 (4). pp. 303-311. doi: 10.1192/bjp.177.4.303.
 22. European report on preventing violence and knife crime among young people. World Health Organization [Elektronnyi resurs] URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf (Accessed: 10.08.2016).
 23. Farrington D.P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence // *Violence and Victims* / Eds. I.D. Waldman. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. Vol. 4. pp. 79-100.
 24. Farrington D.P. Multiple Risk Factors for Multiple Problem // *Multi-problem violent youth*. Cracow. 2002.
 25. Farrington D.P. Origins of Violent Behavior over the Life Span. *The Cambridge Handbook of Violent Behavior and Aggression*. 2007. pp. 19-48.
 26. Hoge R.D. et.al. Youth Level of Service / Case Management Inventory: User's Manual. Toronto, Canada: Multi Health Services. 2002. 153 p.

27. Krug E.G., Dahlberg L.L., Mercy J.A., Zwi A.B., Lozano R. World report on violence and health. Geneva: World Health Organization. 2002.
28. McMurrin M. Substance use and delinquency // *Clinical approaches to working with young offenders*. 1996. Vol. 1. pp. 209–235.
29. Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100. no. 4. pp. 674–701.
30. Moffitt T.E., Caspi A., Harrington H., Milne B.J. Males on the life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways: follow-up at age 26 years. *Development & Psychopathology*. 2002. 14. pp.179–207.
31. Monahan, J. & Steadman, H. J. *Violence and Mental Disorder: Developments in Risk Assessment*. Chicago, IL: University of Chicago Press. 1994. 334 p.
32. Rutter M. *Child and adolescent psychiatry. Modern approaches*. Oxford, 1985. 1096 p.
33. Sijtsema J.J. Adolescent aggressive behavior. Status and Stimulation Goals in Relation to the Peer Context. 2010. 169 p.
34. Teplin L. A., Abram K. M., McClelland G. M., Mericle A.A., Dulcan M.A., Washburn J. J. *Psychiatric Disorders of Youth in Detention*. *Juvenile Justice Bulletin*. 2006. 16 p.
35. Thomas A.M. *Parent and Peer Influences: Their Role in Predictive Adolescent Moral Values and Delinquent Behavior: Thesis for the Degree of Master of Science*. Colorado: Colorado State University Fort Collins. 2011.
36. Wahdan I., El-Nimr N., Kotb R., Wahdan A. Risk of aggression and criminal behaviour among adolescents living in Alexandria Governorate, Egypt // *Eastern Mediterranean Health Journal*. 2014. Vol.20. no4. pp. 265-272.
37. Wallinius M. *Aggressive antisocial behavior – clinical, cognitive, and behavioral covariates of its persistence*. Lund University, Faculty of Medicine Doctoral Dissertation Series. 2012. Vol. 2012:96. pp. 1–102.
38. World Health Organization. Health topics. Violence [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.who.int/topics/violence/en/> (Accessed: 10.08.2016).

Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков

Нуцкова Е.В., научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ (nuckova@gmail.com)

В статье изложены результаты комплексного психолого-психиатрического обследования 175 несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления. Использовался комплекс методов, включающий полуструктурированное интервью для выявления признаков посттравматического стресса у детей, методику исследования качества жизни, карты оценки дезадаптации, совокупность методик, используемых при производстве КСППЭ, методы математической статистики и анализа данных. В зависимости от психического состояния потерпевшего были выявлены психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления клинического и психологического уровней. Описаны 4 группы последствий, различающихся по степени выраженности: психогенное состояние в форме расстройства (1) и психогенное состояние в форме реакции (2) (клинический уровень); неблагоприятное психологическое состояние (3) и минимально неблагоприятное психологическое состояние (4) (психологический уровень). Установлено, что с утяжелением психического состояния потерпевших, от минимально неблагоприятного до психогенного состояния в виде расстройства, расширяется охваченность сфер личности, количество и выраженность признаков посттравматических реакций. Психологические последствия, демонстрируемые психически здоровыми потерпевшими, свидетельствуют о снижении качества их жизни.

Ключевые слова: жестокое обращение с детьми; сексуальное насилие и злоупотребление по отношению к детям; несовершеннолетние потерпевшие по половым преступлениям; психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления.

Для цитаты:

Нуцкова Е.В. Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 104-121. doi: 10.17759/psylaw.2016060309

For citation:

Nutskova E.V. The structure of the psychological consequences of sexual violence and abuse against children and adolescents. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 3. pp.104-121. doi: 10.17759/psylaw.2016060309

С того момента, как проблема сексуального насилия и злоупотребления стала предметом внимания исследователей, она не теряет своей актуальности. Многочисленные работы указывают на то, что одну из самых незащищенных и подверженных криминальному, в том числе сексуальному, насилию групп населения представляют дети и подростки. Недостаток социального опыта в несовершеннолетнем возрасте обуславливает их неспособность правильно оценить действия преступника и оказать эффективное сопротивление. По данным Следственного комитета России, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. было признано потерпевшими от преступных посягательств на 12% больше детей, более чем на 2% выросло количество изнасилований, почти на 13% – фактов сексуального злоупотребления. При этом последствия для здоровья ребенка, вызванные этим видом преступления, являются одними из самых тяжелых и зачастую необратимыми.

Научный интерес к проблеме сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков в среде психологов и психиатров возник в США и Западной Европе в 60-е гг. XX в. и продолжает расти до сих пор (Finkelhor D.S., 1985, 1990; Burgess A.W., Holmstrom L.L., 1974; Mullen P.E., 1996; Fergusson D.M., Mullen P.E., 1999; Simpson T.L., Miller W.R., 2002; Malhatra S., 2006; Amstadter A., Vernon L., 2008 и др.). В нашей стране изучение данного вопроса стало особенно активным в последние 15–20 лет (Тарабрина Н.В., 2001; Бадмаева В.Д., 2003, 2009, 2013, 2014; Трубицина Л.В., 2005; Фурманов И.А., Фурманова Н.В., 2004; Шигапов Д.Ю., 2010 и др.).

Сексуальное насилие и злоупотребление, пережитое в детском возрасте, может стать причиной развития посттравматических психологических реакций, тяжелых психических расстройств и аномального развития личности. Одним из наиболее изученных клинических проявлений сексуального насилия и злоупотребления является посттравматическое стрессовое расстройство, основу которого составляет состояние повышенной тревожности, на фоне которого возникают приступы необычайно ярких воспоминаний травмирующего события [17; 18; 19]. Психическое состояние потерпевших на каждом этапе криминальной ситуации характеризуется отдельной нозологической формой. В криминальной ситуации у большинства потерпевших возникает острая реакция на стресс (F43.0); в посткриминальной и следственной ситуациях часто проявляются депрессивные реакции (F43.2), фобические тревожные расстройства (F40), посттравматическое стрессовое расстройство (F43.1), смешанное расстройство эмоций и поведения (F43.25) [2; 5; 15]. А.А. Ткаченко и М.Ю. Каменсковым (2014) были выделены четыре основные группы заболеваний, возникающих у потерпевших – жертв сексуального насилия и злоупотребления: органические психические расстройства, дизонтогенетические состояния и искажения половой идентичности, аддиктивные и невротические расстройства [22]. В предложенном З.И. Кекелидзе и А.А. Портновой (2009) подходе к трактовке стрессовых расстройств сексуальное насилие рассматривается как один из видов экстремальных, чрезвычайных ситуаций, приводящих к особым состояниям – кризисным реакциям. Кризисные реакции проявляются как «синдром травмы изнасилования» [12].

Не у всех потерпевших можно наблюдать очерченные психогенные состояния. В качестве основы возникновения патологических реакций рассматривается ослабленная активность системы психической адаптации [1]. Б.Д. Цыганков, А.И. Белкин и др. (1991) подчеркивают влияние патологической «почвы» в виде органического поражения головного мозга и придают особое значение дополнительным психогенным факторам, которые способствуют углублению и заострению болезненных проявлений в посттравматическом периоде [26].

В рамках психологической науки выделены и описаны общие посттравматические реакции несовершеннолетних на факт сексуального злоупотребления, которые разделяют на непосредственные (такие как чувство беспомощности, гнева) и отсроченные (депрессия, низкая самооценка и т. п.) [4; 24; 25; 28; 37; 39].

D. Finkelhor и A. Browne (1985) была предложена модель травмы сексуального насилия. Травматическая динамика, включающая в себя последствия сексуального насилия, оказывает влияние на дальнейшие способности жертвы взаимодействовать с миром. Травматичный опыт, по их мнению, разрушает Я-концепцию ребенка, его представления о мире и собственных возможностях. Модель содержит 4 компонента: травматическую сексуализацию, чувство предательства, чувство бессилия и стигматизацию [30; 34; 35].

Характерными последствиями сексуального злоупотребления можно назвать разнообразные нарушения психосексуального развития. Наиболее часто у жертв изнасилования отмечается торможение психосексуального развития с фиксацией на ранних этапах формирования сексуальности и резкой задержкой становления зрелой сексуальности. Значительно реже наблюдается ускорение психосексуального развития [3; 6; 8; 20; 21].

Кроме того, на феноменологию проявления психологической травмы оказывает влияние возрастной фактор [24; 27; 29; 32] и гендерная принадлежность потерпевшего [29; 31; 38; 36; 41].

Данные лонгитюдных исследований показывают, что в последующем для жертв насилия характерны проблемы с обучением, низкий социоэкономический статус и отсутствие работы, ревиктимизация, проблемы с воспитанием собственных детей [9; 10; 11; 33; 40].

Диагностика и оценка последствий пережитого сексуального насилия имеют значение не только для реабилитации пострадавших, но и для решения вопросов, возникающих в рамках судебно-следственных действий. В настоящее время особый интерес представляет проблема экспертной оценки тяжести вреда здоровью, нанесенного потерпевшему криминальными действиями. Экспертами-психологами выявляются различные по степени выраженности психологические последствия пережитого сексуального насилия. Они могут наблюдаться как у потерпевших с диагностированными психогенными расстройствами, так и у потерпевших, которые были признаны экспертами-психиатрами психически здоровыми. Выявленные психологические последствия пережитого психотравмирующего воздействия могут быть описаны в рамках психологического или патопсихологического симптомокомплекса посттравматических реакций. Выделение и описание особенностей патопсихологического симптомокомплекса посттравматических реакций у несовершеннолетних потерпевших может в дальнейшем

использоваться как дополнительный критерий оценки степени тяжести вреда здоровью [13; 14; 15; 16; 23].

Несмотря на активный интерес со стороны специалистов к проблеме сексуального насилия и злоупотребления по отношению к детям и подросткам, до сих пор остаются недостаточно разработанными критерии диагностики и оценки реакций на травму у несовершеннолетних. До настоящего времени не была выработана и описана структурно-феноменологическая модель психологических последствий сексуального злоупотребления в отношении несовершеннолетних применительно к различным возрастным категориям.

Таким образом, предпринятое нами исследование позволит выявить и описать психологические последствия сексуального злоупотребления по отношению к несовершеннолетним в зависимости от действия различных факторов для дальнейшей разработки критериев их диагностической и экспертной оценки.

Согласно нашей гипотезе, последствия сексуального злоупотребления проявляются на всех уровнях психического функционирования несовершеннолетнего. Глубина и выраженность психологических последствий сексуального злоупотребления будет различаться в группах несовершеннолетних с констатированным расстройством, имеющим причинно-следственную связь с пережитым злоупотреблением, и у несовершеннолетних признанных психически здоровыми.

Материалом исследования стала сплошная выборка из 175 несовершеннолетних потерпевших мужского и женского пола, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ в рамках судебных экспертиз в 2010–2016 гг. Все подэкспертные находились в возрастном интервале от 3 до 17 лет.

Организация сбора и анализа данных

Исследование проводилось в рамках психологического обследования при выполнении КСППЭ несовершеннолетних потерпевших.

Для выявления особенностей актуального состояния и возникших психологических последствий пережитого детьми и подростками сексуального злоупотребления использовалась совокупность методов, включающая анализ материалов уголовного дела (характеристики потерпевших из учебных заведений, опросы потерпевших, опросы родственников и/или воспитателей), клиническую беседу, анализ рассказа потерпевшего о ситуации злоупотребления, полуструктурированное интервью для выявления признаков посттравматического стресса у детей Н.В. Тарабриной, методику исследования качества жизни (опросник «PedsQL» для оценки качества жизни ребенка), карты оценки дезадаптации, соответствующие возрасту потерпевшего. Индивидуально-психологические особенности и особенности интеллектуальной сферы несовершеннолетних потерпевших исследовались с помощью комплекса методик, используемых при производстве КСППЭ.

Для определения специфики психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группах потерпевших с различным психическим состоянием среднее количество признаков фиксируемых последствий сравнивалось в соответствующих группах подэкспертных, определялся уровень статистической значимости различий по *U*-критерию Манна–Уитни.

Результаты и обсуждение

На **первом этапе** исследования ставилась задача изучить распределение потерпевших по психическому состоянию. Из 175 потерпевших у 35 человек комиссией экспертов были диагностированы различные психогенные состояния, находящиеся в причинно-следственной связи с пережитым насилием и злоупотреблением. Из них у 25 человек психогенное состояние наблюдалось в форме расстройства, у 10 человек – в форме реакции. 140 человек были признаны психически здоровыми. Актуальное психическое состояние 74 здоровых потерпевших позволяло им участвовать в судебно-следственных действиях. Вследствие повторных психотравмирующих переживаний, наблюдавшихся у оставшихся 66 психически здоровых потерпевших, с целью исключения неблагоприятного влияния дополнительных психотравмирующих факторов и возможности ухудшения состояния, их дальнейшее участие в судебно-следственных действиях не рекомендовалось. Таким образом, с учетом психического состояния все потерпевшие были разделены на две категории: проявляющие последствия сексуального насилия и злоупотребления на клиническом и на психологическом уровнях. Это позволило выделить 4 группы последствий, различающихся по степени выраженности: психогенное состояние в форме расстройства (1) и психогенное состояние в форме реакции (2) (клинический уровень); неблагоприятное психологическое состояние (3) и минимально неблагоприятное психологическое состояние (4) (психологический уровень).

Второй этап включал в себя психологическое обследование всей выборки несовершеннолетних потерпевших, по результатам которого были выделены 30 психологических признаков сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков, которые были объединены нами в соответствии с их содержательными характеристиками в шесть сфер.

1. Сфера отношений и смыслов (проекция переживаний, негативное отношение к мужскому полу, чувство вины, чувство стыда, чувство безысходности, гипермаскулинная компенсация, амбивалентное отношение к насилию и обвиняемому).
2. Сфера самосознания (неуверенность в себе, посттравматические личностные изменения, включая изменение Я-концепции, суицидальные мысли).
3. Эмоционально-волевая сфера (повышенная раздражительность, возбудимость, чувствительность, уровень тревожности, психическое напряжение; эмоциональная неустойчивость, пониженный фон настроения эмоциональная охваченность ситуацией насилия).
4. Поведенческая сфера (негативизм/оппозиционность, агрессивность, демонстративность, ограничение социальных контактов).
5. Психосексуальная сфера (сексуализированное поведение, неприятие близких отношений, слабая дифференциация мужских и женских полоролевых образцов, нарушение полоролевой идентичности).
6. Психосоматическая сфера (повышенная утомляемость, чувство неблагополучия в соматической сфере, снижение продуктивности).

На третьем этапе для определения специфики психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в зависимости от выявленного психического состояния частота встречаемости фиксируемых сфер и представленность признаков в каждой сфере сравнивались в соответствующих группах, определялся уровень статистической значимости по *U*-критерию Манна–Уитни.

При сравнении психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группах потерпевших с диагностированным психогенным состоянием и психически здоровыми потерпевшими были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$, по критерию Манна–Уитни) в выраженности негативных признаков во всех сферах (табл. 1). Проведенный анализ полученных данных показывает, что у потерпевших, демонстрирующих последствия на клиническом уровне, признаки сексуального насилия и злоупотребления наблюдаются во всех сферах. Можно предположить, что, объединяясь, эти признаки образуют комплексы последствий, приводящих к выраженной дезадаптации и посттравматическим личностным изменениям, в то время как потерпевшие, обнаруживающие последствия, не превышающие психологического уровня, демонстрируют отдельные немногочисленные признаки в нескольких сферах (как правило, эмоционально-волевой и сфере отношений и смыслов), которые в отдельных случаях приводят к понижению качества их жизни.

Таблица 1.

Среднее количество признаков психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группе потерпевших с психологическими последствиями клинического и психологического (неклинического) уровней

	Потерпевшие с клинически диагностированным психогенным состоянием (N=44)	Психически здоровые потерпевшие (N=156)	Уровень значимости различий (U-критерий Манна–Уитни)
Эмоционально-волевая сфера	4,61	1,28	$p < 0,01$
Поведенческая сфера	0,82	0,24	$p < 0,01$
Сфера отношений и смыслов	1,82	0,34	$p < 0,01$
Сфера самосознания	0,89	0,15	$p < 0,01$
Психосоматическая сфера	0,77	0,10	$p < 0,01$

Психосексуальная сфера	0,70	0,12	p<0,01
------------------------	------	------	--------

Четкое разделение выраженности признаков психологических последствий на клиническом и неклиническом уровнях демонстрирует их существенное различие не только на количественном, но на качественном уровне. Однако этот результат должен быть дополнен впоследствии описанием качественных и структурных характеристик последствий на каждом из уровней.

Сравнительный анализ выраженности психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группах потерпевших с психогенным состоянием в виде расстройства и реакции показал, что нарушения, возникающие при психогенном состоянии в виде расстройства, охватывают все шесть сфер (табл. 2). Можно наблюдать до восьми признаков в эмоционально-волевой сфере и сфере отношений и смыслов, до четырех признаков в поведенческой и психосексуальной сферах, до трех признаков в сфере самосознания и психосоматической сфере. В группе потерпевших с психогенным состоянием в форме реакции пораженными оказываются до четырех сфер. Выделяются до шести признаков в эмоционально-волевой сфере, до шести признаков в сфере отношений и смыслов и по два признака в поведенческой сфере и сфере самосознания.

Таблица 2

Среднее количество признаков психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группе несовершеннолетних потерпевших с различными видами психогенных состояний

	Психическое расстройство (N=29)	Психическая реакция (N=15)	Уровень значимости различий (U-критерий Манна-Уитни)
Эмоционально-волевая сфера	4,55	4,73	-
Поведенческая сфера	0,97	0,53	-
Сфера отношений и смыслов	2,17	1,13	p<0,05
Сфера самосознания	0,97	0,07	-
Психосоматическая	1,07	0,2	p<0,05

сфера			
Психосексуальная сфера	1,03	0,07	p<0,01

По сравнению с потерпевшими с психогенным состоянием в виде реакции, потерпевшие с психогенным состоянием в виде расстройства значимо чаще проявляют нарушения в психосексуальной сфере (p<0,01, по критерию Манна–Уитни), в сфере отношений и смыслов (p<0,05), в сфере самосознания (p<0,05) и психосоматической сфере (p<0,05). Можно предположить, что комплекс последствий сексуального насилия и злоупотребления в группе потерпевших с психогенным состоянием в форме расстройства не только понижает качество жизни, приводит к дезадаптации, но и, в особо неблагоприятных случаях, может привести к аномальному развитию личности.

При сравнении выраженности психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группе потерпевших с минимально неблагоприятным и неблагоприятным состоянием были обнаружены статистически значимые различия (p<0,01, по критерию Манна–Уитни) во всех сферах (табл. 3).

Таблица 3

Среднее количество признаков психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления при различных состояниях в группе психически здоровых несовершеннолетних потерпевших

	Неблагоприятное психическое состояние (N=54)	Минимально неблагоприятное психическое состояние (N=102)	Уровень значимости различий (U-критерий Манна–Уитни)
Эмоционально-волевая сфера	3,19	0,26	p<0,01
Поведенческая сфера	0,61	0,05	p<0,01
Сфера отношений и смыслов	0,78	0,11	p<0,01
Сфера самосознания	0,39	0,03	p<0,01
Психосоматическая сфера	0,20	0	p<0,05

Психосексуальная сфера	0,35	0	$p < 0,01$
------------------------	------	---	------------

В группе психически здоровых потерпевших с неблагоприятным психическим состоянием психологические последствия сексуального насилия охватывают до четырех сфер. Наблюдаются до четырех признаков в эмоционально-волевой сфере, до четырех признаков в сфере отношений и смыслов и по одному признаку в поведенческой сфере и сфере самосознания. Данные признаки формируют комплексы психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления, свидетельствуют о понижении качества жизни потерпевших, но не нарушают существенно адаптацию и не доходят до клинической выраженности. Минимально неблагоприятное состояние затрагивает две сферы: эмоционально-волевою и сферу отношений и смыслов, в каждой из которых наблюдается не более одного признака. Актуальное состояние потерпевшего можно описать переживанием одной сильной эмоции (гнев, страх и т. д.) или/и чувством (например, чувством стыда). Высоко статистически значимые различия показателей двух состояний психологического уровня указывают на необходимость учета этих различий при экспертной оценке и дифференциации данных состояний как самостоятельных. В дальнейшем требуется их более детальное описание и дополнительное обоснование качественной специфики каждого из них.

Результаты проведенного исследования показывают, что психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления у детей и подростков затрагивают все сферы жизни и деятельности потерпевшего, оказывая влияние на качество их жизни в целом. Охват психических сфер и их наполненность психологическими признаками перенесенного сексуального насилия и злоупотребления увеличивается с нарастанием тяжести состояния, от группы потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием к группе потерпевших с психогенным состоянием в форме расстройства. У потерпевших с психогенным состоянием в виде расстройства, в отличие от остальных групп потерпевших, затронутыми оказываются все сферы личности, в том числе психосексуальная и психосоматическая сферы. Выявленный у них комплекс последствий затрагивает сферу отношений и смыслов, сферу самосознания, психосексуальную и психосоматическую сферы, что обуславливает посттравматические изменения личности, которые нельзя наблюдать у оставшихся групп потерпевших. Данный комплекс, имея стойкий характер, может стать основой аномального личностного развития. Потерпевшие с диагностированным психогенным состоянием в виде реакции, в отличие от психически здоровых потерпевших, демонстрируют статистически значимо большее количество негативных признаков во всех сферах, кроме психосоматической и психосексуальной. Можно предположить, что данные комплексы признаков, охватывая нарушения сферы отношений и смыслов и сферы самосознания, проявляются в эмоционально-волевой сфере и поведении потерпевших, что и приводят к выраженной дезадаптации. Выраженность нарушений, характерная для группы психически здоровых потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием, показывает, что, как правило, данные нарушения имеют преходящий характер, не приводят к дезадаптации, но сказываются на качестве жизни.

На основании полученных данных можно предположить, что различия выделенных состояний по свойственным им признакам имеют не только количественный, но и качественный характер. В дальнейшем исследовании планируется проверить эту гипотезу с

помощью кластерного и дискриминантного анализа психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления для выявления их структурно-динамических характеристик в группах психически здоровых потерпевших и потерпевших с диагностированными психогенными состояниями, что позволит описать психологический и патопсихологический симптомокомплексы посттравматических реакций, состояний и расстройств. Кроме того, планируется сравнить феноменологию психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в группах потерпевших в зависимости от их возраста, пола, типа и длительности ситуации насилия. Полученные результаты позволят уточнить критерии психологической диагностики и экспертной оценки последствий сексуального насилия и злоупотребления по отношению к несовершеннолетним, а также использовать данные результаты как при экспертной диагностике посттравматических стрессовых реакций, так и для оценки тяжести нанесенного вреда здоровью, а в дальнейшем – и для квалификации причиненного потерпевшим морального вреда.

Литература

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации их компенсация. М.: Наука, 1976. 272с.
2. Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2009. № 12. С. 34–37.
3. Бадмаева В.Д., Каменсков М.Ю., Дозорцева Е.Г. Психические расстройства у несовершеннолетних участников тоталитарно-деструктивной секты // Российский психиатрический журнал. 2014. № 5. С. 60–67.
4. Воронова Е.Л., Шипшин С.С. Дети – жертвы сексуального насилия. Правовые и психологические аспекты: метод. рекомендации. Ростов/н-Д, 2000. 58с.
5. Гурьева В.А., Морозова Н.Б. Острые аффективные реакции у несовершеннолетних с психогенным развитием личности (клиника, диагностика, судебно-психиатрическая оценка): метод. рекомендации. М., 1990. 16с.
6. Дворянчиков Н.В. Особенности полового самосознания у несовершеннолетних, потерпевших насильственные сексуальные действия. Помощь детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения и коммерческой сексуальной деятельности: методи. пособие / Под ред. З.В. Луковцевой. М.: ЭТИПАК, 2005. С.130–134.
7. Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Пимонов В.А., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков: юридические и психологические аспекты проблемы // Юридическая психология. 2016. № 1. С. 31–35.
8. Дворянчиков Н.В., Гутник А.Д. Социальные представления о сексуальном насилии над детьми [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52075.shtml> (дата обращения: 20.08.2016).
9. Дозорцева Е.Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2007. 128 с.
10. Дозорцева Е.Г. Психическая травма и социальное функционирование девочек-

- подростков с делинквентным поведением // *Российский психиатрических журнал*. 2006. № 4. С.12–16.
11. *Качаева М.М., Дозорцева Е.Г., Качнова Н.А., Русина В.В.* Особенности психических расстройств и психологических проблем у осужденных девочек-подростков, перенесших насилие и совершивших агрессивные правонарушения // *Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология* / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2009. Вып. 6. С. 123–137.
 12. *Кекелидзе З.И., Портнова А.А.* Критерии диагностики посттравматического стрессового расстройства // *Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова*. 2009. № 12. С. 4–7.
 13. *Клевно В.А., Ткаченко А.А.* Экспертиза вреда здоровью. М.: Норма Инфра-М, 2013. 176 с.
 14. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г. и др.* Производство амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних (обвиняемых и потерпевших) в уголовном процессе: метод. рекомендации. М., 2013. С.3–14.
 15. *Морозова Н.Б.* Психические расстройства у несовершеннолетних – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): дисс. ...доктор. мед. наук. М., 1999. 339 с.
 16. *Морозова М.В.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности малолетних и несовершеннолетних давать показания (психол. аспект): дисс. ...канд. психол. наук. М., 1995. 205 с.
 17. *Психология посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. Практическое руководство* / Под ред. Н.В. Тарабриной. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
 18. *Рыбников В.Ю., Парфенов Ю.А.* Психологический статус личности подростков, подвергшихся жестокому обращению в семье // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 6 (121). С. 148–151.
 19. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
 20. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2014. 648 с.
 21. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Догадина М.А.* Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // *Российский психиатрический журнал*. 1999. № 2. С. 13–18.
 22. *Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю.* Психические расстройства у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // *Психическое здоровье*. 2014. № 11. С. 33–38.
 23. *Ткаченко А.А., Яковлева Е.Ю.* Методологические принципы судебно-экспертной оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // *Российский психиатрический журнал*. 2008. № 4. С.15–20.
 24. *Трубицина Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл, 2005. 218 с.

25. *Фурманов И.А., Фурманова Н.В.* Психология депривированного ребенка. М.: ВЛАДОС, 2004. 319 с.
26. *Цыганков Б.Д., Тюнева А.И., Былим А.И.* Психические расстройства у жертв насилия и их медико-психологическая коррекция. М.: Медицина, 2006. 174 с.
27. *Amstadter A., Vernon L.* Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2008. Vol. 16 (4). P. 391–408.
28. *Burgess A.W., Holmstrom L.L.* Rape trauma syndrome // *American Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 131. P. 981–986.
29. *Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B.* Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent // *Child Abuse and Neglect*. 1996. Vol. 20. P. 1219–1231.
30. *Cuevas C., Finkelhor D. Clifford C., Ormrod R., Turner H.* Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Childs Abuse and Neglect*. 2010. Vol. 34 (4). P. 235–243.
31. *Daignault I., Herbert M.* Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102–115.
32. *Fergusson D.M., Mullen P.E.* Child sexual abuse: An evidence-based perspective. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
33. *Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D.F., Spitz A.M., Edwards V., et al.* Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American Journal of Preventive Medicine*. 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
34. *Finkelhor D.* Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology*. 1990. Vol. 21. P. 325–330.
35. *Finkelhor D.* Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // *Contemporary Sociology*. 1985. Vol. 14, № 6. P.712–713.
36. *Holmes W., Slap G.* Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management // *Journal of the American Medical Association*. 1998. Vol. 280. P.1855–1862.
37. *Malhatra S.* Behavioral and psychological assessment of child sexual abuse in clinical practice // *International journal of behavioral consultation and therapy*. 2006. Vol. 1 (2) .P. 17–28.
38. *Meyerson L.A., Long L.A., Miranda R., Marx B.P.* The influence of childhood sexual abuse, physical abuse, family environment, and gender on the psychological adjustment of adolescents // *Child Abuse and Neglect*. 2002. Vol. 26. P. 387–405.
39. *Mullen Paul E.* Long-term Effects of Child Sexual Abuse. (<http://www.aets.org/article176.htm>)
40. *Ray K.C., Jackson J.L., Townsley R.M.* Family environments of victims of intrafamilial and

Нуцкова Е.В. Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков. *Психология и право psyandlaw.ru* 2016. Том 6. №3. С. 104-121.

Nutskova E.V. The structure of the psychological consequences of sexual violence and abuse against children and adolescents. *Psychology and law psyandlaw.ru* Vol. 6. no.3. pp. 104-121.

extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365–374.

41. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7. P. 133–146.

The structure of the psychological consequences of sexual violence and abuse against children and adolescents

Nutskova E.V., *Research Associate, V.P. Serbsky Federal Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (nutskova@gmail.com)*

The results of the joint psychiatric-psychological examination of 175 victims of child sexual abuse (CSA) are presented. A complex of methods and techniques was used, including semi-structured interview for detection of posttraumatic stress in children, inventories for quality of life and maladjustment assessment, a battery of methods applied in the forensic psychiatric-psychological expertise, statistical methods. In the framework of the clinical and psychological (non-clinical) levels psychological consequences of CSA in accordance with the psychic state of victims were revealed. 4 groups of consequences with different intensity are described: psychogenic state in form of disorder (1) and psychogenic state in form of reaction (2) (clinical level); unfavorable psychological state (3) and minimally unfavorable state (4) (psychological level). It was stated that the more severe is the victim's psychic disturbance, from minimally unfavorable to psychic disorder, the broader is the range of psychological, personality spheres involved the bigger is the number and the intensity of symptoms of posttraumatic reactions. Psychological consequences displayed by mentally healthy victims of CSA indicate, though, their quality of life impairment.

Keywords: child abuse; child sexual abuse (CSA); victims of child sexual abuse; psychological consequences of child sexual abuse.

References

1. Aleksandrovskii Yu.A. Sostoyaniya psikhicheskoi dezadaptatsii i ikh kompensatsiya [The state of mental dysadaptation and their compensation]. Moscow: Publ. Nauka, 1976. 272p.
2. Badmaeva V.D. Posledstviya seksual'nogo nasiliya u detei i podrostkov [The consequences of sexual violence in children and adolescents]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2009. № 12. pp. 34-37. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Badmaeva V.D., Kamenskov M.Yu., Dozortseva E.G. Psikhicheskie rasstroistva u nesovershennoletnikh uchastnikov totalitarno-destruktivnoi sekty [Mental disorders in juvenile participants ' totalitarian destructive sects] // Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian journal of psychiatry]. 2014. № 5. pp. 60-67.
4. Voronova E.L., Shipshin S.S. Deti – zhertvy seksual'nogo nasiliya. Pravovye i psikhologicheskie aspekty [Child victims of sexual violence. Legal and psychological aspects]. Metodicheskie rekomendatsii. Rostov-na-Donu, 2000. 58p.

5. Gur'eva V.A., Morozova N.B. Ostrye affektivnye reaktsii u nesovershennoletnikh s psikhogennym razvitiem lichnosti (klinika, diagnostika, sudebno-psikhiatricheskaya otsenka) [Acute affective responses in juveniles with psychogenic personality development (clinic, diagnostics, forensic-psychiatric evaluation)]. Metodicheskie rekomendatsii. Moscow, 1990. 16p.
6. Dvoryanchikov N.V. Osobennosti polovogo samosoznaniya u nesovershennoletnikh, poterpevshikh nasil'stvennye seksual'nye deistviya. Pomoshch' detyam i podrostkam, postradavshim ot zhestokogo obrashcheniya i kommercheskoi seksual'noi deyatel'nosti [Features of the sexual identity of minors, victims of violent sexual acts. Helping children and adolescents, victims of abuse and commercial sexual activity]. Metodicheskoe posobie [Methodical manual] In Lukovtseva Z.V. (ed.). Moscow: Publ. ETIPAK, 2005. pp.130-134.
7. Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V., Pimonov V.A., Bovina I.B. Informatsionnaya bezopasnost' detei i podrostkov: yuridicheskie i psikhologicheskie aspekty problemy [Information security of children: legal and psychological aspects of the problem] // *Yuridicheskaya psikhologiya [Juridical psychology]*. 2016. no. 1. pp. 31-35.
8. Dvoryanchikov N.V., Gutnik A.D. Social perception of sexual violence against children [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2012. no. 2 (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Dozortseva E.G. Psikhologicheskaya travma u podrostkov s problemami v povedenii. Diagnostika i korrektsiya [Psychological trauma in adolescents with behavior problems. Diagnosis and correction]. Moscow: Publ. «Genezis», 2007. 128 p.
10. Dozortseva E.G. Psikhicheskaya travma i sotsial'noe funktsionirovanie devochek-podrostkov s delinkventnym povedeniem [Mental trauma and the social functioning of adolescents with delinquent behavior] // *Rossiiskii psikhiatricheskikh zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 2006. no. 4. pp.12-16.
11. Kachaeva M.M., Dozortseva E.G., Kachnova N.A., Rusina V.V. Osobennosti psikhicheskikh rasstroistv i psikhologicheskikh problem u osuzhdennykh devochek-podrostkov, perenesshikh nasilie i sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya [Features of mental disorders and psychological problems in convicted adolescent girls who have suffered violence and have committed aggressive offenses] // *Sudebnaya psikhiatriya. Penitentsiarnaya psikhiatriya i psikhologiya [Forensic psychiatry. Penitentiary psychiatry and psychology]*. In Dmitrieva T.B. (ed.) Moscow: Publ. FGU «GNT SSP Roszdrava», 2009. no.6. pp.123-137.
12. Kekelidze Z.I., Portnova A.A. Kriterii diagnostiki posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva [Criteria for the diagnosis of post-traumatic stress disorder]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]*. 2009. no 12. pp. 4-7. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Klevno V.A., Tkachenko A.A. Ekspertiza vreda zdorov'yu [Examination of the injury]. Moscow: Publ. Norma Infra-M, 2013. 176 p.

14. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G. i dr. Proizvodstvo ambulatornykh sudebno-psikhiatricheskikh ekspertiz nesovershennoletnikh (obvinyaemykh i poterpevshikh) v ugovnom protsesse [The production of outpatient forensic psychiatric examinations to minors (defendants and victims) in the criminal process]. *Metodicheskie rekomendatsii* [Methodical manual]. Moscow, 2013. pp.3-14.
15. Morozova N.B. Psikhicheskie rasstroistva u nesovershennoletnikh – zhertv seksual'nogo nasiliya (klinika, vozrastnye osobennosti, sudebno-psikhiatricheskoe znachenie). Diss. ...doktor. med. Nauk [Mental disorders in minors – victims of sexual violence (the clinic, age particularities, judicial-psychiatric value) Dr. Sci. (Medicine) diss.]. Moscow, 1999. 339 p.
16. Morozova M.V. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza sposobnosti maloletnikh i nesovershennoletnikh davat' pokazaniya (Psikhol. aspekt). Diss. ...kand. psikhol. nauk. [Complex judicial psikhologo-psychiatric examination of minors and minors ' ability to testify (the Course of studies. aspect) Ph.D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1995. 205 p.
17. Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa. Chast' 1. Teoriya i metody. Prakticheskoe rukovodstvo [Psychology post-traumatic stress disorder. Part 1. Theory and methods. A practical guide]. In Tarabrina N.V. (ed.) Moscow: Publ. Kogito-Tsentr, 2007. 208 p.
18. Rybnikov V.Yu., Parfenov Yu.A. Psikhologicheskii status lichnosti podrostkov, podvergshikhsya zhestokomu obrashcheniyu v sem'e [The psychological status of the personality of adolescents who have been abused in the family] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. 2012. no. 6 (121). pp. 148-151.
19. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2001. 272 p.
20. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya [Forensic sexology]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy, 2014. 648 p.
21. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Dogadina M.A. Ontogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya sposobnosti k vospriyatiyu gendernykh kachestv u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Ontogenetic mechanisms of formation of ability to perceive the gender of young victims of sexual violence] *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 1999. no. 2. pp. 13-18. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu. Psikhicheskie rasstroistva u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Mental disorders among juvenile victims of sexual violence]. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental health]. 2014. no.11. pp. 33-38. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Tkachenko A.A., Yakovleva E.Yu. Metodologicheskie printsipy sudebno-ekspertnoi otsenki stepeni tyazhesti vreda zdorov'yu v vide psikhicheskogo rasstroistva [Methodological principles of forensic assessment severity of harm to health in the form of a mental disorder]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 2008. no.4. pp.15-20. (In Russ., abstr. in Engl.).

24. Trubitsina L.V. Protsess travmy [The injury process]. Moscow: Publ. Smysl, 2005. 218 p.
25. Furmanov I.A., Furmanova N.V. Psikhologiya deprivirovannogo rebenka [Psychology depriving child]. Moscow: Publ. VLADOS, 2004. 319 p.
26. Tsygankov B.D., Tyuneva A.I., Bylim A.I. Psikhicheskie rasstroistva u zhertv nasiliya i ikh mediko-psikhologicheskaya korrektsiya [Mental disorders in victims of violence and their medical and psychological correction]. Moscow: Publ. Meditsina, 2006. 174 p.
27. Amstadter A., Vernon L. Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2008. Vol. 16 (4). P. 391-408
28. Burgess A.W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome // *American Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 131. P.981-986.
29. Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B. Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent // *Child Abuse and Neglect*. 1996. Vol. 20. P. 1219-1231.
30. Cuevas C., Finkelhor D. Clifford C., Ormrod R. and Turner H. Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Childs Abuse and Neglect*. 2010. Vol.34 (4). P. 235-243
31. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102-115.
32. Fergusson D.M., Mullen P.E. *Child sexual abuse: An evidence-based perspective*. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
33. Felitti, V. J., Anda, R. F., Nordenberg, D., Williamson, D. F., Spitz, A. M., Edwards, V., et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American Journal of Preventive Medicine*. 1998. Vol.14(4). P. 245–258.
34. Finkelhor D. Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology*. 1990. Vol. 21. P. 325-330.
35. Finkelhor D. Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // *Contemporary Sociology*.1985. Vol. 14, № 6. P.712-713.
36. Holmes W., Slap G. Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management // *Journal of the American Medical Association*.1998. Vol. 280. P.1855-1862.
37. Malhatra S. Behavioral and psychological assessment of child sexual abuse in clinical practice // *International journal of behavioral consultation and therapy*. 2006. Vol.1 (2) .P.17-28

38. Meyerson L.A., Long L.A., Miranda R. and Marx B.P. The influence of childhood sexual abuse, physical abuse, family environment, and gender on the psychological adjustment of adolescents // *Child Abuse and Neglect*. 2002. Vol. 26. P. 387-405.
39. Mullen Paul E. Long-term Effects of Child Sexual Abuse. (<http://www.aets.org/article176.htm>)
40. Ray K.C., Jackson J.L. and Townsley R.M.. Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365-374.
41. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7. P. 133-146.

Декриминализация статей Уголовного кодекса и формирование «нормы возмездия» у школьников

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Бодрова О.К., младший научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (olgabodr@gmail.com)

Докучаева Н.В., студент магистратуры факультета юридической психологии ГОУ ВО МГППУ (natalya.dokuchaeva@gmail.com)

В свете предстоящей декриминализации преступлений небольшой тяжести в статье обсуждается проблема формирования «нормы возмездия» как одного из компонентов правосознания. Проведено исследование эксплицитных представлений учащихся 5-го и 10-го классов и взрослых о сроках наказания за преступления различной степени тяжести. У школьников исследованы также имплицитные представления. У всех групп обследованных представления о необходимых сроках наказания за преступления не совпадают с нормами уголовного законодательства, их представления о «норме возмездия» предполагают более суровое наказание практически за все виды преступлений, особенно небольшой тяжести. В то же время взрослые и школьники адекватно понимают иерархию тяжести преступлений. Разрыв между эксплицитными и имплицитными представлениями о «норме возмездия» за преступления отмечается только у младших подростков. У взрослых, по сравнению с несовершеннолетними, существует более выраженная поляризация и дифференциация представлений о необходимых мерах наказания за преступления. Делается вывод, что в процессе образования уделяется мало внимания формированию адекватного оценочного отношения к праву у учащихся.

Ключевые слова: правосознание, норма возмездия, декриминализация, справедливость наказания.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Бодрова О.К., Докучаева Н.В. Декриминализация статей Уголовного кодекса и формирование «нормы возмездия» у школьников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 122-141. doi: 10.17759/psylaw.2016060310

For citation:

Safuanov F.S., Bodrova O.k., Dokuchaeva N.V. Decriminalization of articles of the Criminal code and the formation of "norms of revenge" in schoolchildren. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.122-141. doi: 10.17759/psylaw.2016060310

Постановка проблемы

На момент написания данной статьи в Государственной Думе РФ принят в первом чтении проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [7; 8]. Законопроект, направленный на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, предусматривает, в частности, декриминализацию следующих деяний, относящихся в настоящее время к преступлениям небольшой тяжести:

1) побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ (часть первая статьи 116 УК РФ), если такое деяние совершено однократно (пункт 3 статьи 1 законопроекта);

2) угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (часть первая статьи 119 УК РФ), если такое деяние совершено однократно (пункт 5 статьи 1 законопроекта);

3) злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (части первая и вторая статьи 157 УК РФ) (пункт 7 статьи 1 законопроекта);

4) использование заведомо подложного документа (часть третья статьи 327 УК РФ), за исключением заведомо подложного официального документа (пункт 10 статьи 1 законопроекта).

За данные декриминализованные деяния предлагается установить не уголовную, а административную ответственность. При этом если лицо, уже подвергнутое административному наказанию за побои или угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершит аналогичные действия еще раз, то оно будет нести уголовную ответственность.

Необходимость изменений уголовного законодательства обосновывается тем обстоятельством, что с 2002 г. наметилась устойчивая тенденция роста удельного веса лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (с 15–19% от общего числа осужденных в 1997–2001 г. до 46% – в 2013–2014 г.). При этом, удельный вес лиц,

осужденных за указанные в проекте закона преступления, составляет около 40% от числа осужденных за все преступления небольшой тяжести по основной квалификации.

Кроме того, декриминализация указанных статей Уголовного кодекса обусловлена целым рядом факторов.

1. Авторы законопроекта считают, что нередко деяния, квалифицируемые сегодня как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности.

2. Негативные последствия от судимости в таких случаях (причем не только для самого осужденного, но и для его близких родственников) не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного.

3. Можно ожидать положительные изменения в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость.

4. Указываются и организационные причины, препятствующие эффективной борьбе с преступностью: органы предварительного расследования смогут сосредоточить свои кадровые, технические и иные ресурсы на расследовании опасных преступлений.

В целом, предлагаемые изменения законодательства соотносятся, по мнению его разработчиков, с принципами справедливости, соразмерности и неотвратимости наказания.

Вместе с тем процесс декриминализации статей Уголовного кодекса, квалифицирующих преступления небольшой тяжести, тесно связан с проблемами такого раздела юридической психологии, как правовая психология. Право является регулятором общественных отношений, в том числе и правомерного поведения. При регуляции правопослушного или, напротив, девиантного поведения усвоенные нормы права и отношение к ним выступают в форме обыденного правосознания человека, одним из основных компонентов которого является представление о справедливости, «норме взаимности».

«Норма взаимности» является достаточно универсальным принципом социального взаимодействия [18]. Норма взаимности как интериоризированный стандарт поведения является субъективным регулятором и альтруистического («возлюби ближнего как самого себя»), и противоправного поведения («око за око»). По шкале Л. Колберга [19] следование данному принципу отражает довольно позднюю стадию развития морального суждения.

Следует, конечно, иметь в виду, что при регуляции девиантного и делинквентного поведения применение нормы взаимности, которая выступает в форме «нормы возмездия», не следует понимать буквально, в духе принципа *lex talionis*. Даже обычай «кровной мести» не требует в ответ на убийство обязательного убийства виновного – его может заменить эквивалентный «выкуп» (например, «вира» у древних славян) или переход убийцы в клан пострадавшей стороны. Для развитого государственного права характерны более высокие и гуманные формы уравнивающей справедливости с широким спектром форм (от штрафа до смертной казни), видов наказания (реальное или условное осуждение), смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств. Здесь важно подчеркнуть, что, в отличие от внешних, провозглашаемых от имени государства, принципов справедливости и соразмерности, «норма возмездия» является регулятором правомерного или противоправного поведения

как бы «изнутри», с позиций самого человека. Практически каждый человек, даже на неосознаваемом уровне, имеет представления о «санкциях», которым может быть подвергнут за свой поступок: от морального осуждения близких или окружающих до уголовного наказания за совершение преступления.

«Норма взаимности» и «норма возмездия» (в терминах разных авторов – «ретрибутивная (воздающая) справедливость», «справедливость наказания», «дистрибутивная (распределительная) справедливость»), являясь важными компонентами морального сознания, наибольшую роль играют в структуре регуляции поведения правосознанием. При этом отмечается, что справедливость наказания для людей является более важной, чем справедливость вознаграждения за благое дело [1]. «Норма возмездия» выполняет важную предупредительную функцию: известно, что слишком суровое наказание за незначительный проступок, равно как и слишком легкое наказание на серьезное правонарушение, не способствуют воздержанию от таких деяний, это достигается только при соразмерности преступления и наказания.

Правосознание (общественное, групповое, индивидуальное), по мнению А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой [13], отражает правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. С точки зрения А.Б. Венгерова [2], правосознание представляет собой объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп индивидов к праву. Оно является каналом воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений. В то же время правосознание определяет оценку права, существующую в обществе, выражающую критику действующего права и формирующую определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющую, что считать правомерным, а что противоправным. И.А. Егоров [5] выделяет следующие компоненты правосознания: юридические знания, оценочное отношение к праву в целом, отношение к правовой действительности и практике реализации правовых норм, ценностные ориентации как регуляторы поведения, свобода правомерного поведения. Так или иначе, представления большинства авторов о структуре правосознания сводятся к выделению когнитивного (знание о праве), эмоционально-смыслового (оценочное отношение к нормам права и правоприменению) и поведенческого (регуляция правомерного и противоправного поведения) аспектов.

В контексте проблемы регуляции поведения правосознанием наибольший интерес вызывает вопрос: насколько предлагаемые изменения уголовного законодательства в сторону декриминализации отдельных преступлений небольшой тяжести будут соответствовать субъективным оценочным представлениям людей о нормах права, их отношению к практике реализации правовых норм, и, соответственно, будет ли эмоционально-смысловой аспект правосознания являться подлинным регулятором правомерного поведения? Отвечают ли существующие в Уголовном кодексе виды наказания за совершенные преступления, их нижние и верхние пределы, предлагаемые изменения по декриминализации отдельных правонарушений представлениям о «норме возмездия» как неотъемлемом компоненте правосознания?

М.Б. Смоленский приводит данные о том, что «...проводимые исследования показывают, что примерно три четверти взрослого населения России не ориентируются в

нормах законодательства, знание которых диктуется повседневными жизненными потребностями» [15]. Существует множество исследований, в которых доказывается, что незнание законов коррелирует с вероятностью девиантного и делинквентного поведения. В то же время показано, что высокий уровень юридических знаний не гарантирует следования правовым нормам [6]. Исходя из этих данных, представляется, что отношение к праву играет значительно большую роль в регуляции поведения, нежели простое знание закона.

Как формируется отношение к правовой действительности, в частности, представление о справедливой «норме возмездия» за совершенные преступления? Согласно мнению ряда исследователей, ключевым в становлении правосознания является подростковый возраст. А.Р. Ратинов указывает, что, несмотря на недостаточную развитость правового сознания, у подростков образуется более или менее стойкая внутренняя ценностно-нормативная модель («правовая концепция») личности [12]. Основой формирования правосознания является становление морального сознания. Моральная социализация, согласно моделям Ж. Пиаже, Л. Колберга, Дж. Таппа и Ф. Левина, начинается именно в детском возрасте. О.А. Гулевич отмечает, что эмпирические исследования, основанием которых были данные модели, подтвердили, что уровень правового развития человека изменяется с возрастом: уменьшается не критичное принятие буквы закона и увеличивается степень осознанного его принятия как общепринятой нормы, регулирующей общественную жизнедеятельность [3]. Формирование правосознания предполагает наличие определенных качеств личности (рефлексия, волевой контроль, коммуникативная активность, ответственность). Именно эти психические процессы и свойства являются новообразованиями в подростковом и юношеском возрасте. У подростка появляется потребность понимания окружающего мира и своего места в нем, вырабатывается осмысленное отношение к существующим общественным нормам, ценностям [9]. З.Н. Каландаришвили различает первичную социализацию (возрастной этап до 14 лет) и вторичную (молодежный возраст), которая сопровождается формированием целостности личности с коррекцией внешнего правового поведения при усвоении той или иной социальной правовой роли в обществе [10]. Зрелое правосознание, согласно М.С. Строговичу [16], представляет собой совокупность правовых воззрений людей, в частности, «относительно справедливости или несправедливости тех или иных законов». Как указывалось выше, оценка справедливости или несправедливости норм уголовного законодательства, определяющих назначение наказания виновным в совершении преступления, преломляется в индивидуальном правосознании в виде представления о «норме возмездия», которое формируется в подростковом возрасте.

О.А. Гулевич выделяет две формы функционирования представления о справедливости нормы возмездия, в терминологии автора – «воздаяния по заслугам», – эксплицитное и имплицитное. Эксплицитное, хорошо осознаваемое понимание справедливости выявляется через прямой опрос, шкалирование и т. п. Имплицитное, неосознаваемое, плохо контролируемое понимание поддается измерению только через косвенные (психосемантические или проективные) методы исследования. В ситуациях, когда невозможно провести серьезный анализ информации, имплицитные представления имеют большее значение для оценки тех или иных явлений и играют большую роль в регуляции поведения, чем эксплицитные [4].

Программа исследования

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе, еще до внесения в Государственную Думу вышеупомянутого проекта Федерального закона, нас интересовало формирование представлений у школьников о необходимом наказании за преступления различной тяжести. С целью выявления эксплицитного и имплицитного представлений о нормах уголовного права у младших и старших школьников было обследовано 25 учащихся (13 мальчиков и 12 девочек) 5-го и 25 (13 мальчиков и 12 девочек) – 10-го гимназических классов средней образовательной школы.

При исследовании эксплицитных представлений учащиеся отвечали на 21 вопрос анкеты в соответствии с инструкцией: «Ниже представлен список противоправных действий. Подумайте и отметьте в соответствующей графе – шкале, какой срок лишения свободы, по вашему мнению, нужно назначить человеку, совершившему этот вид преступления».

При изучении имплицитных представлений анкета была сокращена до 10 видов преступлений. Применялся вариант методики «Цветовой тест отношений» А. Эткинды: учащиеся должны были подобрать к каждому виду преступлений один из восьми цветов теста Люшера, затем проранжировать цвета от самого приятного к самому неприятному.

На втором этапе изучались представления взрослых о нормах уголовного права, регулирующих наказание за совершенные преступления. Им давалась более усложненная инструкция: «Ниже представлен список противоправных действий. Подумайте, не заглядывая в Уголовный кодекс¹, и отметьте в графе, какой срок лишения свободы, по вашему мнению, нужно назначить человеку, совершившему этот вид преступления. Укажите срок лишения свободы в годах, месяцах, днях или часах. Допускаются "пожизненное" и "без лишения свободы"». Список преступлений был дополнен до 25, в него были включены те деяния (побои и т. д.), которые предлагается декриминализировать в обсуждаемом законопроекте. В исследовании приняли участие 52 респондента (24 мужчины и 28 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет (среднее – 31 год), из них с высшим образованием – 35 чел., с незаконченным высшим – 6, со средним – 11.

Результаты

Оценка различий между данными об эксплицитных представлениях о сроках наказания за отдельные преступления учащихся 5-го и 10-го классов и средними значениями сроков наказания, определенными УК РФ, проводилась по критерию Манна-Уитни (табл. 1).

При сравнении ответов учащихся 5-го и 10-го классов $U_{\text{эмп}} = 209,5$. Это значение больше $U_{\text{кр}} = 154$ ($p \leq 0,05$) и 127 ($p \leq 0,01$): значимых различий не обнаруживается. Эксплицитные представления учащихся разных возрастных групп практически не отличаются.

¹ Исследование проводилось дистанционно с помощью интернет-сервиса «Google Формы».

Сравнение же ответов учащихся, как 5-го, так и 10-го классов, с нормами уголовного законодательства показывает иную картину.

При сопоставлении данных пятиклассников с нормами УК РФ $U_{\text{эмп}} = 81$, что меньше $U_{\text{кр}}$. Сравнение ответов десятиклассников с уголовно-правовыми нормами дает аналогичный результат ($U_{\text{эмп}} = 82,5$). Нулевая гипотеза о соответствии представлений учащихся о сроках наказания законодательно определенным нормам отвергается. Напротив, эти представления имеют существенные отличия: как видно из табл. 1, в основном переоцениваются сроки наказания за преступления меньшей тяжести (загрязнение окружающей среды, нарушения требований сохранения памятников и т. п.). Кроме того, у школьников совершенно не сформированы представления о «привилегированных составах преступления», т. е. о составах преступлений со смягчающими обстоятельствами (убийство, совершенное в состоянии аффекта, убийство по неосторожности и т. п.), они часто не отличают такие общественно опасные деяния от «простого» убийства и предполагают, что за них необходимо выносить довольно суровое наказание.

Таблица 1

Представления учащихся и взрослых о сроках наказания за преступления

Виды преступлений	5 класс	10 класс	Взрослые	УК РФ	УК РФ
	Среднее значение (в годах)				Диапазон в годах
1. Незаконная рубка лесных насаждений	2,72	2,12	2,33	1	0-2
2. Хулиганство	1,88	2,08	1,17	2,5	0-5
3. Загрязнение вод, атмосферы, морской среды	4,72	4	3,24	0,125	0-0,25
4. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	7,4	8,28	8,95	4	0-8
5. Убийство	13,16	13,52	15,97	10,5	6-15
6. Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)	7,76	6,16	2,18	1	0-2

7. Причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны	6,2	5,16	1,57	0,5	0-1
8. Неоказание помощи больному	2,92	4,08	4,23	0,165	0-0,33
9. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны	8,8	5,4	3,1	1	0-2
10. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности	3,36	3,44	2,77	0,25	0-0,5
11. Незаконное лишение свободы	8,72	7,84	6,15	1	0-2
12. Убийство, совершенное в состоянии аффекта	8,12	6,8	4,59	1,5	0-3
13. Торговля людьми	11,76	10,44	14,5	3	0-6
14. Убийство на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести	11,36	11,84	14,72	14	8-20
15. Террористический акт	13,08	14,36	18,38	11,5	8-15
16. Оставление в опасности	4,64	6,2	2,91	0,5	0-1
17. Нарушение правил пожарной безопасности	3,28	3,52	1,66	1,5	0-3
18. Кража	5,56	5,24	3,2	1	0-2
19. Убийство матерью новорожденного ребенка	11,92	9,36	10,65	2,5	0-5
20. Жестокое обращение с животными	8,56	7,68	5	0,25	0-0,5
21. Убийство двух или более	14,56	14,52	18,36	14	8-20

лиц					
22. Побои			3,39	0,125	0-0,25
23. Угроза убийством...			3,07	1	0-2
24. Злостное уклонение...			2,05	0,5	0-1
25. Использование заведомо подложного...			1,71	0,25	0-0,5

Примечание. При ответе взрослых «пожизненное заключение» принималось значение 20 лет – максимальный срок наказания за отдельное преступление по УК РФ.

Однако при этом, как показывают расчеты по ранговой корреляции Спирмена, учащиеся как 5-го, так и 10-го классов, адекватно представляют иерархию тяжести преступлений: ранговая корреляция (r_s) между двумя групповыми иерархиями составляет для показателей пятиклассников и десятиклассников 0,933, пятиклассников и норм УК РФ – 0,608, десятиклассников и норм УК РФ – 0,670. Все значения больше $r_{s\text{ кр}} = 0,56$ ($p < 0,01$).

При сравнении имплицитных и эксплицитных представлений школьников о наказании за преступления (табл. 2) выясняется, что если у старших школьников они практически совпадают ($r_{s\text{ эмп}} = 0,912$), то у учащихся 5-го класса они значительно расходятся (ранговая корреляция $r_{s\text{ эмп}} = 0,58$ при $r_{s\text{ кр}} = 0,79$, $p < 0,01$).

Таблица 2

Данные ЦТО у учащихся 5-го и 10-го классов

Виды преступлений	5-й класс		10-й класс	
	Среднее по анкете	Средний ранг по ЦТО	Среднее по анкете	Средний ранг по ЦТО
1. Незаконная рубка лесных насаждений	2,12	1,6	2,72	2,1
2. Убийство, совершенное в состоянии аффекта	6,8	3,12	8,12	2,16
3. Торговля людьми	10,44	3,32	11,76	1,9

4. Убийство на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести	11,84	3,8	11,36	2,6
5. Террористический акт	14,36	4,4	13,08	2,64
6. Убийство двух или более лиц	14,52	4,25	14,56	2,62
7. Жесткое обращение с животными	7,68	2,92	8,56	2,3
8. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны	5,4	2,96	8,8	1,8
9. Неоказание помощи больному	4,08	3,36	2,92	2,14
10. Убийство	13,52	4,32	13,16	2,52

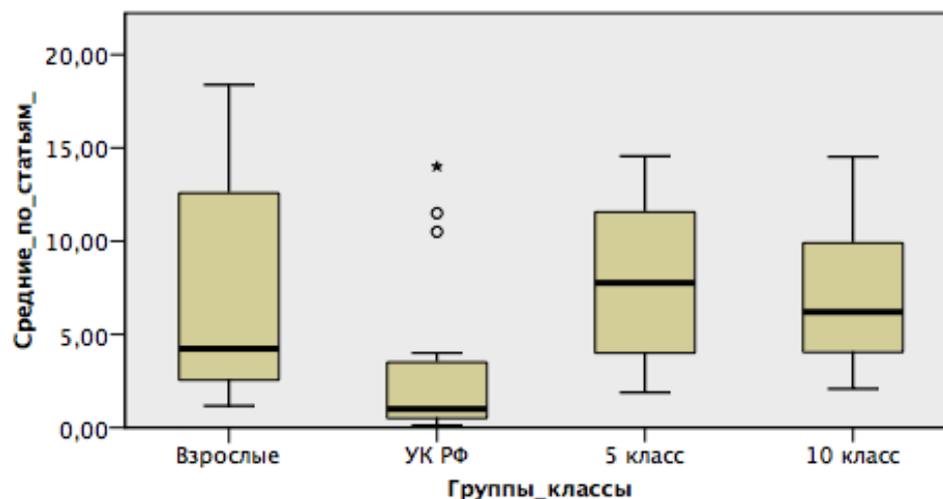
Полученные данные позволяют предположить, что по мере взросления у подростков происходит своеобразная интериоризация эксплицитных представлений о мерах наказания за преступления: они превращаются в глубинные неосознаваемые убеждения, хотя первоначально и отличались от имплицитных представлений о «норме возмездия».

Сравнение представлений взрослых о наказании за преступления и норм уголовного законодательства показывает, что отмеченные у несовершеннолетних закономерности в целом сохраняются. У совершеннолетних обнаруживаются адекватные воззрения на иерархию тяжести правонарушений: между их ответами и нормами УК РФ $r_{S \text{ эмп}} = 0,514$ ($p < 0,01$), данными учащихся 5-го класса $r_{S \text{ эмп}} = 0,823$ ($p < 0,01$), 10-го класса $r_{S \text{ эмп}} = 0,903$ ($p < 0,01$).

Так же, как и у школьников, у взрослых представления о должных сроках наказания за преступления не совпадают с нормами законодательства: $U_{\text{эмп}} = 118 < U_{\text{кр}} = 192$ ($p \leq 0,01$). При этом они вполне соответствуют представлениям школьников: при сравнении с данными пятиклассников $U_{\text{эмп}} = 267$, десятиклассников – $U_{\text{эмп}} = 264$.

Этот вывод подтверждается и результатами оценки различий между данными групп школьников, взрослых и нормами УК РФ по Н-критерию Краскала–Уоллиса (рис. 1).

Критерий Краскала–Уоллиса для независимых выборок

Всего N	84
Статистика критерия	18,753
Степени свободы	3
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

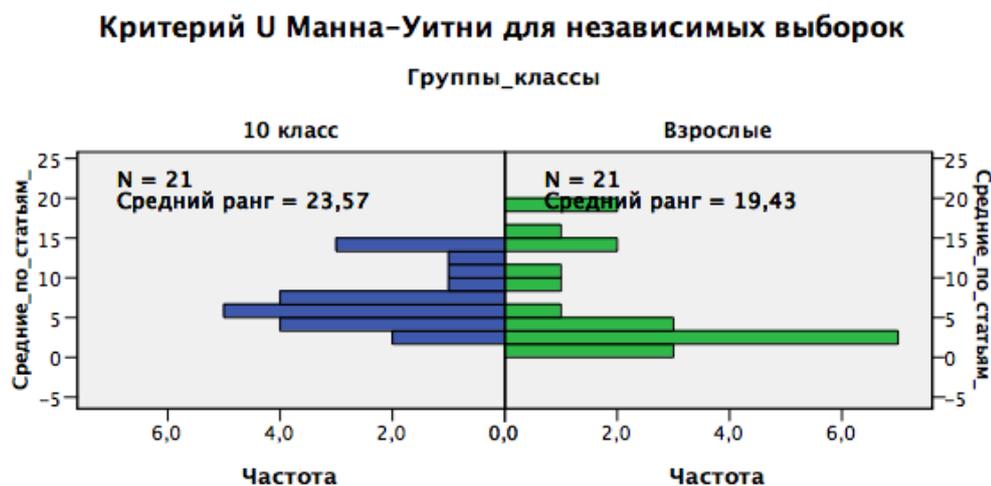
1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

Рис.1. Различия между исследованными группами по Н-критерию Краскала-Уоллиса

Между представлениями о необходимых сроках наказания за преступления у взрослых, пятиклассников и десятиклассников существуют лишь случайные различия, в то же время между данными в этих выборках и реальными сроками лишения свободы по уголовному законодательству различия неслучайны и статистически значимы.

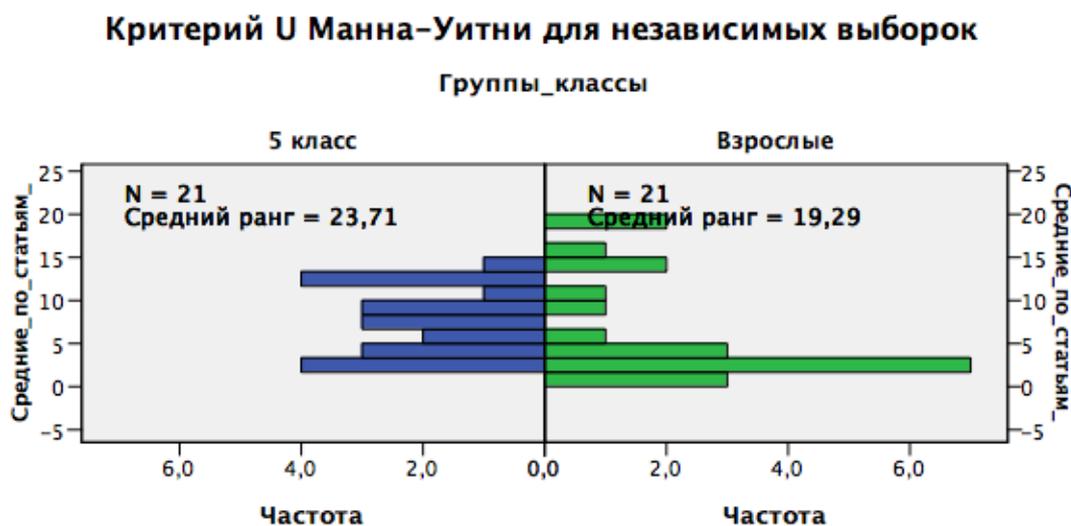
В то же время анализ результатов оценок взрослых и школьников по критериям Манна–Уитни и Краскала–Уоллиса показывает и различия в структуре их эксплицитных представлений о наказании. У взрослых, по сравнению с несовершеннолетними, существует более выраженная поляризация оценок (рис. 2, 3). Они, в отличие от школьников, считают, что за менее тяжкие преступления необходимо давать меньшие сроки лишения свободы и, напротив, за особо тяжкие – бóльшие, хорошо различают основные и привилегированные составы преступлений. Их представления о сроках наказания за преступления в целом более приближены к реальным. Однако при этом, как в отношении менее тяжких преступлений, так и в отношении преступлений со смягчающими обстоятельствами, взрослые считают необходимым лишать преступников свободы на более длительные сроки, чем это

предусмотрено УК РФ (рис. 1). Это касается и тех статей УК РФ, которые, согласно проекту Федерального закона, предлагается декриминализировать (табл. 1).

Всего N	42
U Манна-Уитни	264,000
W Вилкоксона	495,000
Статистика критерия	264,000
Стандартная ошибка	39,752
Стандартизованная статистика критерия	1,094
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,274

Рис.2. Различия между данными взрослых и десятиклассников по критерию Манна-Уитни

Всего N	42
U Манна-Уитни	267,000
W Вилкоксона	498,000
Статистика критерия	267,000
Стандартная ошибка	39,752
Стандартизованная статистика критерия	1,170
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,242

Рис.3. Различия между данными взрослых и пятиклассников по критерию Манна-Уитни

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что представления о справедливости наказания в обыденном правосознании не совсем совпадают с принципом справедливости, сформулированным в ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». В целом, уголовно-правовой принцип справедливости является вариантом универсальной «нормы возмездия»: суд должен определить соответствие между преступлением и наказанием с учетом

процессуальных норм, смягчающих и отягчающих обстоятельств, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

И у взрослых, и у подростков представления о справедливости наказания совпадают с уголовно-правовыми нормами только в понимании иерархии тяжести преступлений. Следует отметить, что такая иерархия достаточно прочно сформирована уже к младшему подростковому возрасту: учащиеся 5-го класса способны дифференцировать тяжкие и менее тяжкие правонарушения.

В то же время в субъективном правосознании, по данным нашего исследования, независимо от возрастной группы, выявляется четкая закономерность: представления о «норме возмездия» предполагают более суровое наказание практически по всем видам преступлений. Особенно это касается преступлений небольшой тяжести, а у школьников еще и преступлений со смягчающими обстоятельствами.

По преступлениям, которые законодательно предлагается вывести из сферы действия уголовного закона и установить за них только административную ответственность (побои, угроза убийством, уклонение от уплаты алиментов, использование заведомо подложного документа), в правосознании взрослых также существуют представления о том, что они заслуживают более длительных сроков лишения свободы, даже по сравнению с существующими. Наиболее наказуемы и заслуживают лишения свободы на срок свыше трех лет, по мнению респондентов, побои и угроза убийством.

По данным исследования, выявляются и некоторые закономерности формирования представлений о «норме возмездия». У 5-классников выявляются достаточно сформированные эксплицитные представления о степени тяжести уголовно наказуемых деяний. В то же время практически по всем видам преступлений они переоценивают необходимые, по их мнению, сроки лишения свободы. Во-первых, сильно переоценивается необходимость сурового наказания за «экологические» (рубка лесных насаждений, загрязнение окружающей среды, повреждение памятников культуры) преступления. Во-вторых, не различаются «пассивные» (неоказание помощи, оставление в опасности) и «активные» формы нарушения закона. В-третьих, деяния, связанные с убийством, в их правосознании выступают как «синкретичные» образования: им трудно учитывать при оценке правонарушений субъективные (аффект, неосторожность) и ситуативные (необходимая оборона) факторы. Насильственные манипуляции с живыми существами (торговля людьми, незаконное лишение свободы, жестокое обращение с животными) практически приравниваются по степени опасности к убийству. В-четвертых, видно влияние на их оценки эмоционального компонента восприятия проступков: так, хулиганство воспринимается как нечто обыденное, а кража – как безусловно порицаемое.

Одновременно с этим у младших подростков отмечается разрыв между эксплицитными и имплицитными представлениями о «норме возмездия» за совершенные преступления. На неосознаваемом уровне пятиклассники более четко определяют как менее значительные преступления, обозначенные в уголовном законодательстве как «менее тяжкие» – убийство с превышением пределов необходимой обороны, рубка лесных насаждений, торговля людьми, неоказание помощи больному. Иными словами, в отличие от довольно узкого диапазона эксплицитных представлений о мерах наказания за совершенные преступления, сдвинутого к максимальным срокам лишения свободы, размах имплицитных оценок более широк и сами оценки более дифференцированы. Эти данные

могут быть объяснены результатами исследования представлений о справедливости наказания у подростков, проведенного Б.С. Алишевым, О.А. Аникеенко, А.Р. Галлямовой [1]: они выявили, что у детей 10–11 лет в отношении легких правонарушений преобладают принципы «не надо наказывать никого», «достаточно высказать словесное порицание», а также идея непосредственного, прямого возмездия. В отношении же тяжких правонарушений они выбирают принципы «наказание должно определяться по закону», «виновник должен быть строго наказан».

У старших подростков, по сравнению с младшими, мы можем наблюдать статистически незначимую тенденцию к «смягчению» эксплицитных представлений о сроках наказания за менее тяжкие преступления, но в целом эти представления остаются на уровне пятиклассников. Более того, эти эксплицитные представления о «норме возмездия» становятся имплицитными, приобретают характер глубинных убеждений. О.А. Гулевич отмечает, что понимание справедливости как «воздаяния по заслугам» доминирует на эксплицитном уровне [4].

Таким образом, существенной динамики эксплицитных представлений о справедливости наказания в процессе перехода от младшего к старшему подростковому возрасту (по данным исследования наших респондентов) не происходит. Эти изменения мы видим только при взрослении человека. У взрослых, в отличие от несовершеннолетних, представления о «норме возмездия» за различные преступления более дифференцированы; их воззрения на меры наказания в зависимости от тяжести содеянного приближаются к реальным срокам лишения свободы, определенным УК РФ; диапазон их оценок более широк; в их представлениях учитываются субъективные состояния и мотивация преступников, а также ситуативные факторы, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Тем не менее, представления взрослых о справедливом наказании за противозаконные деяния гораздо ближе к представлениям подростков о необходимости более суровых санкций к совершившим преступления небольшой тяжести, нежели к действующему уголовному законодательству.

Заключение

Выявленный в исследовании разрыв между субъективными представлениями школьников и взрослых о справедливом наказании за преступления и существующими нормами уголовного законодательства особо остро ставит проблему формирования правосознания у несовершеннолетних. Наше исследование подтверждает мнение В.Н. Синюкова: «Мы в целом грамотно пишем законы и законодательствуем вполне по-европейски, но думаем и поступаем как-то иначе. Правовыми категориями у нас не размышляют» [14]. Ясно, что уголовное право не может идти за обыденным пониманием справедливости воздаяния по заслугам, оно учитывает и идеально-нравственные, и политические, и экономические факторы. Кроме того, в отличие от эмпирического правосознания граждан, наказание, как указано в ч. 2 ст. 43 УК РФ, применяется не только в целях восстановления социальной справедливости («норма возмездия»), но и в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Одно из положений теории уголовного права гласит, что наказание является не основным, а вспомогательным средством борьбы с преступностью, является последним доводом государства при исчерпании или заведомой неэффективности иных средств воздействия [17].

Следует признать, что задача реализации комплекса мероприятий образовательных организаций, направленных на формирование позитивного правосознания, поставленная в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [11] в полной мере еще не реализуется. В частности, как было показано И.А. Егоровым и Ф.С. Сафуановым [6], на сегодняшний день образовательный процесс в большей мере направлен на усвоение юридических знаний и гораздо меньше – на формирование адекватного оценочного отношения к праву и ценностных ориентаций, регулирующих правомерное поведение. Сказанное и определяет основные приоритеты средней школы, направленные на повышение эффективности формирования правосознания у несовершеннолетних.

Литература

1. Алишев Б.С., Анিকেенок О.А., Галлямова А.Р. Представления о справедливости наказания в подростковом и юношеском возрасте // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 4. С. 157–168.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 150–151.
3. Гулевич О.А. Правосознание и правовая социализация (аналитический обзор). М., 2003. С. 36–57.
4. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М., 2011. 284 с.
5. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М., 2012.
6. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 3. С. 61–69. doi:10.17759/psyedu.2014060307
7. Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953369-6&02>.
8. Законопроект № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"». <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953398-6&02>
9. Зубок Ю.А. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // СОЦИС. 2006. № 6. С. 37–46.

10. Каландаришвили З.Н. Правовая социализация как условие преодоления деформации правового сознания молодёжи // Ленинград. юрид. журнал. 2008. № 1. С. 106–120.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.
12. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск, 1988. 256 с.
13. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая культура и поведение // Юридическая психология: хрестоматия / Сост. Т.Н. Курбатова. СПб., 2001. С. 56.
14. Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 11.
15. Смоленский М.Б. Правовая культура и правовое воспитание как факторы формирования правосознания граждан // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. Т. 4. № 36. С. 5–6.
16. Строгович М.С. Избранные труды. Т.1. Институт государства и права АН СССР. М.: Наука, 1990. С. 115.
17. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2005. С. 152.
18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
19. Kohlberg L.A. Longitudinal Study of Moral Judgment: A Monograph for the Society of Research in Child Development. The University of Chicago Press, 1983.

Decriminalization of articles of the Criminal code and the formation of "norms of revenge" in schoolchildren

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Bodrova O. K., *Junior researcher at the psychology laboratory of the Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (olgabodr@gmail.com)*

Dokuchaeva N. V., *master student, faculty of legal psychology of Moscow State University of Psychology and Education (natalya.dokuchaeva@gmail.com)*

In light of the upcoming decriminalization of minor offenses, the article considers the problem of formation of "norms of revenge" as one of the components of legal consciousness. The study of explicit representations of pupils of 5 th and 10 th grade and adults about the penalties for crimes of varying severity. Pupils have also investigated implicit beliefs. Among all groups surveyed understanding of the necessary terms of punishment for crimes does not coincide with the norms of criminal legislation, their ideas about the "rule of retaliation" involve a more severe punishment for almost all crimes, especially small weight. At the same time, adults and students adequately understand the hierarchy of seriousness of the offence. The gap between the explicit and the implicit ideas about the "rule of retribution" for the crimes was noted only in the youngest adolescents. In adults, compared to juveniles, there is a more pronounced polarization and differentiation of views on the measures necessary punishment for the crime. The conclusion is that in the process of education pay little attention to the formation of an adequate evaluation of the relationship to law students.

Keywords: legal consciousness, the rule of retaliation, decriminalization, justice, punishment.

References

1. Alishev B.S., Anikeenok O.A., Galljamova A.R. Predstavlenija o spravedlivosti nakazanija v podrostkovom i junosheskom vozraste // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2015. T. 157, kn. 4. S. 157-168.
2. Vengerov A.B. Teorija gosudarstva i prava : Uchebnik dlja vuzov. 3-e izd. M.,2000. S. 150-151.
3. Gulevich O.A. Pravosoznanie i pravovaja socializacija (analiticheskij obzor). M., 2003. S. 36-57.

4. Gulevich O.A. Social'naja psihologija spravedlivosti. M., 2011. 284 s.
5. Egorov I.A. , Safuanov F.S. Pokazateli formirovanija pravosoznaniya i pravovoj kul'tury v obrazovatel'nyh standartah // Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii». M., 2012.
6. Egorov I.A., Safuanov F.S. Obrazovatel'nyj process kak faktor formirovanija pravosoznaniya [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2014. Tom 6. № 3. S. 61–69. doi:10.17759/psyedu.2014060307.
7. Zakonoproekt № 953369-6 O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti.
8. <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953369-6&02>.
9. Zakonoproekt № 953398-6 O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s prinjatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti".
<http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953398-6&02>
10. Zubok Ju. A. Pravovaja kul'tura molodjozhi v rakurse transformacionnyh strategij // SOCIS. 2006. № 6. S. 37–46.
11. Kalendarishvili Z. N. Pravovaja socializacija kak uslovie preodolenija deformacii pravovogo soznaniya molodjozhi // Leningrad. jurid. zhurnal. 2008. № 1. S. 106–120.
12. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) // Rossijskaja gazeta. 2011, 14 ijulja.
13. Ratinov A.R. Pravovaja psihologija i prestupnoe povedenie. Teorija i metodologija issledovanija. Krasnojarsk, 1988. 256 s. 7, s. 47.
14. Ratinov A.R., Efremova G.H. Pravovaja kul'tura i povedenie // Juridicheskaja psihologija: hrestomatija / sost. T.N. Kurbatova. SPb., 2001. S. 56.
15. Sinjukov V.N. Rossija v XXI veke: puti pravovogo razvitija // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 11. S.11.
16. Smolenskij M.B. Pravovaja kul'tura i pravovoe vospitanie kak faktory formirovanija pravosoznaniya grazhdan // Juridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2005. T. 4. № 36. S. 5-6.
17. Strogovich M.S. Izbrannye trudy: t.1. Institut gosudarstva i prava AN SSSR. – M.: Nauka, 1990. S. 115.

18. Uchebnyj kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Otv. red. Zhalinskij A. Je. M., 2005. S.152.
19. Hekhauzen.H. Motivacija i dejatel'nost'. SPb.: Piter; M.: Smysl, 2003 - 860 s.
20. Kohlberg L. A Longitudinal Study of Moral Judgment: A Monograph for the Society of Research in Child Development. - The University of Chicago Press, 1983.

Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям у девушек периода ранней взрослости

Терехина С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста Федерального научного исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения РФ (svterek@gmail.com)

Чирикина Е.С., магистрант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (amelina2292@mail.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей восприятия развода в родительской семье и отношения к родителям у девушек периода ранней взрослости. Обследованы две группы девушек периода ранней взрослости: пережившие в детском и подростковом возрасте развод в родительской семье (n=45) и девушки из полных семей (n=30). В исследовании были использованы специально разработанное полуструктурированное интервью, методика «Семейная социограмма», Опросник родительской связи (РВИ), Цветовой тест отношений (ЦТО). Выявлены статистически значимые различия в восприятии девушками из разведенных семей отношения к ним со стороны родителей в период, предшествующий разводу и в постразводный период. Описана динамика структурных особенностей родительских семей и системы семейных взаимоотношений у девушек из разведенных и полных семей. Охарактеризованы представления о собственной будущей семье у девушек из разведенных и полных семей. Выявлены особенности мотивационно-смысловой сферы, связанные с семейными взаимоотношениями, в двух группах девушек.

Ключевые слова: развод, восприятие развода в родительской семье, внутренняя картина развода, детско-родительские отношения при разводе, девушки периода ранней взрослости.

Для цитаты:

Терехина С.А., Чирикина Е.С. Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям у девушек периода ранней взрослости. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 142-161. doi: 10.17759/psylaw.2016060311

For citation:

Terekhina S.A., Chirikina E.S. Peculiarities of perception of parents' divorce and attitude towards parents' girls in emerging adulthood. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 3. pp.142-161. doi: 10.17759/psylaw.2016060311

Семья, с точки зрения психологической науки, традиционно рассматривается как один из важнейших институтов социализации детей. Вместе с тем современный институт семьи претерпевает существенные изменения, в качестве одного из проявлений которых выступает высокий процент разводов. В 2012 г. Россия была признана ООН лидером среди стран с самым высоким показателем уровня разводов [33]. Несмотря на то, что число разводов в 2015 г. сократилось на 13%, реальных сдвигов в сторону изменения ситуации не прогнозируется [22]. Значительный процент среди разводящихся семей составляют семьи, в которых воспитываются дети и подростки [6].

Развод в родительской семье рассматривается современными исследователями как крайне травматичное событие в жизни ребенка. За рубежом в течение последних нескольких десятков лет проводятся исследования, касающиеся различных аспектов развода в семье и их связи с последующим развитием и формированием детей и подростков. Вместе с тем результаты этих исследований, в частности касающиеся продолжительности, степени выраженности и конкретных проявлений влияния развода на различные сферы жизни детей, носят в целом неоднозначный и противоречивый характер [23; 30; 36; 40]. Наряду с изучением непосредственных реакций и переживаний ребенка в связи с распадом родительской семьи весьма актуальным является исследование различного рода проблем и трудностей у взрослых, переживших развод родителей в детском или подростковом возрасте, которые также рассматриваются в качестве негативных последствий развода [27; 28; 30 34; 35; 38; 42]. Вместе с тем необходимо отметить, что работы, посвященные анализу особенностей субъективного восприятия развода в семье родителей детьми разных возрастных категорий, относительно немногочисленны [1; 12; 19; 20; 22; 31]. Также недостаточно представлены исследования, связанные с изучением восприятия пережитого развода на разных этапах детства и подростничества у взрослых людей, в частности, девушек периода ранней взрослости [2; 9; 10; 13]. Вместе с тем именно на этот возрастной период у многих из них приходится создание собственной семьи и рождение детей, что, в свою очередь, делает вопросы профилактики нарушений в семейной сфере чрезвычайно актуальными. В то же время понимание особенностей восприятия опыта родительской семьи позволило бы расширить представления о механизмах межпоколенной передачи развода в семейной системе, а также способствовать разработке психокоррекционных программ в сфере оказания помощи молодым семьям, а также взрослым, пережившим в детстве развод родителей.

Материал и методы исследования

Основную экспериментальную группу составили 45 девушек из разведенных родительских семей в возрасте от 21 года до 23 лет. Развод родителей у девушек данной группы пришелся на период дошкольного детства (в возрасте 4–5 лет – 15 человек), на младший школьный период (в возрасте 7–9 лет – 15 человек) и подростковый период (возраст 11–15 лет – 15 человек). В *группу сравнения* были включены 30 девушек из полных

семей. Обследуемые двух выборок были уравнены по возрасту, а также по структурному составу семьи (все девушки являлись единственным ребенком в семье).

С целью получения информации об объективных обстоятельствах, сопровождавших развод родителей, а также особенностях субъективного восприятия этой ситуации девушками, реконструированного на основе их собственных воспоминаний, было проведено полуструктурированное интервью. С их ровесницами из полных семей также была проведена беседа, касающаяся различных аспектов их взаимоотношений с родителями, начиная с детского возраста и заканчивая настоящим временем. Помимо этого, в материалах интервью содержались вопросы, касающиеся нынешнего семейного положения девушек обеих групп, а также представлений, установок и ожиданий в отношении собственной будущей семьи и детей. Для выявления восприятия девушками структурных и динамических особенностей родительской семьи в предразводный и постразводный периоды, а также в настоящее время и в идеальном варианте нами была использована методика «Семейная социограмма» [13]. Изучение характера воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей у девушек периода ранней взрослости в обеих обследованных группах проводилось при помощи Опросника родительской связи (PBI) [38]. Для получения содержательных характеристик мотивационно-смысловой сферы, связанных с различными аспектами семейных взаимоотношений, проводилась методика Цветовой тест отношений (А. Эткинд) [26].

Для статистической обработки полученных результатов использовался пакет программ Statistica for Windows, Release 6.0. Применялись методы непараметрической статистики (критерий Манна–Уитни, кластерный анализ, критерии Фишера и Вилкоксона).

Анализ и интерпретация результатов исследования

Предваряя анализ особенностей восприятия девушками из разведенных семей ситуации развода родителей, а также системы детско-родительских отношений, хотелось бы остановиться на некоторых объективных данных, связанных с характером отношений девушек с покинувшим семью родителем. Нас интересовало, сохранялся ли у девушек контакт с ушедшим родителем, а также то, каким образом изменялись отношения девушек с отдельно проживающим родителем, начиная с периода, последовавшего непосредственно за разводом и до момента настоящего обследования. Было установлено, что в подавляющем большинстве случаев родителем, покинувшим семью, являлся отец (в нашем исследовании семью покинули 43 отца и 2 матери). В период, последовавший за разводом, 17 девушек (37%) поддерживали формальный контакт с ушедшим из семьи родителем (встречи с периодичностью несколько раз в год). Примерно у трети всех обследованных девушек (31%) контакт с отдельно проживающим родителем был полностью потерян. Вместе с тем примерно такому же числу интервьюируемых удалось сохранить позитивно окрашенные отношения с ушедшим из семьи родителем (регулярные (1 – 2 раза в неделю) встречи). К настоящему времени произошли некоторые изменения в отношениях с отдельно проживающим родителем. Лидирующую позицию у девушек (62%) занимают формальные встречи. В то же время наблюдается тенденция к сокращению случаев полного отсутствия контактов с отдельно проживающим родителем (17% случаев). Постоянные контакты между девушкой и ушедшим из семьи родителем наблюдаются у 20% девушек.

На основе проведенного исследования нами были проанализированы некоторые аспекты «внутренней картины развода» у девушек периода ранней взрослости. Под

«внутренней картиной развода» у ребенка мы понимаем его систему представлений о причинах распада родительской семьи, о возможном влиянии развода на его дальнейшую жизнь, о структурных особенностях семьи родителей и воспринимаемой ребенком системы детско-родительских отношений в ее динамическом аспекте; особенности восприятия им своего положения и функций в родительской семейной системе.

Одной из важных составляющих «внутренней картины развода» девушек выступают особенности их представлений о причинах распада родительской семьи. По данным полуструктурированного интервью, на первом месте по частоте встречаемости в качестве причины развода девушки называли высокий уровень конфликтности в семье (40% всех опрошенных). Формы конфликтности варьировали от периодических ссор, связанных с неблагополучным материальным положением семьи или невыполнением одним из супругов своих функциональных обязанностей, до случаев применения физического насилия супругом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, по отношению к жене и дочери. На втором месте по частоте среди причин развода, по мнению девушек основной группы, занимает супружеская неверность со стороны одного из родителей (37%), о которой девушкам становилось известно от одного из родителей. В части семей, отличающейся выраженным дисфункциональным характером, в качестве причины развода девушки называли асоциальный образ жизни матери или отца (17%), который заключался в алкоголизации одного из родителей или его противоправном поведении (кража, убийство), которое влекло за собой уголовное наказание в виде лишения свободы. Вмешательство расширенной семейной системы (в частности, прародителей) в отношения нуклеарной семьи как причина ее распада отмечалась девушками в 2% случаев. В аналогичном количестве случаев девушки в качестве причины развода родителей называли их неготовность к семейным отношениям, которая включала невыполнение одним или обоими супругами своих функциональных обязанностей (хозяйственно-бытовых, психотерапевтических и др.). Можно предположить, что причины развода, называемые девушками из разведенных семей, могут являться, с одной стороны, результатом воспоминаний о преобладающих паттернах коммуникации между родителями, с другой – мотивировками развода, принадлежащими одному из родителей и разделяемыми дочерью вследствие эмоциональной идентификации с ним [8].

Своеобразным продуктом внутренней переработки девушками травматического опыта, полученного в процессе развода родителей, являются их представления о том непосредственном влиянии, которое оказал распад родительской семьи на их жизнь как в ретроспективном, так и в проспективном аспекте. Все заявленные девушками последствия развода можно условно разделить на две группы. Одна из них касается преимущественно сферы детско-родительских отношений, вторая в большей степени затрагивает систему представлений и ожиданий, связанных с собственной будущей семьей. По данным полуструктурированного интервью, практически половина всех опрошенных девушек (51%) в качестве основного последствия развода называли изменение своего отношения, как правило, к одному из родителей, чье поведение и выступало, по их мнению, в качестве основной причины развода. Так, преобладающими чувствами, которые дочери начали испытывать к одному из родителей, выступали обида, стыд и злость.

Развод родителей, по мнению части девушек, повлиял и на их представления о собственной будущей семье. Так, 17% девушек прогнозировали существенный риск того, что их будущий супруг также, как и отец, будет злоупотреблять спиртными напитками и проявлять склонность к физическому насилию по отношению к ней и к детям. У части

девушек из разведенных семей (13%) была выявлена искаженная система представлений о собственной будущей семье, в которой преобладала ориентация на рождение и воспитание ребенка при отсутствии супруга. 22% опрошенных девушек обнаруживала фрустрированную в родительской семье потребность в защищенности. Реализация данной потребности выражалась у них в предпочтении в качестве потенциальных брачных партнеров мужчин, значительно старше их по возрасту.

Полученные данные, в целом, согласуются с результатами предшествующих исследований [16; 21; 37]. Так, в исследованиях Hewitt была установлена тесная связь между разводом в родительской семье и ожиданиями у подростков развода в собственной будущей семье [37]. В других работах были отмечены страх близких отношений, сужение глубины жизненной перспективы, трудности в построении образа будущей семьи у женщин, переживших в детстве развод родителей. Автор данной работы считает целесообразным выделить специфический комплекс взрослых дочерей разведенных родителей [16].

Одновременно с этим у преобладающего большинства девушек из полных семей (90%) были выявлены в целом позитивно окрашенные и конструктивные представления о будущей семейной жизни. В отличие от девушек из разведенных семей они носили реалистичный характер, который проявлялся в более детальном описании и большей содержательной наполненности соответствующих представлений. Негативно окрашенные ожидания относительно своей будущей семейной жизни обнаруживало только 10% девушек из полных семей. Ориентация на создание изначально неполной семьи в этой группе девушек не встречалась.

Различия в установках и ожиданиях относительно своей будущей семьи нашли свое отражение в объективных данных относительно актуального семейного статуса девушек из разведенных и полных семей. Так, среди девушек из полных семей 30% на момент обследования состояли в официальном браке, что статистически значимо чаще по сравнению с девушками из разведенных семей (11%, уровень значимости $p < 0,05$). В дополнение к этому, в 2% случаев девушки из разведенных семей на момент обследования уже находились в разводе. Также девушки из полных семей значимо чаще имели детей (16% против 8% соответственно, $p < 0,05$).

Далее мы проанализировали, наблюдается ли в нашей экспериментальной выборке трансгенерационная передача развода [29]. В соответствии с ней семьи ближайших родственников и прародительские семьи у разведенных супругов также на определенном этапе своей семейной жизни пережили развод. В нашем исследовании концепция передачи развода между поколениями семьи нашла свое подтверждение. Так, у девушек из разведенных семей статистически реже встречались полные по составу семьи ближайших родственников и прародителей (57% против 86% у девушек из полных семей).

Особенности структуры родительской семьи и воспринимаемой девушками обеих групп системы детско-родительских отношений в ее динамическом аспекте были проанализированы с помощью модифицированного варианта методики «Социограмма семьи». У девушек из разведенных семей перечисленные характеристики изучались на этапе, предшествующем разводу, постразводном этапе, а также в настоящее время. При анализе использовались показатели, рекомендованные авторами методики. У девушек из полных семей сравнивались социограммы родительской семьи в период детства и на настоящий момент. В обеих группах исследовались идеальные представления девушек о

структуре и характере семейных взаимоотношений. Для периода, предшествующего разводу в восприятии девушками из разведенных семей родительских семей преобладали следующие особенности. Все социогаммы девушек данной группы отражают структуру, свойственную для ядерных семей и включающую фигуры обоих родителей и дочери. Для системы семейных взаимоотношений у девушек из разведенных семей была характерна значительная дистанция между всеми членами семьи и их равноудаленный характер. В то же время непосредственный контакт между родителями отсутствовал, и супружеское взаимодействие опосредовалось фигурой дочери. В качестве наиболее субъективно значимой фигуры для девушек этой группы выступала мать. В послеразводный период субъективная значимость обоих родителей для девушек снижалась. Наряду с этим уменьшалась субъективная значимость для семьи и самой девушки. Наблюдалось два варианта реакций семейной системы на развод. Одна из них заключалась в увеличении дистанции с обоими родителями, другая – в субъективно воспринимаемом сближении дочери с фигурой матери с равноправной позицией обеих в семейной системе. На момент обследования было обнаружено, что фигура отца переместилась на периферию семейной системы, а взаимоотношения с матерью либо стали еще более близкими и симбиотическими по сравнению с постразводным периодом, либо еще более удаленными друг от друга. Для идеальных представлений девушек, переживших развод, о родительской семье характерно стремление к близким и симбиотическим взаимоотношениям с каждым из родителей и внутри самой супружеской подсистемы. У нескольких девушек идеальные представления предполагают исключение отцовской фигуры из семейной констелляции, что связано прежде всего, с его алкоголизацией и случаями оказания физического насилия с его стороны. У девушек из полных семей наблюдаются иные модели построения отношений в родительской семье. В период детства в своем большинстве это детоцентристские семьи, где ребенку придается большое значение, в то же время большое значение придается супружеской подсистеме. Значимость обоих родителей для дочери велика. В нескольких случаях отмечается большая дистанцированность дочери с фигурой отца, которая связана с конфликтными отношениями с ним. На момент обследования взаимодействие с родителями воспринимается девушками как построенное «на равных». Родители остаются значимыми фигурами для дочери, контакты с ними сохраняются, но их позиция снижается, и дистанция с ними увеличивается. Идеальный вариант для девушек из полных семей представляется им как равноправные взаимоотношения с родителями с признанием значения для семейной системы самой девушки. В единичных случаях также отмечается стремление к более близким, симбиотическим отношениям с родителями.

Представления девушек из разведенных семей о структурных и динамических особенностях родительской системы были дополнены данными об особенностях восприятия отношения к ним со стороны родителей, полученными с помощью Опросника родительской связи (РВИ) (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей у девушек из неполных семей (по данным опросника РВИ)

Характеристики воспринимаемого девушками отношения к ним со стороны родителей (по данным Опросника РВИ)	Средние показатели в период до развода	Средние показатели в период после развода	Уровень значимости по критерию Манна-Уитни (p)
Уровень эмоциональной теплоты со стороны матери	29,58	24,69	p≤0,01
Уровень контроля со стороны матери	26,84	17,98	p≤0,01
Уровень эмоциональной теплоты со стороны отца	23,09	12,13	p≤0,01
Уровень контроля со стороны отца	18,76	6,93	p≤0,01

Полученные результаты демонстрируют, что, по мнению девушек из разведенных семей, такие важнейшие характеристики родительского отношения, как эмоциональная теплота и выраженность контроля, существенно снизились после развода по сравнению с предразводным периодом. Вероятно, эти изменения отражают трансформацию структурных изменений родительской семьи, а также сопровождающие их изменения всей системы взаимоотношений, в частности, в области детско-родительских взаимоотношений, произошедших в результате развода. Начало раздельного проживания девушек с одним из родителей привело к ослаблению эмоциональной связи с ним, а более редкий характер встреч и нерегулярное участие данного родителя в повседневной жизни дочери сказалось на восприятии ею контроля с его стороны. Отношения с опекающим родителем также претерпели существенные изменения, что нашло отражение в восприятии этих отношений девушками. В целом, полученные нами данные соответствуют современным научным представлениям о динамике детско-родительских отношений при разводе [23; 30].

Данные, полученные на выборке девушек из разведенных семей, мы сравнили с результатами девушек из полных семей. Динамика воспринимаемых ими характеристик родительского отношения, начиная с детского возраста до настоящего времени, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Характеристики воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей у девушек из полных семей (по данным опросника РВИ)

Характеристики воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей (по данным Опросника РВИ)	Средние показатели в детстве	Средние показатели в настоящее время	Уровень значимости по критерию Манна-Уитни (p)
Уровень эмоциональной теплоты со стороны матери	33,77	30,50	p≤0,01
Уровень контроля со стороны матери	35,50	25,07	p≤0,01
Уровень эмоциональной теплоты со стороны отца	32,17	29,90	p≤0,01
Уровень контроля со стороны отца	33,10	23,43	p≤0,01

Как видно из табл. 2, у девушек из полных семей восприятие отношения со стороны обоих родителей также претерпело значительные изменения в сторону снижения эмоциональной теплоты и контроля. Однако следует предположить, что причины, лежащие в основе этих изменений, отличаются от таковых у девушек из разведенных семей. Возможно, это связано с реальной перестройкой детско-родительских отношений в направлении их большего равноправия в связи с естественным взрослением дочерей. Также не стоит исключать и определенных проблем в отношениях девушек с родителями.

О большей выраженности проблем в сфере детско-родительских отношений у девушек, переживших развод, свидетельствуют и результаты сопоставления особенностей восприятия родительского отношения у девушек данной группы в предразводный период с аналогичными показателями у девушек из полных семей в детском возрасте (табл. 3).

Таблица 3

Особенности воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей у девушек из полных и разведенных семей (по данным опросника РВИ)

Характеристики воспринимаемого отношения к ним со стороны родителей (по данным Опросника РВИ)	Средние показатели в период до развода (девушки из разведенных семей)	Средние показатели в детском возрасте (девушки из полных семей)	Уровень значимости по критерию Манна-Уитни (p)
Уровень эмоциональной теплоты со стороны матери	24,69	33,77	p≤0,01
Уровень контроля со стороны матери	17,98	35,50	p≤0,01
Уровень эмоциональной теплоты со стороны отца	12,13	32,17	p≤0,01
Уровень контроля со стороны отца	6,93	33,10	p≤0,01

Таким образом, еще в детском возрасте девушки из разведенных семей оценивали отношение к ним со стороны обоих родителей как менее эмоционально теплое и контролирующее. Возможное объяснение связано с тем, что родительские семьи у девушек из разведенных семей на ранних этапах своего существования характеризовались значительно большим числом проблем и конфликтов по сравнению с группой сравнения, что проявилось в особенностях восприятия ими родительского отношения. Вместе с тем существует вероятность того, что ситуация развода в родительской семье привела у девушек к последующей переоценке детско-родительских отношений на этапах, предшествующих разводу. В целом, можно заключить, что особенности восприятия детьми детско-родительских отношений в ситуации развода и его последующей трансформации подлежат дальнейшему изучению, в том числе и с учетом возраста, в котором произошел распад родительской семьи.

Эмоциональные компоненты отношения девушек к родителям, к ситуации развода, а также структурные и содержательные характеристики мотивационно-смысловой сферы, связанные с различными аспектами семейных взаимоотношений, выявлялись с использованием Цветового теста отношений. Фрагмент кластерной структуры мотивационно-смысловой сферы у девушек из разведенных семей представлен на рис. 1.

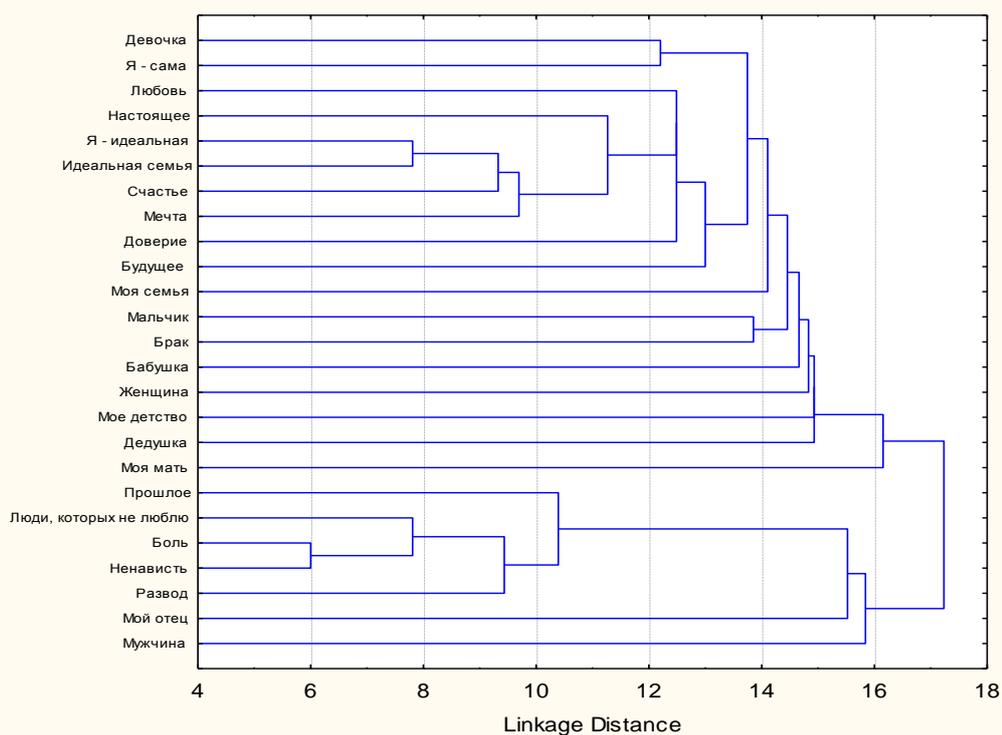

Рис. 1. Кластерная структура мотивационно-смысловой сферы у девушек из разведенных семей (по результатам ЦТО)

Перечислим основные особенности мотивационно-смысловой сферы у девушек основной группы в области семейных взаимоотношений, которые могут препятствовать при создании собственной семьи в будущем. Прежде всего, это отсутствие связей между идеальными представлениями о семье, спроецированными непосредственно в будущее, и реальной родительской семьей. Помимо этого, у девушек из разведенных семей отсутствует эмоциональная идентификация с фигурой матери, что может отразиться на восприятии женской/материнской функции и ее дальнейшем воспроизведении. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования Н.В. Пушкиной, согласно которым дочери разведенных родителей во взрослой жизни испытывают трудности в принятии и реализации себя в женской психосоциальной роли [16]. Дополнительным препятствием при построении собственной семьи может выступать негативная окрашенность мужской фигуры. Сравним эти данные с результатами у девушек из полных семей (рис. 2).

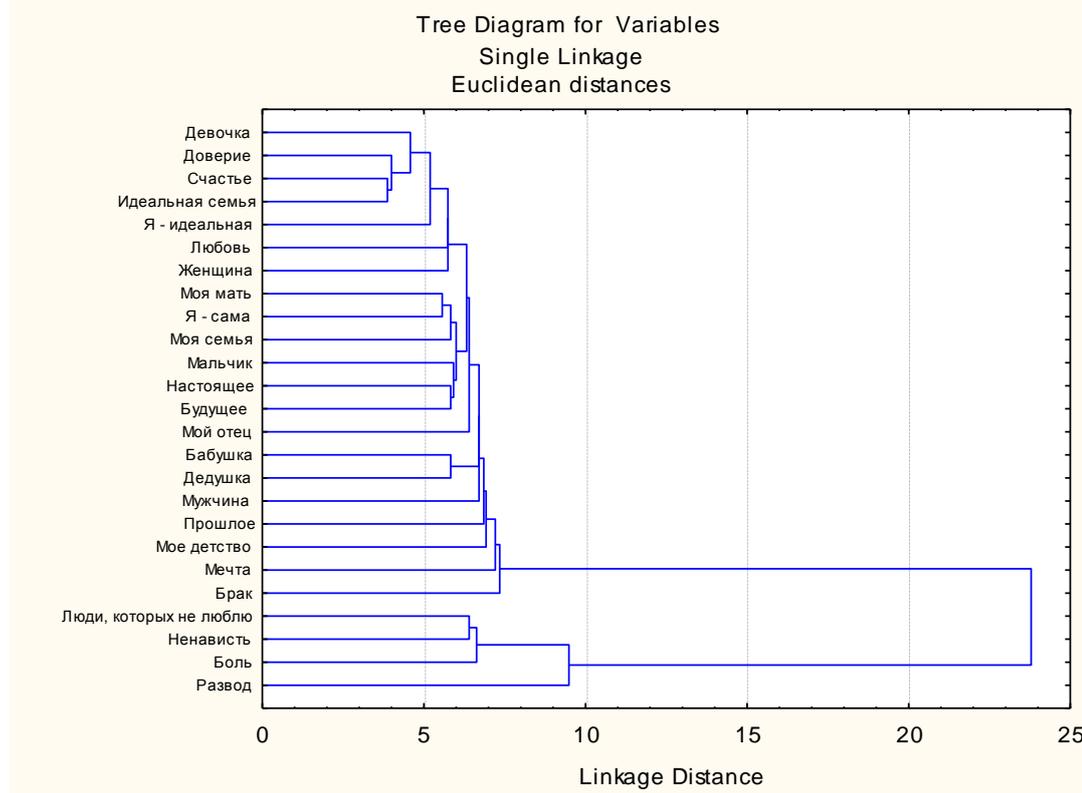

Рис. 2. Кластерная структура мотивационно-смысловой сферы у девушек из полных семей (по результатам ЦТО)

Для девушек из полных семей, в отличие от их ровесниц из разведенных семей, наблюдается эмоциональная идентификация с фигурой матери. Также наблюдается тесная связь между представлениями об «идеальной семье» и материнской фигурой, а также своей родительской семьей. Мужская фигура не несет в себе негативной окрашенности, входя в подкластерную структуру, включающую, в том числе, фигуры бабушки и отца.

Отношение к ситуации развода у девушек обеих исследуемых групп сходно, поскольку входит в подкластерную структуру, включающую в себя негативно окрашенные категории, такие как «боль», «ненависть» и т. д. В то же время у девушек из разведенных семей в эту же смысловую подструктуру включены фигура отца, которая также несет негативную смысловую окраску, и понятие «прошлое», что свидетельствует о распространении негативно окрашенных представлений об этом событии на весь предшествующий временной период.

Таким образом, развод в родительской семье, произошедший в детском и подростковом возрасте, продолжает оставаться у девушек периода ранней взрослости в виде некоторого травматического опыта, который, будучи внутренне полностью не переработан, трансформируется в систему искаженных представлений, которые касаются как сферы детско-родительских отношений, так и системы установок и представлений относительно своей будущей семьи. Особенности «внутренней картины развода» у девушек позволяют наметить шаги в направлении более детального воссоздания восприятия детьми ситуации развода в родительской семье и результатов последующей ее переработки в более старших возрастах.

Выводы

1. Наиболее субъективно значимые трансформации вследствие развода в родительской семье обнаруживались в сфере взаимоотношений девушек с родителями и, в частности, в характере взаимоотношений с покинувшим семью родителем (в преобладающем числе случаев – с отцом). Отношения девушек с отдельно проживающим родителем оценивались ими как в основном нерегулярные, формальные и неудовлетворительные.

2. Представления и ожидания относительно собственной будущей семьи также выступают субъективно значимыми для девушек из разведенных семей в плане влияния на них развода в семье родителей.

3. Характер воспринимаемого отношения к себе со стороны родителей у девушек из разведенных и полных семей со временем меняется в сторону уменьшения степени эмоциональной теплоты и выраженности контроля как со стороны матери, так и со стороны отца. Вместе с тем существует вероятность того, что причины такого восприятия родительского отношения в сравниваемых группах различны. Для подтверждения данного предположения необходимо провести дополнительные исследования.

4. Основные проблемы, отмечаемые в мотивационно-смысловой сфере у девушек из разведенных семей, заключаются в отсутствии идентификации с материнской фигурой, а, следовательно, и с женской психосоциальной ролью, в отсутствии преемственности между идеальными представлениями о семье, спроецированными непосредственно в будущее, и реальной родительской семьей, негативная окрашенность фигуры отца и мужских фигур в целом.

5. Воспитание девушек в условиях полной семьи способствует усвоению ими реалистичной модели внутрисемейного поведения, опосредованной идентификацией с матерью как носителем женской психосексуальной роли. У девушек из разведенных родительских семей обнаруживаются особенности искаженных представлений в сфере семейных взаимоотношений, которые с большой степенью вероятности окажут неблагоприятное влияние на процесс построения партнерских взаимоотношений и создание собственной семьи.

Литература

1. *Агейко О.В.* Социальная перцепция семейных отношений у детей, переживших развод родителей на разных этапах онтогенеза // Белорусский психологический журнал. 2005. № 2. С. 24–30.
2. *Галимзянова М.А., Романова Е.В., Москвина Е.А.* Особенности образов родителей и брачного партнера у взрослых, переживших в детстве развод родителей // Вестник СПб. Университета. 2010. Серия 12. Выпуск 4. С. 113–120.
3. *Гурова О.С., Середина Т.С.* Особенности семейных перспектив юношей и девушек с опытом развода в родительской семье // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 31–34.
4. *Докучаева С.О.* Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в

- следующем поколении // *Психологическая наука и образование*. 2005. № 3. С. 41–55.
5. *Дымнова Т.И.* Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской // *Вопросы психологии*. 1998. № 2. С. 46–57.
 6. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 20.10.2015).
 7. *Ипполитова Е.А.* Семейные перспективы девушек, переживших развод родителей // *Наука и современность*. 2010. № 3. С. 32–36.
 8. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2007. 320 с.
 9. *Клементьева М.В.* События развода в биографической рефлексии взрослых мужчин и женщин // *Известия Тульского гос. университета*. 2014. № 1. С. 101–111.
 10. *Коньшина Т.М.* Особенности отношения молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости // *Психологические проблемы современной семьи*. 2015. № 6. С. 520–532.
 11. *Королева С.А.* Психологические особенности образа себя и образа родителей у детей старшего дошкольного возраста после развода родителей // *Психологическая наука и образование*. 2003. № 4. С. 40–46.
 12. *Маценова Е.Б.* Представления о семье в разных группах старшеклассников и студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 24 с.
 13. *Никольская, И.М., Пушина, В.В.* Семейная социограмма в психологическом консультировании: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2010. 120 с.
 14. *Нозикова Н.В.* Становление семейно-ориентированной и материнской направленности девушек-студенток // *Психологическая наука и образование*. 2009. № 1. С. 90–97.
 15. *Пушкина Н.В.* Взрослые дочери разведенных родителей – психотравмирующее влияние развода в психоаналитической теории // *Психология и психотехника*. 2014. С. 508–516.
 16. *Пушкина Н.В.* Личностные особенности женщин, переживших в детстве развод родителей, по сравнению с женщинами, выросшими в полных семьях. [Электронный ресурс] // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. Курск, 2015. URL: <http://jurnal.org/articles/2015/psih9.html> (дата обращения: 16.06.2016).
 17. *Рубченко А.К.* Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 22 с.

18. Рыжкова А.В. «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.
19. Светлакова В.П., Мезенцева Н.И. Гендерные особенности отношения подростков из неполной семьи к себе и родителям // Сборник статей молодых исследователей. М.: Перо, 2014. С. 143–149.
20. Терехина С.А. Образы родительской и будущей семьи у девочек с делинквентным поведением: втореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.
21. Терехина С.А., Акулина М.В. Особенности восприятия детско-родительских отношений у детей старшего дошкольного возраста в условиях развода в семье [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52027.shtml> (дата обращения: 16.06.2016).
22. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 16.06.2016).
23. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. М., 1995. 376 с.
24. Фомичева Л.Ф. Образ родителей и представленность отношений с ними у подростков // Психологическая наука и образование. 2004. № 1. С. 26–40.
25. Шведовская А.А. Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/pj/2009/n1/22858.shtml> (дата обращения: 16.06.2016).
26. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений. // Общая психодиагностика М.: Издательство МГУ. 1988. 345 с.
27. Amato P.R, Keith B. Parental divorce and adult well-being: A meta-analysis // Journal of Marriage and the Family. 1991. Vol. 53. № 1. P. 43–58.
28. Amato P.R. Children of divorced parents as young adults. In E.M. Hetherington (Ed.), Coping with divorce single parenting, and marriage: A risk and resiliency perspective Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1999, P. 147–163.
29. Amato P.R. Explaining the intergenerational transmission of divorce // Journal of Marriage and the Family. 1996. Vol. 58. P. 628–640.
30. Amato P.R. The Consequences of Divorce for Adults and Children // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62. № 4, P. 1269–1287.
31. Christensen, T. Relationships: A review of the literature // The Family Journal:

Counseling and Therapy for Couples and Families. 2001. Vol. 9(3). P. 289–294.

32. *Clarke-Stewart A.* Divorce: Causes and Consequences. New Haven: Yale University Press, 2006. 368 p.
33. Demographic yearbook. 2012, I. 63. New York: United Nations, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0579/biblio04.php> (дата обращения: 16.06.2016).
34. *Duran-Aydintug C.* Adult children of divorce revisited: When they speak up // Journal of Divorce and Remarriage. 1997. Vol. 27. P. 71–83.
35. *Gaspard T., Clifford T.* Daughters of divorce: overcome the legacy of your parents' breakup and enjoy. Sourcebooks, 2016. 320 p.
36. *Hetherington E.M., Kelly J.* For better or for worse: divorce reconsidered. W.W.: Norton, 2003. 307 p.
37. *Hewitt B., Skrbis Z., Western M.* The association between parental divorce and adolescents' expectations of divorce // Journal of Sociology. 2012. Vol. 48. № 1. Pp. 63–83.
38. *Ottway A.* The impact of parental divorce on the intimate relationships of adult offspring: A review of the literature // Graduate journal of counseling psychology. 2010. Vol. 2. № 1. URL: <http://epublications.marquett.edu/gjcp/vol2/iss1/5> (дата обращения 16.06.2016).
39. *Parker G., Tupling H., Brown L.B.* A Parental Bonding Instrument // British Journal of Medical Psychology. 1979. Vol. 52, № 1, Pp. 1–10.
40. *Wallerstein J.S.* The long-term effects of divorce on children: A review // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 1991. Vol. 30. Pp. 349–360.
41. *Wallerstein J.S., Lewis J.M.* The unexpected legacy of divorce: report of a 25-year study // Psychoanalytical Psychology. 2004. №21. Pp. 353–370.
42. *Whitton S.W., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J.* Effects of parental divorce on marital commitment and confidence // Journal of family psychology, 2008. Vol. 22(5). Pp. 789–793.

Peculiarities of perception of parents' divorce and attitude towards parents' girls in emerging adulthood

Terekhina S.A., Ph.D. in Psychology, Associate Professor of Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, MSUPE, senior researcher at the Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (svterek@gmail.com)

Chirikina E.S., Master Student, Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (amelina2292@mail.ru)

This article presents the results of empirical studies of what distinctive features of parents' divorce perception and attitude towards their parents and themselves girls in emerging adulthood have. Two groups of girls of emerging adulthood were surveyed: those who experienced their parents' divorce in their childhood and adolescence (n=45) and those from two-parent families (n=30). A specially developed half-structured interview, «Family Sociogram», Parental Bonding Instrument (PBI) and Colour Relationship were used in the study. The study showed statistically relevant differences between perception of girls from divorced families of their parents' attitude towards them during both the period before the divorce and the period after it. The article describes the dynamics of the structural distinctions of parent families and the system of domestic relationships between girls from divorced and two-parent families. Also, the article characterizes what concepts of their own future families girls from divorced and two-parent families have. In these two groups of girls, the peculiarities of the motivational and semantic field are discovered.

Keywords: divorce, perception of parents' divorce, parent-child relationship in divorce, internal image of divorce, girls in emerging adulthood.

References

1. Ageiko O.V. Sotsial'naya pertsepsiya semeinykh otnoshenii u detei, perezvivshikh razvod roditelei na raznykh etapakh ontogeneza [Social perception of family relationships in children who survived the divorce of parents at different stages of ontogeny] *Belorusskii psikhologicheskii zhurnal* [Belarusian psychological journal], 2005, no. 2, pp. 24–30. (In Russ.).
2. Galimzyanova M.A., Romanova E.V., Moskvina E.A. Osobennosti obrazov roditelei i brachnogo partnera u vzroslykh, perezvivshikh v detstve razvod roditelei [Features images of parents and mate in adult survivors of childhood parental divorce]. *Vestnik SPb. Universiteta* [Bulletin of St. Petersburg. universit], 2010, no. 4, pp. 113–120. (In Russ.).

3. Gurova O.S., Seredina T.S. Osobennosti semeinykh perspektiv yunoshei i devushek s opytom razvoda v roditel'skoi sem'e [The Family Prospects' Specificity of Young Men and Women Whose Parents Were Divorced]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [The News of Altai State University]*, 2010, no. 2, pp. 31–34. (In Russ.).
4. Dokuchaeva S.O. Vliyanie roditel'skoi sem'i na postroenie supruzheskoi sem'i v sleduyushchem pokolenii [The impact of parental family on matrimonial family formation in future generation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2005, no. 3, pp.41–55. (In Russ.).
5. Dymnova T.I. Zavisimost' kharakteristik supruzheskoi sem'i ot roditel'skoi [The dependence of the characteristics of a matrimonial family from parent]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, Moscow, 1998. no. 2, pp. 46–57. (In Russ.).
6. Zakharov C.V. Kuda dvizhetsya supruzhestvo v Rossii [Elektronnyi resurs] [Where is marriage in Russia] *Demoskop Weekly*, 2014. no. 545–546. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (Accessed: 20.10.2015). (In Russ.).
7. Ippolitova E.A. Semeinye perspektivy devushek, perezhivshikh razvod roditel'ei [Family prospects of girls, emerging from the divorce of parents]. *Nauka i sovremennost' [Science and Modernity]*, 2010, no. 3, pp. 32–36. (In Russ.).
8. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: uchebnoe posobie [Family psychology and basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 2004. 320 p. (In Russ.).
9. Klement'eva M.V. Sobytiya razvoda v biograficheskoi refleksii vzroslykh muzhchin i zhenshchin [Divorce in Biographical reflection of adult men and women]. *Izvesti Tul'skogo gos. Universiteta [News of the Tula State University]*, 2014, no. 1, pp. 101–111. (In Russ.).
10. Kon'shina T.M. Osobennosti otnosheniya molodykh suprugov k sem'e i razvodu v period rannei vzroslosti [Features of the attitude of a young couple towards family and divorce during emerging adulthood]. *Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i [Psychological problems of modern families]*, 2015, no. 6, pp. 520–532. (In Russ.).
11. Koroleva S.A. Psikhologicheskie osobennosti obraza sebya i obraza roditel'ei u detei starshego doshkol'nogo vozrasta posle razvoda roditel'ei [Psychological features of self-image and the image of their parents of senior preschool children after their parents' divorce]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2003, no. 4, pp. 40–46. (In Russ.).
12. Matsenova E.B. Predstavleniya o sem'e v raznykh gruppakh starsheklassnikov i studentov. Avtopref. diss. kand. psikhol.nauk. [Representations of the family in different groups of senior pupils and students. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2001. 24 p. (In Russ.).

13. Nikol'skaya, I.M, Pushina, V.V. Semeinaya sotsiogramma v psikhologicheskom konsul'tirovanii: uchebnoe posobie [Family sociogram in psychological counseling]. Sankt – Peterburg: Rech', 2010. 120 p. (In Russ.).
14. Nozikova N.V. Stanovlenie semeino-orientirovannoi i materinskoj napravlennosti devushek-studentok [The formation of family and parent orientation in female students]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2009, no. 1, pp. 90–97. (In Russ.).
15. Pushkina N.V. Vzroslye docheri razvedennykh roditelei – psikhotravmiruyushchee vliyanie razvoda v psikhoanaliticheskoi teorii [Adult daughters of divorced parents – traumatic impact of divorce in psychoanalytic theory]. Psikhologiya i psikhotekhnika [Psychology and psychotechnique], 2014, pp. 508–516. (In Russ.).
16. Pushkina N.V. Lichnostnye osobennosti zhenshchin, perezhivshikh v detstve razvod roditelei, po sravneniyu s zhenshchinami, vyrosshimi v polnykh sem'yakh [Elektronnyi resurs] [Personality characteristics of women who have experienced parental divorce in childhood, compared with women who had grown up in complete families]. Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov [Scientific publications Journal of graduate and doctoral students]. Available at: <http://jurnal.org/articles/2015/psih9.html> (Accessed: 16.06.2016). (In Russ.).
17. Rubchenko A.K. Samootnoshenie i otnoshenie yunoshei i devushek k roditelyam pri semeinoi deprivatsii. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [The Self and the attitude of boys and girls towards their parents at the family deprivation. Ph. D. (Psychology) Thesis], Moscow, 2007. Pp.22 (In Russ.).
18. Ryzhkova A.V. «Obraz sem'i» u detei doshkol'nogo vozrasta i ikh roditelei. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [«The image of a family in preschool children and their parents. Ph. D. (Psychology) Thesis], Moscow, 2006. Pp. 24 (In Russ.).
19. Svetlakova V.P., Mezentseva N.I. Gendernye osobennosti otnosheniya podrostkov iz nepolnoi sem'i k sebe i roditelyam [Gender-specific attitude of adolescents from single-parent families to themselves and to their parents]. Sbornik statei molodykh issledovatelei [Collection of papers of young researchers], Moscow: «Pero», 2014, pp. 143–149. (In Russ.).
20. Terekhina S.A. Obrazy roditel'skoi i budushchei sem'i u devochek s delinkventnym povedeniem. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [Parent-Child Relations and Development of a Child as a Future Adult Family Member. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.).
21. Terekhina S.A., Akulina M.V. Osobennosti vospriyatiya detsko-roditel'skikh otnoshenii u detei starshego doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh razvoda v sem'e [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of perception of child-parent relations among children of senior preschool age in the context of divorce]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2012, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52027.shtml> (Accessed: 16.06.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

22. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Accessed 16.06.2016).
23. Figdor G. Deti razvedennykh roditelei: mezhdru travmoi i nadezhdoi [Children of divorced parents: between trauma and hope], Moscow, 1995. 376 p.
24. Fomicheva L.F. Obraz roditelei i predstavlenost' otnoshenii s nimi u podrostkov [Teenager's image of parents and presentation of the relations with them]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2004, no. 1, pp. 26–40. (In Russ.).
25. Shvedovskaya A.A. Osobennosti perezhivaniya detsko-roditel'skikh otnoshenii i vzaimodeistvie s roditelyami detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Features experience parent-child relationship and interaction with the parents of the senior preschool age children]. Elektronnyi sbornik statei portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru [Electronic compilation of articles portal psychological publications PsyJournals.ru], 2009, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/pj/2009/n1/22858.shtml> (Accessed: 16.06.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.). (In Russ.).
26. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Psikhodiagnosticheskie materialy [The color test of relations. Psychodiagnostic materials]. Moscow: MGU, 1988, pp. 119–122. (In Russ.).
27. Amato P.R., Keith B. Parental divorce and adult well-being: A meta-analysis // Journal of Marriage and the Family. – 1991, Vol. 53, № 1. – Pp. 43–58.
28. Amato P.R. Children of divorced parents as young adults. In E.M. Hetherington (Ed.), Coping with divorce single parenting, and marriage: A risk and resiliency perspective Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 1999, pp. 147–163.
29. Amato P.R. Explaining the intergenerational transmission of divorce. // Journal of Marriage and the Family, 1996, Vol. 58, 628–640.
30. Amato P.R. The Consequences of Divorce for Adults and Children – Journal of Marriage and the Family, 2000. – Vol. 62, N. 4, Pp. 1269–1287.
31. Christensen, T. Relationships: A review of the literature // The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families, 2001, Vol. 9(3), 289–294.
32. Clarke-Stewart A. Divorce: Causes and Consequences.- New Haven: Yale University Press, 2006. 368 p.
33. Demographic yearbook. – 2012, Iss. 63. – New York: United Nations, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0579/biblio04.php> (дата обращения 16.06.2016).
34. Duran-Aydintug C. Adult children of divorce revisited: When they speak up. // Journal of Divorce and Remarriage, 1997, Vol. 27. Pp. 71–83.

35. Gaspard T., Clifford T. *Daughters of divorce: overcome the legacy of your parents' breakup and enjoy.* Chicago: Sourcebooks, 2016. 320 p.
36. Hetherington E.M., Kelly J. *For better or for worse: divorce reconsidered* – W.W. Norton, 2003, 307 pp.
37. Hewitt B., Skrbis Z., Western M. The association between parental divorce and adolescents' expectations of divorce // *Journal of Sociology*, 2012, vol. 48, № 1, Pp. 63–83.
38. Ottway A. The impact of parental divorce on the intimate relationships of adult offspring: A review of the literature // *Graduate journal of counseling psychology*: 2010, Vol. 2: Iss. 1. URL: <http://epublications.marquett.edu/gjcp/vol2/iss1/5> (дата обращения 16.06.2016).
39. Parker G., Tupling H., Brown L.B. A Parental Bonding Instrument // *British Journal of Medical Psychology*, 1979, Vol. 52, I. 1, Pp. 1–10.
40. Wallerstein J.S. The long-term effects of divorce on children: A review // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. – 1991. – Vol. 30. – Pp. 349–360.
41. Wallerstein J.S., Lewis J.M. The unexpected legacy of divorce: report of a 25-year study // *Psychoanalytical Psychology*. – 2004. – №21. – Pp. 353–370.
42. Whitton S.W., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J. Effects of parental divorce on marital commitment and confidence // *Journal of family psychology*, – 2008, Vol. 22(5). – Pp. 789–793.

Нормативные основания организации психолого- педагогической экспертизы в системе образования Российской Федерации

Умняшова И. Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (umnjashovaib@mgppu.ru)

Егоров И. А., Руководитель центра правовых исследований и разработок, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (egorovpravo@mail.ru)

В статье представлено описание результатов исследования, направленного на анализ требований к различным видам экспертизы (психолого-педагогической, психологической, педагогической) в нормативных правовых актах и других документах, регламентирующих деятельность специалистов в отечественной системе образования. Проанализировано 25 документов: федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы и письма Министерства образования и науки Российской Федерации, приказы и постановления Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Приводится описание понятия «психолого-педагогическая экспертиза» в документах, регламентирующих деятельность специалистов в системе образования. Раскрывается значение развития компетенций специалистов системы образования в области экспертизы в процессе обучения по образовательным программам высшего образования. Описываются виды экспертиз в системе образования, закрепленные в российском законодательстве: психологическая экспертиза, социально-психологическая экспертиза, педагогическая экспертиза. Показано отсутствие единого четкого определения понятия «психолого-педагогическая экспертиза» в нормативной документации.

Ключевые слова: психолого-педагогическая экспертиза, психологическая экспертиза, социально-психологическая экспертиза, педагогическая экспертиза, нормативные правовые акты.

Для цитаты:

Умняшова И.Б., Егоров И.А. Нормативные основания организации психолого-педагогической экспертизы в системе образования Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 162-177.

doi: 10.17759/psylaw.2016060312

For citation:

Umnyashova I.B., Egorov I.A. Normative base of organization of psychological and pedagogical expertise in the educational system of the Russian Federation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.162-177. doi: 10.17759/psylaw.2016060312

Психолого-педагогическая экспертиза – одна из форм психолого-педагогического сопровождения, способствующая реализации психолого-педагогических условий ФГОС общего образования [9; 11; 14]. Перед образовательными организациями, реализующими программы общего образования, стоит задача организации и проведения данного вида экспертизы.

В научной и практико-ориентированной литературе, посвященной данной проблематике, исследуются в основном отдельные теоретические и прикладные аспекты применения психолого-педагогической экспертизы в сфере образования, при этом объектами экспертизы выступают отдельные компоненты образовательной системы: *образовательная среда* (Ясвин В.А., Рубцов В.В., Слободчиков В.И., Панов В.И.), *образовательные технологии* (Гуружапов В.А., Улановская И.М.), *безопасность образовательной среды* (Баева И.А., Лактионова Е.Б.), *профессиональная деятельность педагогов* (Овчарова Р.В., Иванов Д.А.), *инновационные процессы* (Иванов Д.А., Мкртычян Г.А.), *качество образовательных услуг* (Лактионова Е.Б., Матвиевская Е.Г.) и т. д. В связи с разнообразием применения термина «психолого-педагогическая экспертиза» в научной литературе, очевидна необходимость уточнения использования данного понятия в нормативных правовых актах и других документах, регламентирующих деятельность специалистов в системе образования РФ.

Цель данного исследования – проведение анализа требований к различным видам экспертизы (психолого-педагогической, психологической, педагогической) в нормативных правовых актах и других документах, регламентирующих деятельность специалистов в системе образования РФ.

Понятие «психолого-педагогическая экспертиза» в документах, регламентирующих деятельность специалистов в системе образования

В Положении о Службе практической психологии в системе Министерства образования РФ 1999 г. одна из задач Службы была обозначена как «...участие в комплексной психолого-педагогической экспертизе профессиональной деятельности специалистов образовательных учреждений, образовательных программ и проектов, учебно-методических пособий, проводимой по инициативе органов управления образованием или отдельных образовательных учреждений» [7, п 6].

В Федеральной программе развития образования (2000) понятие психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек для детей определено как одно из направлений реализации раздела II. Направления реализации программы и ожидаемые результаты.

Основными направлениями развития системы образования являются:

- обеспечение психолого-педагогической, морально-этической и санитарно-экологической экспертиз игр и игрушек для детей;
- регуляция ассортимента игр и игрушек для детей на основе их психолого-педагогической, морально-этической и санитарно-экологической экспертиз [24, с.12–14].

Впервые необходимость проведения экспертизы игр и игрушек установлена Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (1998), где указано, что экспертиза (социальная, психологическая, педагогическая, санитарная) настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей проводится в целях обеспечения безопасности жизни, охраны здоровья, нравственности ребенка, защиты его от негативных воздействий в порядке, определенном уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти [23, ст. 14, п. 3]. В 2013 г. Правительство РФ утверждает Стратегию развития индустрии детских товаров, где одним из пунктов плана указывается разработка предложений об организации проведения психолого-педагогической экспертизы детских товаров [22, п. 39].

В 2003 г. Минобрауки публикует документ, содержащий методические рекомендации по модернизации системы образования. Задача модернизации – обеспечение доступности качественного образования, его индивидуализация и дифференциация. В документе указывается, что одно из условий модернизации образования – участие специалистов сопровождения в психолого-педагогической экспертизе профессиональной деятельности педагогов образовательных учреждений, образовательных программ и проектов, учебно-методических пособий и иных средств обучения [1], что, по сути, дублирует задачу Службы практической психологии в системе Министерства образования РФ [7, п. 6].

В 2015 г. психолого-педагогическая экспертиза определена как один из основных видов деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. Содержание данной деятельности указано как «...психолого-педагогическая оценка соответствия образовательной и социальной среды целям обучения и социализации, возрастным и индивидуальным особенностям обучающихся, воспитанников с целью обеспечения безопасной, развивающей, психологически комфортной среды» [3, п. 2.3.6]. Также указывается, что для комплексного решения вопросов повышения эффективности психолого-педагогической и медико-социальной помощи центры могут оказывать дополнительные платные услуги физическим и юридическим лицам, в частности, проводить психолого-педагогическую экспертизу развивающей среды, игрушек и игрового оборудования, компьютерных программ, произведений литературы и искусства для детей и подростков и т. п. [3, п. 4.11.3].

Профессиональный стандарт педагога-психолога (психолога в сфере образования), принятый в 2015 г. [20], выделяет психологическую экспертизу как отдельную трудовую функцию в обобщенной трудовой функции «Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в образовательных организациях общего, профессионального и дополнительного образования, сопровождение основных и дополнительных образовательных программ». Функция «Психологическая экспертиза (оценка) комфортности и безопасности образовательной среды образовательных организаций»

предполагает реализацию определенных трудовых действий, в том числе психологического мониторинга и анализа эффективности использования методов и средств образовательной деятельности; *психологической экспертизы* программ развития образовательной организации с целью определения степени безопасности и комфортности образовательной среды и т. д. [20]. Необходимость реализовывать экспертные задачи указывает на то, что у специалиста (педагога-психолога) должны быть сформированы *компетенции в области экспертной деятельности*.

Развитие компетенций в области экспертизы в высшем образовании

О необходимости развития профессиональных компетенций в области экспертной деятельности указано в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) по различным направлениям подготовки (специальностям). В документах указывается, что выпускники определенных направлений подготовки должны обладать способностью проводить *экспертизу – психолого-педагогическую, педагогическую, психологическую* и т. д. Так, например, выпускник, освоивший программу магистратуры по направлению подготовки 37.04.01 Психология, должен быть готов к составлению психодиагностических заключений и рекомендаций по их использованию в научно-исследовательской, *экспертной* и консультативной деятельности, уметь проводить *экспертизу* социальных, политических, экономических, организационных проектов с точки зрения психологических составляющих и последствий их внедрения [19, п. 4.4].

Магистр по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование» должен быть готов к проведению *экспертизы* образовательной среды; уметь проводить *экспертизу* образовательных программ, проектов, психолого-педагогических технологий с точки зрения их соответствия возрастным возможностям обучающихся и соответствия современным научным психологическим подходам в возрастной, педагогической и социальной психологии [10, п. 4.4].

В стандарте подготовки кадров высшей квалификации по направлению подготовки 44.06.01 «Образование и педагогические науки» указано, что объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу аспирантуры, являются образовательные и социокультурные системы, процессы обучения, воспитания, развития, социализации, *педагогическая экспертиза* и мониторинг [17, п. 4.2].

Специалист по направлению подготовки 050407 «Педагогика и психология девиантного поведения» должен быть готовым к проведению *психолого-педагогической экспертизы* личностного и социального развития детей и подростков, социальной среды, профилактических и коррекционно-реабилитационных программ и мер; осуществлению *социально-педагогической и психологической экспертиз* нормативных актов в части охраны прав и законных интересов детей и подростков, правил и норм охраны труда несовершеннолетних [12, п. 4.4].

Выпускник по направлению подготовки 030301 «Психология служебной деятельности» должен владеть приемами диагностики, профилактики, *экспертизы*, коррекции психологических свойств и состояний, характеристик психических процессов и различных видов деятельности индивида и групп [13, п. 6.3].

Как видно из приведенного выше анализа, компетенции в области экспертной деятельности формируются у специалистов разных специальностей – педагогов, педагогов-психологов, госслужащих, специалистов по работе с детьми с девиантным поведением. При этом существует многообразие в определении объектов экспертизы: экспертизе подвергаются проекты, программы, нормативные документы, образовательная среда, образовательные технологии, индивидуальные особенности развития детей и особенности социальной среды.

Виды экспертиз в системе образования, закрепленные в законодательстве

В нормативной документации, регулирующей деятельность специалистов в системе образования, наряду с понятием «психолого-педагогическая экспертиза», встречается использование терминов «психологическая экспертиза», «социально-психологическая экспертиза», «педагогическая экспертиза». Рассмотрим примеры употребления вышеперечисленных терминов более подробно.

Психологическая экспертиза. Данный вид экспертизы закреплен нормативно в должностных обязанностях педагога-психолога еще в 1992 г. как направление работы специалиста по профилактике девиантного (отклоняющегося) поведения, в частности, профилактике химической зависимости в подростковом возрасте, и заключается в осуществлении первичной психологической профилактики алкоголизма и наркомании среди подростков, в связи с чем педагог-психолог должен проводить *психологическую экспертизу* и психолого-педагогическую коррекцию отклоняющегося и асоциального поведения [4].

Социально-психологическая экспертиза. Необходимость проведения социально-психологической экспертизы отражена в Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005)» и заключается в проведении *социально-психологической экспертизы* публикаций, теле- и радиопрограмм, провоцирующих разжигание национальной и религиозной розни; разработке методических документов и создании условий для проведения социально-психологической экспертизы публикаций и передач в средствах массовой информации, разработке новых образовательных программ, в том числе с использованием интерактивных средств обучения и игр [5, разделы 2, 4].

В Федеральной программе развития образования на 2001–2005 гг., в разделе 4 «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе» термин *социально-психологическая экспертиза* уже не используется, при этом обозначена необходимость введения методологического инструментария *психологической и гуманитарной экспертизы* индексов толерантности как оценки гуманистического потенциала образовательных программ разных уровней, учебных материалов, продукции для детей, подростков, молодежи и педагогических кадров [8, п. 42].

Термин *социально-психологическая экспертиза* также используется в письме Минобрнауки (2009) «О совершенствовании комплексной многопрофильной психолого-педагогической и медико-социально-правовой помощи обучающимся, воспитанникам». В документе перечислены основные виды работ в рамках *социально-психологической экспертизы*: экспертиза печатных материалов и документов; экспертиза учебного плана образовательного учреждения; экспертиза учебных программ, тестовых комплектов и др.

учебных материалов для образовательного учреждения; экспертиза документов и материалов при аттестации педагогических работников (педагогов, педагогов-психологов, логопедов, дефектологов, воспитателей и других педагогических работников); проведение экспертных советов [2, п. 9].

Педагогическая экспертиза. Данный вид экспертизы представлен в нормативных документах как экспертиза нормативных правовых актов и документов (в том числе их проектов), касающихся вопросов обучения и воспитания, и экспертиза учебников и учебных пособий.

О проведении **экспертизы нормативных правовых актов и документов** (в том числе их проектов), касающихся вопросов обучения и воспитания, указано в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) в статье 94. Педагогическая экспертиза, где установлено, что педагогическая экспертиза проводится в отношении проектов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания, в целях выявления и предотвращения установления ими положений, способствующих негативному воздействию на качество обучения по образовательным программам определенного уровня и (или) направленности и условия их освоения обучающимися [25, ст. 94].

Правила проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся обучения и воспитания, установлены Правительством РФ в 2014 г. [6]. Правилами, в частности, установлено, что под негативным воздействием на качество обучения понимается введение не соответствующих возрастным, психофизическим особенностям и потребностям обучающихся форм, средств и методов обучения и воспитания, установление педагогически необоснованных требований, влияющих на объем и содержание образования, а также на планируемые результаты при организации и осуществлении образовательной деятельности, в связи с чем, на наш взгляд, очевидно, что данная экспертиза является по своему характеру и содержанию психолого-педагогической, что должно найти отражение и в ее наименовании.

Вслед за Правилами в апреле 2014 г. Минобрнауки утверждает форму заключения по результатам проведения педагогической экспертизы [16]. Но уже в мае 2015 г. Минобрнауки подготовило проект Федерального закона «О признании утратившей силу статьи 94 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” [21]. Проект был размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов¹ <http://regulation.gov.ru/projects#npra=20042> для общественного обсуждения.

В пояснительной записке к законопроекту указываются следующие причины потери актуальности проведения данного вида профессиональной деятельности.

Предусмотрен иной механизм осуществления общественного обсуждения нормативных правовых актов (Постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851). В настоящее время общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов

¹ <http://regulation.gov.ru> – Федеральный портал проектов нормативных правовых документов, официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения.

в сфере образования происходит при активном участии представителей профессионального педагогического сообщества и других участников образовательных отношений (родителей, работодателей, обучающихся, иных лиц).

Практически полное отсутствие предложений о включении в перечень экспертов специалистов.

По мнению авторов статьи, подмена *профессиональной* экспертизы *общественной* вряд ли может считаться правильной, а отсутствие предложений о включении в перечень экспертов скорее объясняется недостаточной разъяснительной работой.

Педагогическая экспертиза рассматривается в нормативных документах как **экспертиза учебников, учебных пособий**. Данный вид экспертизы регламентирует приказ Минобрнауки от 2013 г [15]. Задачи педагогической экспертизы отражены в п. 17.2 и заключаются:

- в оценке общих характеристик учебника (экспертируемое издание является учебником, наименование учебника соответствует наименованию учебного предмета или предметной области ФГОС соответствующего уровня общего образования и т. д.);
- экспертизе содержания учебника (отсутствуют сведения, противоречащие Конституции РФ, федеральному законодательству; обеспечивается выполнение требований ФГОС соответствующего уровня образования по формированию личностных, предметных и метапредметных результатов и т. д.);
- экспертизе текстового материала (соответствует нормам современного русского языка, государственных языков республик, языков народов РФ; язык изложения понятен, соответствует возрастной группе, для которой предназначен учебник; текст логичен и структурирован текста и т. д.);
- экспертизе дополнительных к учебнику материалов: методического пособия, электронной формы учебника, сборников, задачников и практикумов (соответствует структуре и содержанию учебника). При педагогической экспертизе задачников и практикумов также проводится экспертиза на наличие пошаговых решений к задачам [18]. По результатам экспертиз, проведенных в соответствии с Порядком формирования федерального перечня учебников, оформляются экспертные заключения [15].

Проведенный анализ нормативной документации, регулирующей вопросы организации психолого-педагогической экспертизы в системе образования РФ показал, что на сегодняшний день нет единого четкого определения понятия «психолого-педагогическая экспертиза». В нормативных документах и правовых актах встречаются понятия **психологическая экспертиза, социально-психологическая экспертиза, педагогическая экспертиза**, но ни в одном из анализируемых документов не представлены различия всех видов экспертизы в образовании и «зоны их пересечения», позволяющей комплексировать их усилия. **Психолого-педагогическая экспертиза** определена как направление деятельности педагога-психолога (Положение о службе практической психологии образования, 1999) и направление деятельности специалистов центров психолого-

педагогической, медицинской и социальной помощи (О совершенствовании деятельности ЦППМС, 2015), **психологическая экспертиза** выделена как одна из трудовых функций в профессиональном стандарте педагога-психолога, психолога образования (2015). В то же время психолого-педагогическая экспертиза является одной из форм психолого-педагогического сопровождения реализации ФГОС общего образования [9; 11; 14], а, значит, предполагает участие не только специалистов психологического профиля, но и других педагогических работников (педагогов, учителей-логопедов, социальных педагогов и т. д.). При этом в нормативной документации недостаточно представлен перечень специальных знаний и требований к профессиональным компетенциям педагогических работников, в чей функционал может входить проведения любого вида экспертизы в образовании.

Компетенции в области экспертной деятельности обозначены как образовательные результаты в пяти ФГОС ВО: 37.04.01 «Психология», 050400 «Психолого-педагогическое образование», 44.06.01 «Образование и педагогические науки», 050407 «Педагогика и психология девиантного поведения», 030301 «Психология служебной деятельности». В связи с отсутствием перечня требований к специалистам, осуществляющим экспертную деятельность в области образования, сложно оценить востребованность формируемых экспертных способностей в перечисленных выше программах высшего профессионального образования. Определение границ профессиональной компетентности педагогических работников, осуществляющих психолого-педагогическую экспертизу в системе общего образования, является актуальным как для системы основного общего, так и для системы высшего профессионального образования.

Разнообразие формулировок понятия экспертизы в системе образования приводит к многообразию трактовок содержания экспертной деятельности, что делает малоэффективной реализацию данной формы психолого-педагогического сопровождения. Проведенный анализ подчеркнул важность разработки и принятия официальных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность специалистов в области психолого-педагогической экспертизы в образовании и определяющих требования к экспертам, процедуре и регламенту данного вида экспертизы.

*Авторы статьи выражают благодарность **Ф.С. Сафуанову**, доктору психологических наук, профессору, заведующему кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ за консультативную поддержку в процессе подготовки публикации.*

Литература

1. Письмо Минобрнауки РФ от 27.06.2003 № 28-51-513/16 «О Методических рекомендациях по психолого-педагогическому сопровождению обучающихся в учебно-воспитательном процессе в условиях модернизации образования» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=385151;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.26291159037366896> (дата обращения: 30.05.2016).
2. Письмо Минобрнауки России от 24.09.2009 № 06-1216 «О совершенствовании комплексной многопрофильной психолого-педагогической и медико-социально-правовой помощи обучающимся, воспитанникам» // Администратор образования. 2009. № 22, ноябрь.
3. Письмо Минобрнауки России от 10.02.2015 № ВК-268/07 «О совершенствовании

- деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» // Вестник образования. 2016. № 6, март.
4. Постановление Минтруда РФ от 11.11.1992 № 33 «О согласовании разрядов оплаты труда и тарифно-квалификационных характеристик по должностям работников учреждений и организаций образования Российской Федерации» (ред. от 20.04.1993) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=320119;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.9966619475297587> (дата обращения: 30.05.2016).
 5. Постановление Правительства РФ от 25.08.2001 № 629 «О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» (ред. от 19.11.2004) // Собрание законодательства РФ. 03.09.2001. № 36. Ст. 3577.
 6. Постановление Правительства РФ от 17.02.2014 № 120 «О порядке проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания» // Собрание законодательства РФ. 24.02.2014. № 8. Ст. 816.
 7. Приказ Минобразования РФ от 22.10.1999 № 636 «Об утверждении Положения о службе практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 1999. № 22.
 8. Приказ Минобрнауки России от 27.04.2005 № 128 «О проектах, выполняемых в 2005 году в рамках Федеральной программы развития образования за счет средств, выделяемых по статье «НИОКР» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=346303;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.3798328633517831> (дата обращения: 30.05.2016).
 9. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (ред. от 31.12.2015) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 22.03.2010. № 12.
 10. Приказ Минобрнауки России от 16.04.2010 № 376 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050400 Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) “магистр”)» (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 28.06.2010. № 26.
 11. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (ред. от 31.12.2015) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 28.02.2011. № 9.
 12. Приказ Минобрнауки России от 24.12.2010 № 2062 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 050407 Педагогика и психология девиантного поведения (квалификация (степень) “специалист”)» (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 04.04.2011. № 14.

13. Приказ Минобрнауки России от 17.01.2011 № 67 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030301 Психология служебной деятельности (квалификация (степень) «специалист»)» (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 06.06.2011. № 23.
14. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования» (ред. от 31.12.2015) // Российская газета. 2012. № 139.
15. Приказ Минобрнауки России от 05.09.2013 N 1047 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» (ред. от 14.08.2015) // Российская газета. 2013. № 247.
16. Приказ Минобрнауки России от 25.04.2014 № 410 «Об утверждении формы заключения по результатам проведения педагогической экспертизы» // Российская газета. 2014. № 121.
17. Приказ Минобрнауки России от 30.07.2014 № 902 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.06.01 Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» (ред. от 30.04.2015) // Российская газета. 2015. № 15.
18. Приказ Минобрнауки России от 29.04.2015 № 450 «О Порядке отбора организаций, осуществляющих выпуск учебных пособий, которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 19.10. 2015. № 42.
19. Приказ Минобрнауки России от 23.09.2015 № 1043 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 37.04.01 Психология (уровень магистратуры)» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 15.10.2015. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201510150018> (дата обращения: 30.05.2016).
20. Приказ Минтруда России от 24.07.2015 № 514н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 20.08.2015. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201508200035> (дата обращения: 30.05.2016).
21. Проект Федерального закона «О признании утратившей силу статьи 94 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных

правовых актов и результатах их общественного обсуждения // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npr=20042> (дата обращения 30.05.2016).

22. Распоряжение Правительства РФ от 11.06.2013 № 962-р «Об утверждении Стратегии развития индустрии детских товаров на период до 2020 года и плана первоочередных мероприятий на 2013–2015 годы по ее реализации» (ред. от 17.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 24.06.2013. № 25. Ст. 3180.
23. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3802.
24. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» (ред. от 26.06.2007) // Парламентская газета. 2000. № 72.
25. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 02.03.2016) // Российская газета. 2012. № 303.

Normative base of organization of psychological and pedagogical expertise in the educational system of the Russian Federation

Egorov I.A., Head of the centre for legal research and development, Moscow State University of Psychological and Education (egorovpravo@mail.ru)

Umnyashova I.B., PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Educational psychology, Moscow State University of Psychology and Education (umnjashovaib@mgppu.ru)

The article describes the results of a study aimed at the analysis of requirements for the various types of expertise (psychological, pedagogical, psychological, pedagogical) in normative legal acts and other documents governing the activity of specialists in the national system of education. Analyzed 25 documents: Federal laws, regulations and orders of the Government of the Russian Federation, orders and letters of the Ministry of education and science of the Russian Federation, orders and decrees of the Ministry of labour and social protection of the Russian Federation. Describes the concept of "psychological and pedagogical expertise in the documents governing the activity of specialists in the education system. Reveals the importance of the development of competences of educational expertise in the process of training in educational programs of higher education. Describes the types of examinations in the education system, enshrined in the Russian legislation: a psychological examination, socio-psychological expertise, pedagogical expertise. The absence of a single clear definition of the notion "psycho-pedagogical expertise" in the regulatory documents.

Keywords: psycho-pedagogical examination, psychological examination, socio-psychological expertise, pedagogical expertise, regulations.

References

1. Pis'mo Minobrazovaniya RF ot 27.06.2003 № 28-51-513/16 «O Metodicheskikh rekomendatsiyakh po psikhologo-pedagogicheskomu soprovozhdeniyu obuchayushchikhsya v uchebno-vospitatel'nom protsesse v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya» [Elektronnyi resurs] [Letter from the Ministry of Education from 27.06.2003 № 28-51-513 / 16 "On the Guidelines for psychological and pedagogical support of students in the educational process in the conditions of modernization of education"]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=385151;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.26291159037366896> (Accesed 30.05.2016)
2. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 24.09.2009 № 06-1216 «O sovershenstvovanii kompleksnoi mnogoprofil'noi psikhologo-pedagogicheskoi i mediko-sotsial'no-pravovoi pomoshchi obuchayushchimsya, vospitannikam» [Letter of the Russian Ministry of

- 24.09.2009 № 06-1216 «On improvement of complex multidisciplinary psycho-pedagogical and medico-social and legal assistance to students and pupils"». Administrator obrazovaniya. № 22, noyabr', 2009.
3. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 10.02.2015 № VK-268/07 «O sovershenstvovanii deyatel'nosti tsentrov psikhologo-pedagogicheskoi, meditsinskoj i sotsial'noi pomoshchi» [Letter of the Russian Ministry of 10.02.2015 number of VC-268/07 "On improvement of activity of psychological and educational, health and social care centers"]. Vestnik obrazovaniya. № 6, mart, 2016.
 4. Postanovlenie Mintruda RF ot 11.11.1992 № 33 «O soglasovanii razryadov oplaty truda i tarifno-kvalifikatsionnykh kharakteristik po dolzhnostyam rabotnikov uchrezhdenii i organizatsii obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii» (red. ot 20.04.1993). [Elektronnyi resurs] [The RF Ministry of Labor of 11.11.1992 number 33 "On approval of discharges wage and tariff-qualifying characteristics for positions of employees of institutions and educational organizations of the Russian Federation" (ed.by 20/04/1993)] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=320119;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.9966619475297587> (Accesed 30.05.2016)
 5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2001 № 629 «O Federal'noi tselevoi programme «Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i profilaktika ekstremizma v rossiiskom obshchestve (2001 - 2005 gody)» (red. ot 19.11.2004) [RF Government Decree of 25.08.2001 number 629 "On the Federal Target Program" Formation of an attitude of tolerance and preventing extremism in Russian society (2001 - 2005) "(ed. by 19.11.2004)] Sobranie zakonodatel'stva RF. 03.09.2001, № 36, st. 3577.
 6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.02.2014 № 120 «O poryadke provedeniya pedagogicheskoi ekspertizy proektov normativnykh pravovykh aktov i normativnykh pravovykh aktov, kasayushchikhsya voprosov obucheniya i vospitaniya» [RF Government Resolution dated 17.02.2014 number 120 "On the order of the pedagogical expertise of draft regulations and regulations relating to the issues of training and education"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.02.2014, № 8, st. 816.
 7. Prikaz Minobrazovaniya RF ot 22.10.1999 № 636 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sluzhbe prakticheskoi psikhologii v sisteme Ministerstva obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii» [Order of the Ministry of Education of 22.10.1999 number 636 "On Approval of the Regulation on the service of practical psychology in the system of the Russian Federation Ministry of Education"]. Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii. № 22, 1999.
 8. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 27.04.2005 № 128 «O proektakh, vpolnyaemykh v 2005 godu v ramkakh Federal'noi programmy razvitiya obrazovaniya za schet sredstv, vydelyaemykh po stat'e «NIOKR» [Elektronnyi resurs] [Order of the Russian Ministry of 27.04.2005 number 128 "On projects carried out in 2005 in the framework of the Federal Program for the Development of Education for funds allocated under" R & D]. URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=346303;div=LAW;dst=0,0;rnd=203280.3798328633517831> (Accesed 30.05.2016)
 9. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 06.10.2009 № 373 «Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego

- obrazovaniya» (red. ot 31.12.2015) [Order of the Russian Ministry of 06.10.2009 number 373 "On approval and enactment of the federal state educational standard primary education" (ed. by 31.12.2015)]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 12, 22.03.2010.
10. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 16.04.2010 № 376 «Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050400 Psikhologo-pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikatsiya (stepen') «magistr»)» (red. ot 31.05.2011) [Order of the Russian Ministry of 16.04.2010 number 376 "On approval and enactment of the federal state educational standards of higher professional education in the direction of preparation 050400 Psycho-pedagogical education (qualification (degree)" master ")" (ed. by 31.05.2011)]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 26, 28.06.2010.
 11. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 № 1897 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya» (red. ot 31.12.2015) [Order of the Russian Ministry of 17.12.2010 number 1897 "On approval of the federal state educational standard of general education" (ed. by 31.12.2015)]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 9, 28.02.2011.
 12. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 24.12.2010 № 2062 «Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsial'nosti) 050407 Pedagogika i psikhologiya deviantnogo povedeniya (kvalifikatsiya (stepen') «spetsialist»)» (red. ot 31.05.2011) [Order of the Russian Ministry of 24.12.2010 number 2062 "On approval and enactment of the federal state educational standards of higher professional education in the field of training (specialty) 050 407 Pedagogy and Psychology of deviant behavior (qualification (degree)" expert ")"]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 14, 04.04.2011.
 13. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.01.2011 № 67 «Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsial'nosti) 030301 Psikhologiya sluzhebnoi deyatel'nosti (kvalifikatsiya (stepen') «spetsialist»)» (red. ot 31.05.2011) [Order of the Russian Ministry of 17.01.2011 number 67 "On approval and enactment of the federal state educational standards of higher professional education in the field of training (specialty) 030301 Psychology of Performance Management (qualification (degree)" expert ")" (ed. by 31.05.2011)]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 23, 06.06.2011.
 14. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.05.2012 № 413 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya» (red. ot 31.12.2015) [Order of the Russian Ministry of 17.05.2012 number 413 "On approval of the federal state educational standards of secondary (full) general education" (ed. by 31.12.2015)]. Rossiiskaya gazeta. № 139, 21.06.2012.

-
15. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 05.09.2013 N 1047 «Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya federal'nogo perechnya uchebnikov, rekomenduemykh k ispol'zovaniyu pri realizatsii imeyushchikh gosudarstvennyu akkreditatsiyu obrazovatel'nykh programm nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya» (red. ot 14.08.2015) [Order of the Russian Ministry of 05.09.2013 N 1047 "On approval of the formation of a federal list of textbooks recommended for use in the implementation of state-accredited educational programs of primary general, basic general, secondary education" (ed. by 08.14.2015)]. Rossiiskaya gazeta. № 247, 01.11.2013.
 16. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 25.04.2014 № 410 «Ob utverzhdenii formy zaklyucheniya po rezul'tatam provedeniya pedagogicheskoi ekspertizy» [Order of the Russian Ministry of 25.04.2014 number 410 "On Approval of the conclusion on the results of pedagogical expertise"]. Rossiiskaya gazeta. № 121, 30.05.2014.
 17. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 30.07.2014 № 902 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.06.01 Obrazovanie i pedagogicheskie nauki (uroven' podgotovki kadrov vysshei kvalifikatsii)» (red. ot 30.04.2015) [Order of the Russian Ministry of 30.07.2014 number 902 "On approval of the federal state educational standard of higher education in the field of training and education 44.06.01 pedagogical sciences (level of training of highly qualified personnel)" (ed. by 30.04.2015)]. Rossiiskaya gazeta. № 15, 28.01.2015.
 18. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 29.04.2015 № 450 «O Poryadke otbora organizatsii, osushchestvlyayushchikh vypusk uchebnykh posobii, kotorye dopuskayutsya k ispol'zovaniyu pri realizatsii imeyushchikh gosudarstvennyu akkreditatsiyu obrazovatel'nykh programm nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya» [Order of the Russian Ministry of 29.04.2015 number 450 "On the order of selection of organizations engaged in teaching aids release that are allowed to be used in the implementation of state-accredited educational programs of primary general, basic general, secondary education"]. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. № 42, 19.10.2015.
 19. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 23.09.2015 № 1043 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 37.04.01 Psikhologiya (uroven' magistratury)». Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. 15.10.2015 [Elektronnyi resurs] [Order of the Russian Ministry of 23.09.2015 number 1043 "On approval of the federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 37.04.01 Psychology (Master's level)"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201510150018> (Accesed 30.05.2016)
 20. Prikaz Mintruda Rossii ot 24.07.2015 N 514n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Pedagog-psikholog (psikholog v sfere obrazovaniya)». Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. 20.08.2015 [Elektronnyi resurs] [Order of the Ministry of Labor of Russia from 24.07.2015 N 514n "On approval of the professional standard" Teacher-psychologist (a psychologist in the field of education) "]. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201508200035> (Accesed 30.05.2016)

21. Proekt Federal'nogo zakona «O priznanii utrativshei silu stat'i 94 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Draft Federal Law "On the Invalidation of Article 94 of the Federal Law" On Education in the Russian Federation "]. Ofitsial'nyi sait dlya razmeshcheniya informatsii o podgotovke federal'nymi organami ispolnitel'noi vlasti proektov normativnykh pravovykh aktov i rezul'tatakh ikh obshchestvennogo obsuzhdeniya URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=20042> (Accesed 30.05.2016)
22. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 11.06.2013 № 962-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya industrii detskikh tovarov na period do 2020 goda i plana pervoocherednykh meropriyatii na 2013 - 2015 gody po ee realizatsii» (red. ot 17.02.2014) [Russian Federation Government Decree 11/6/2013 number 962-p "On approval of the Strategy of development of children's products industry for the period up to 2020 and a plan of priority actions for 2013 - 2015 for its implementation" (as amended on 17.02.2014.)]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.06.2013, № 25, st. 3180.
23. Federal'nyi zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii» (red. ot 28.11.2015) [Federal Law of 24.07.1998 number 124-FZ "On basic guarantees of children's rights in the Russian Federation" (ed. by 28.11.2015)]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 03.08.1998, № 31, st. 3802.
24. Federal'nyi zakon ot 10.04.2000 № 51-FZ «Ob utverzhdenii Federal'noi programmy razvitiya obrazovaniya» (red. ot 26.06.2007) [Federal Law of 10.04.2000 number 51-FZ "On the approval of the Federal Education Development Program" (ed. by 26.06.2007)]. Parlamentskaya gazeta. № 72, 15.04.2000.
25. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» (red. ot 02.03.2016) [Federal Law of 29.12.2012 number 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (ed. by 02.03.2016)]. Rossiiskaya gazeta. № 303, 31.12.2012.

Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями

Федонкина А.А., научный сотрудник ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ
(afedonkina@gmail.com)

В статье представлено описание результатов исследования, направленного на анализ требований к различным видам экспертизы (психолого-педагогической, психологической, педагогической) в нормативных правовых актах и других документах, регламентирующих деятельность специалистов в отечественной системе образования. Проанализировано 25 документов: федеральные законы, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы и письма Министерства образования и науки Российской Федерации, приказы и постановления Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Приводится описание понятия «психолого-педагогическая экспертиза» в документах, регламентирующих деятельность специалистов в системе образования. Раскрывается значение развития компетенций специалистов системы образования в области экспертизы в процессе обучения по образовательным программам высшего образования. Описываются виды экспертиз в системе образования, закрепленные в российском законодательстве: психологическая экспертиза, социально-психологическая экспертиза, педагогическая экспертиза. Показано отсутствие единого четкого определения понятия «психолого-педагогическая экспертиза» в нормативной документации.

Ключевые слова: личностная незрелость, несовершеннолетние правонарушители, задержанное развитие, личностное развитие, отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, осознанная регуляция деятельности.

Для цитаты:

Федонкина А.А. Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 178-192. doi: 10.17759/psylaw.2016060312

For citation:

Fedonkina A.A. The ability of juvenile offenders with personality immaturity to conscious leadership by their actions. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3, pp.178-192.

doi: 10.17759/psyandlaw.2016060312

В настоящее время преступность несовершеннолетних в России имеет сложную динамику: возрастание сменяется спадом, а относительная стабилизация – новой тенденцией к увеличению. Вместе с тем, число правонарушений, совершаемых подростками, остается высоким. Большая часть противоправных действий несовершеннолетних совершается под влиянием сверстников, необдуманно, без достаточного учета возможных последствий, в отдельных случаях имеет развлекательный и игровой характер. Согласно статистическим данным, от 40 до 70% несовершеннолетних правонарушителей имеют отклонения в психическом развитии и психические расстройства [10]. В связи с этим при рассмотрении феномена личностной незрелости у подростков с противоправным поведением важно учитывать дизонтогенетический и психопатологический факторы.

В юридическом аспекте уголовно-правовыми системами большинства стран учитывается то обстоятельство, что личность подростка, юноши еще находится в динамичном процессе формирования [1; 2; 11]. Тем не менее, несовершеннолетние несут уголовную ответственность, начиная с установленного законом возраста, при котором, как предполагает законодатель, подросток уже обладает определенным уровнем зрелости личности [13].

В основе уголовной ответственности лежит способность человека к осознанной саморегуляции. Эта способность как функция развитой личности в норме формируется к концу подросткового возрастного периода, охватывающего промежуток от 11–12 до 14–15 лет, что позволяет считать достаточно обоснованным правовое установление существующих в настоящее время в российском уголовном праве возрастных границ уголовной ответственности [4; 13]. Вместе с тем, не все подростки, формально достигшие возраста уголовной ответственности, обладают необходимым уровнем личностного развития. Личность – система, отвечающая за регуляцию социального поведения человека [4]. Соответственно, у подростков с незрелой личностью такая способность дефицитарна. Вариативность развития свойственна подростковому возрасту, и естественная возрастная личностная незрелость может быть нормальным явлением для подростка [3].

Одним из значимых факторов, указывающих на способность подростка отвечать за свои поступки, является способность к принятию решений, при этом уровень психосоциальной зрелости обуславливает, в том числе, принятие и антиобщественных решений [17; 23; 24; 25; 26]. Психосоциальные функции, связанные со способностью правонарушителя предстать перед судом, зарубежные авторы описывают с помощью понятия «психосоциальная зрелость» («psychosocial maturity») [18; 19; 20; 21; 22].

Проблема личностной незрелости имеет большое значение для судебной экспертной практики в связи с решением вопросов относительно ч. 3 ст. 20 УК РФ, в соответствии с которой несовершеннолетний, достигший возраста 16 (14) лет, не подлежит уголовной ответственности, если он «...вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» [14]. Вопросам интерпретации юридической категории ч. 3 ст. 20 УК РФ и особенностям ее применения в практической деятельности посвящали свои работы психологи и психиатры [4; 8; 9; 10], а также юристы [1; 2; 7; 11; 12].

Наиболее точным и обоснованным психологическим эквивалентом категории «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» является понятие «личностная незрелость» [4,8]. Вместе с тем, личностная незрелость может выявляться в структуре психопатологии и, с учетом степени выраженности психического расстройства, квалифицироваться психиатрами в рамках статьи 21 УК РФ («Невменяемость») или статьи 22 УК РФ («Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости») [10].

В настоящее время характеристики личностной незрелости, как в нормальном, так и в аномальном вариантах, не нашли достаточно полного отражения в психологических исследованиях. До сих пор не были сформулированы четкие критерии дифференциальной диагностики личностной незрелости, а также экспертные критерии оценки способности несовершеннолетнего с личностной незрелостью осознанно руководить своим поведением.

В практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних явление личностной незрелости достаточно широко распространено. Следует отметить, что выявление психологических и патопсихологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью важно не только для правильной диагностики и принятия адекватных экспертных решений, но и для профилактической работы с такими несовершеннолетними.

Феномен личностной незрелости изучается в рамках нашего исследования, проводимого на базе ФМИЦПН им. В.П. Сербского [5; 15; 16]. Анализ экспертного материала позволил установить, что у подростков с квалифицированной личностной незрелостью чаще всего встречаются психологические особенности в виде слабого развития мотивационно-смысловой сферы, социальных установок и способов взаимодействия, самосознания, регулятивных функций. Эти особенности представлены четырнадцатью признаками, специфичными для личностной незрелости: узкий кругозор, узкий круг интересов и предпочтение развлекательных форм активности, слабая сформированность самосознания, сниженный прогноз последствий собственных действий, низкое чувство ответственности, трудности конструктивного разрешения проблем, склонность к непосредственной реализации возникших побуждений, эгоцентризм, фиксация на удовлетворении собственных интересов и потребностей, зависимость от мнения референтной группы, слабая сформированность мотивационно-смысловой сферы, поверхностность суждений, недифференцированная самооценка, трудности волевого контроля активности. При определении взаимосвязей между признаками с помощью кластерного анализа было выделено несколько обобщенных групп признаков, получивших следующие обозначения: бедность мотивов и трудности организации деятельности; слабая усвоенность социальных норм и пониженный уровень морального развития; недифференцированность оценок; трудности волевого контроля активности. Совокупность описанных характеристик может рассматриваться в качестве патопсихологического симптомокомплекса аномальной личностной незрелости [5; 15; 16].

При исследовании интеллектуальной сферы несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью было обнаружено, что несовершеннолетние с аномальной личностной незрелостью демонстрировали, в целом, более низкие интеллектуальные возможности, чем несовершеннолетние без личностной незрелости и не совершавшие общественно опасных деяний, вместе с тем, их потенциальные возможности выше актуальных.

Для несовершеннолетних правонарушителей с аномальной личностной незрелостью характерны трудности организации собственной деятельности, в том числе на операциональном уровне (результаты методик «The Tower of London Test», «Пиктограммы»), что реже встречается у несовершеннолетних с нормальной личностной незрелостью и минимально – у несовершеннолетних правонарушителей с отсутствием личностной незрелости, а также у подростков с нормативным поведением.

Таким образом, у несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью выявляются специфические особенности структурно-содержательных характеристик психического и личностного развития в виде трудностей организации и планирования собственной деятельности, невысокого уровня интеллектуальных способностей, недостаточно эффективных стратегий разрешения проблемных ситуаций. Указанные особенности менее характерны для несовершеннолетних с нормальной личностной незрелостью, а также с ее отсутствием [5; 15; 16].

Настоящее исследование нацелено на определение связи психологических характеристик несовершеннолетних обвиняемых с нормальной и аномальной личностной незрелостью с потенциальной способностью и актуальной возможностью таких несовершеннолетних к осознанной регуляции собственных действий в ситуации правонарушения.

Материалом исследования стали результаты психологического обследования подэкспертных мужского пола в возрастном интервале от 14 до 18 лет, обвиняемых в различных правонарушениях. Основную группу составили 115 несовершеннолетних правонарушителей (средний возраст – 16.4 ± 0.5 года), которую мы разделили по признаку наличия и отсутствия психической патологии на группу несовершеннолетних с *нормальной* личностной незрелостью (психически здоровые) и группу с *аномальной* личностной незрелостью (с наличием психических расстройств органического спектра, поведенческих расстройств, формирующихся личностных расстройств). Группу сравнения составили 64 несовершеннолетних обвиняемых, у которых личностная незрелость как феномен экспертами констатирована не была, а также не наблюдалось психопатологии шизофренического спектра, умственной отсталости, временных болезненных состояний, лишивших подростка способности к произвольной регуляции собственной деятельности в период совершения им общественно опасных действий (средний возраст 16.3 ± 0.7 года). Были использованы методы изучения документов (медицинской документации, материалов уголовного дела), экспериментально-психологического (патопсихологического) исследования, контент-анализа экспериментально-психологических заключений, выполненных в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) несовершеннолетних обвиняемых, статистической обработки данных.

При КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого основным вопросом к экспертам является вопрос: мог ли несовершеннолетний в ситуации правонарушения полностью «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими»? Для ответа на этот вопрос необходимо установить, обладает ли подэкспертный потенциальной способностью к осознанному и волевому руководству действиями, и если эта способность имеется, то какова была актуальная возможность ее реализации при совершении инкриминируемых ему деяний [5; 8].

Потенциальная способность к осознанному и волевому руководству действиями представляет собой общую оценку интеллектуальных, эмоционально-волевых свойств субъекта, которые позволяют ему осуществлять лично опосредованную регуляцию поведения в социуме. Потенциальная способность к регуляции социально значимого поведения является, в частности, предпосылкой уголовной ответственности субъекта [13]. Общая оценка этой способности может быть получена на основании исследования подэкспертного в рамках КСППЭ.

В табл. 1 представлена частота встречаемости признаков, характерных для личностной незрелости, у несовершеннолетних с констатированной в экспертизе способностью к осознанной регуляции деятельности и отсутствием таковой (приведены только те признаки, частота которых статистически значимо различается по критерию Фишера на уровне $p < 0,01$).

Таблица 1

Относительная частота встречаемости признаков личностной незрелости у несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью при сохранной и отсутствующей потенциальной способности к осознанной регуляции деятельности

Признаки, характеризующие личностную незрелость	Потенциальная способность к осознанной регуляции деятельности	
	Сохранна	Отсутствует
Узкий кругозор	37.5%	56.1%
Узкий круг интересов, в основном развлекательного характера	45.8%	60.4%
Сниженный прогноз последствий своих действий	43.5%	68.9%
Трудности конструктивного разрешения проблемных ситуаций	45.8%	62.9%
Склонность к непосредственной реализации возникших побуждений	29.1%	48.3%
Зависимость от мнения референтной группы	54.1%	80.2%
Слабая сформированность мотивационной и нормативной сфер	62.5%	80.3%
Трудности волевого контроля активности	45.8%	74.5%

У таких признаков, как слабая сформированность самосознания, низкое чувство ответственности, фиксация на удовлетворении собственных интересов и потребностей, поверхностность и облегченность суждений, недифференцированность самооценки, значимых различий выявлено не было.

Признаки со значимыми различиями были выделены в качестве критериев неспособности несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью к осознанной произвольной регуляции своей деятельности. Соответственно, такими критериями являются пониженный интеллектуальный уровень, а также признаки, характеризующие бедность мотивов и трудности организации деятельности, слабую усвоенность социальных норм и пониженный уровень морального развития, трудности волевого контроля активности.

Эмпирическими признаками названных критериев в ситуации экспертизы являются нецеленаправленность поведения, трудности организации и коррекции несовершеннолетними своей деятельности при выполнении экспериментальных заданий. По результатам экспериментально-психологического исследования и анализа материалов уголовного дела выявляются трудности волевого контроля, слабый прогноз последствий собственных действий, склонность к непосредственной реализации возникших побуждений, слабое усвоение социальных норм, развлекательный и игровой характер интересов, поверхностность суждений, ориентация на мнение значимого окружения.

Основными критериями потенциальной способности несовершеннолетних, как с нормальной, так и с аномальной личностной незрелостью, к осознанной волевой регуляции собственной деятельности служат достаточный интеллектуальный уровень либо его нерезко выраженное понижение, а также, несмотря на имеющиеся признаки незрелости, способность несовершеннолетнего учитывать в своем поведении социальные нормы и правила самостоятельно либо в условиях внешней регламентации.

Наличие у несовершеннолетнего потенциальной способности к осознанной регуляции социального поведения является предпосылкой констатации полной или ограниченной актуальной возможности сознательно руководить своими действиями в ситуации правонарушения. Отсутствие потенциальной способности одновременно означает отсутствие и актуальной возможности несовершеннолетнего осознанно и произвольно руководить своими общественно опасными действиями в ситуации правонарушения.

Актуальная возможность несовершеннолетних обвиняемых осознавать значение своих действий и руководить ими в ситуации совершения общественно опасных действий является более конкретным ситуационным проявлением потенциальной способности несовершеннолетних осознанно руководить своим поведением [5]. Основными факторами, определяющими возможность несовершеннолетнего осознанно руководить своими действиями, являются проявления его индивидуальных свойств в ситуации правонарушения, особенности личностного развития несовершеннолетнего, характер криминальной ситуации. Для исследования особенностей криминальной ситуации важно определить ее внешние и внутренние условия, в том числе характер мотивации несовершеннолетнего. Взаимодействие этих факторов, выявляемое путем комплексного анализа всей имеющейся информации по делу и результатов психолого-психиатрического исследования, лежит в основе экспертной оценки актуальной возможности несовершеннолетнего осознанно руководить своими действиями в ситуации правонарушения.

Таблица 2

Оценка актуальной возможности несовершеннолетних обвиняемых в соответствии с параметрами личностной незрелости

Параметры личностной незрелости	Актуальная возможность			
	Отсутствует	Ограниченная		Полная
		Аномальный вариант развития	Нормальный вариант развития	
Общий характер личностной незрелости	Парциальная или выраженная	Парциальная	Парциальная	Нерезко выраженная
Интеллектуальный уровень	Пониженный	Достаточный или пониженный	Достаточный	Достаточный
Характер организации интеллектуальной деятельности	Трудности самостоятельной организации своей деятельности и продуктивного использования помощи	Трудности самостоятельной организации своей деятельности при способности к использованию внешней помощи	Некоторые трудности самостоятельной организации деятельности при продуктивности внешней коррекции и помощи	Способность к самостоятельной организации деятельности либо некоторые трудности при продуктивности внешней коррекции и помощи
Характер поведения в ситуации исследования	Нецеленаправленность поведения, трудности коррекции и организации своей деятельности	Некоторая неупорядоченность поведения при способности к коррекции в условиях внешней регламентации	Относительно устойчивая линия поведения в стабильных условиях и некоторая дезорганизация в субъективно сложных обстоятельствах	Относительная упорядоченность поведения в ситуации исследования

Поведение в группе сверстников	Преимущественно роль ведомого	Тенденции к самоутверждению в группе сверстников	Формальные исполнители, руководствуются мнением и оценками сверстников	Могут занимать позицию лидера в группе
Психологические механизмы совершения инкриминируемых общественно опасных действий (ООД)	Склонность к непосредственной реализации возникших побуждений	Незрелая мотивационная направленность	Зависимость поведения от внешних обстоятельств и незрелых внутренних побуждений	Проявление агрессивных тенденций, эмоциональной неустойчивости, возбудимости
Особенности организации действий при совершении инкриминируемых ООД	Отразившиеся в ООД существенные трудности волевого контроля и прогноза последствий своих действий, склонность к непосредственной реализации возникших побуждений, слабое усвоение социальных норм	Ограничение функций прогнозирования, оценки, планирования и контроля противоправных действий в ситуации ООД	Дефицит оценочных, прогностических и контролирующих функций в системе регуляции поведения в ситуации ООД (при способности, в целом, учитывать в своем поведении социальные нормы и правила)	Способность к осознанному контролю своей деятельности в ситуации ООД

Проявления личностной незрелости при отсутствии актуальной возможности осознавать значение своих действий и руководить ими при совершении общественно опасных деяний в рамках интеллектуального компонента характеризуются пониженным интеллектуальным уровнем, обусловленным, в том числе, социально-педагогической запущенностью. В рамках эмоционально-волевого компонента наблюдаются трудности волевого контроля, слабый прогноз последствий собственных действий, склонность к непосредственной реализации возникших побуждений, слабое усвоение социальных норм, развлекательный и игровой характер интересов, поверхностность суждений, ориентация на мнение значимого окружения. В ситуации экспертизы при выполнении экспериментальных заданий наблюдается нецеленаправленность поведения, трудности коррекции и организации своей деятельности.

Проиллюстрируем эти положения примером.

Пример 1. Подросток Т., 15 лет, совершил насильственные действия сексуального характера в отношении малолетней С. Из показаний Т. следует, что во время компьютерной игры он увидел в интернете изображение сексуального взаимодействия мужчины и женщины. На тот момент Т. не был осведомлен об особенностях сексуальных взаимоотношений. Во время прогулки Т. встретил знакомую ему ранее С., предложил ей отойти за дом и показать ее половые органы, затем потрогал половые органы С. Свои действия объяснял тем, что после просмотра изображения сексуальной сцены появился интерес «увидеть все по-настоящему». Экспертами психиатрами были установлены диагнозы «органическое расстройство личности» и «задержка нормального темпа физического развития». Психологом описывалась выраженная личностная незрелость, проявлявшаяся в склонности к непосредственной реализации возникших побуждений без достаточного учета внешних обстоятельств, игровой характер интересов, трудности волевого контроля и прогноза последствий своих действий.

Проявления личностной незрелости при ограниченной («не в полной мере») актуальной возможности несовершеннолетнего осознавать значение своих действий и руководить ими при совершении общественно опасных деяний представлены достаточным или невысоким интеллектуальным уровнем, трудностями самостоятельной организации собственной деятельности, трудностями конструктивного разрешения проблем, ориентацией преимущественно на собственные желания, эгоцентризмом, трудностями прогноза последствий собственных действий, волевого контроля, поверхностностью суждений. Описанные особенности проявлялись в ситуации правонарушения наряду с незрелой мотивационной направленностью (развлекательная мотивация, мотивация непосредственного удовлетворения внезапно возникших желаний, самоутверждения в группе сверстников). Отмеченные особенности проявлялись в актуальном ограничении функций планирования, оценки, прогноза и контроля общественно опасных действий в ситуации совершения правонарушения.

Пример 2. Несовершеннолетний О., 16 лет, обвиняется краже. Из показаний О. известно, что он решил проникнуть в дом неизвестного ему лица, с собой у него была отвертка для вскрытия замка. О. отмечал, что хотел «взять что-то для себя... нужные вещи», у потерпевшего забрал предметы бытового использования. В ходе исследования психиатрами был выставлен диагноз: «легкое когнитивное расстройство». Психологом выявлялась нерезко выраженная личностная незрелость, отмечались трудности прогноза последствий собственных действий, поверхностность суждений, ориентация на собственные непосредственные желания.

Несовершеннолетние обвиняемые с нормальной личностной незрелостью, способные осознавать значение своих действий и руководить ими при совершении общественно опасных деяний, однако не в полной мере в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (ч.3 ст. 20 УК РФ), демонстрируют достаточный интеллектуальный уровень и способность к удержанию относительно стабильной линии поведения при некоторых трудностях самостоятельной организации деятельности. Парциальная личностная незрелость обнаруживается в поверхностности и облегченности суждений, развлекательной направленности интересов, склонности к непосредственной реализации внезапно возникших побуждений, трудностях конструктивного разрешения проблем, слабом прогнозе последствий собственных действий, некоторых трудностях волевого контроля, ориентации на мнение значимого окружения, некоторой ведомости, зависимости поведения от внешних обстоятельств. В условиях внешней регламентации

отмечена способность несовершеннолетнего учитывать в собственном поведении социальные нормы и правила. Такие несовершеннолетние, совершая общественно опасные действия в группе, являются формально исполнителями и руководствуются мнением и оценками сверстников, либо, в ситуации совершения правонарушения вне группы, ориентируются на собственные непосредственные желания, не учитывают в достаточной степени внешние обстоятельства, что свидетельствует об актуальном дефиците прогностических, контролирующих и оценочных функций в системе регуляции поведения.

Пример 3. *Несовершеннолетний Н., 14 лет, совершил ложный звонок о взрывном устройстве. Как следует из объяснений Н. и свидетелей, он решил позвонить в школу после того, как один из подростков «пошутил» о возможности совершить подобный звонок. Н. пояснил, что позвонил учителю школы и «сказал первое, что пришло в голову» для того, чтобы «посмеяться с друзьями». При беседе в рамках КСППЭ отмечал, что слышал об уголовной наказуемости подобных деяний, однако в тот момент не предполагал, что учительница отнесется серьезно к звонку, полагал, что она поймет, что это шутка. По заключению эксперта-психолога, у Н. выявлялась личностная незрелость, наблюдались такие особенности, как зависимость поведения от внешних обстоятельств, склонность к непосредственной реализации внезапно возникших побуждений, некоторые трудности волевого контроля и прогноза последствий своих действий. Обнаруживался достаточный интеллектуальный уровень. При ответе на вопрос о наличии у Н. отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, и его влиянии на способность к произвольной регуляции своего поведения во время совершения инкриминируемых ему деяний, был сделан вывод, что в силу выявляемого у Н. отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, он мог, в целом, однако не в полной мере, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.*

Полная актуальная возможность несовершеннолетнего осознавать значение своих действий и руководить ими при совершении общественно опасных деяний обеспечивается достаточным интеллектуальным уровнем, в ситуации экспериментально-психологического исследования отмечается упорядоченность поведения. Несмотря на некоторые трудности самостоятельной организации деятельности подростка, внешняя коррекция продуктивна. Проявления незрелости, как правило, нерезко выражены и представлены такими особенностями, как поверхностность суждений, ориентация на мнение значимого окружения, развлекательный характер интересов. В отдельных случаях личностная незрелость сочетается с чертами формирующейся личностной дисгармонии, что уже свидетельствует о становлении определенной личностной структуры, хотя и имеющей аномальный характер. Наряду с этим, встречаются иные ключевые психологические механизмы совершения инкриминируемых действий (агрессивные тенденции, эмоциональная неустойчивость, возбудимость) и включение дополнительных ситуативных факторов (алкогольное опьянение).

Таким образом, в проведенном исследовании мы определили взаимосвязь личностной незрелости и способности несовершеннолетнего правонарушителя к осознанной регуляции своей деятельности. Результаты исследования могут быть полезны как для фундаментальной науки, в частности, понимания личностной незрелости у подростков как специфического психологического и психопатологического явления и построения модели психологического симптомокомплекса личностной незрелости, так и для практики. В

практическом плане они могут быть использованы для уточнения диагностики и принятия экспертных решений при проведении КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых.

Литература

1. *Артеменко Н.В.* Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности: Сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 1999. 32 с.
2. *Байбарин А.А.* Уголовно-правовая дифференциация возраста. М.: Высшая школа, 2009. 252 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Педология подростка. М.: Педагогика, 1983. 432 с.
4. *Дозорцева Е.Г.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // *Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова.* М.: Генезис, 2005. С. 480–506.
5. *Дозорцева Е.Г.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых (психологический аспект): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1988. 22 с.
6. *Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А.* Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru.* 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62522.shtml (дата обращения: 05.04.2016).
7. *Душкина Е.О.* Исключение уголовной ответственности несовершеннолетних вследствие отставания в психическом развитии: автореф. ... дис. канд. юр. Наук. М., 2005. 200 с.
8. *Кудрявцев И.А.* Концептуальные и экспертные проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних (применение ч. 3 ст. 20 УК РФ) // *Российский психиатрический журнал.* 1998. № 4. С. 34–42.
9. *Кудрявцев И.А., Миньковский Г.М., Ситковская О.Д.* Теоретические и экспертные аспекты применения ч. 3 ст. 20 УК РФ // *Российский психиатрический журнал.* 1998. № 2. С. 33–41.
10. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Чибисова И.А.* Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе: руководство для врачей. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 124 с.
11. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М.: Дело. 2001. 272 с.

12. Огурцов С.А. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством как основание применения ч. 3 ст. 20 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1(9). С. 39–44.
13. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий. М.: Контракт, Вольерс Клувер, 2009. 192 с.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2016. 256 с.
15. Федонкина А.А. Категория возрастной незрелости в юридическом контексте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 3. С. 41–50. doi:10.17759/psyedu.2014060305
16. Федонкина А.А. Характеристики личностной незрелости у несовершеннолетних правонарушителей // Психическое здоровье. 2015. № 12 (115). С. 47–55.
17. Cauffman E., Steinberg L. Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults // Behavioral Sciences and the Law. 2000. № 18. P. 741–760.
18. Greenberger E., Josselson R., Knerr C., Knerr B.. The measurement and structure of psychosocial maturity // Journal of Youth and Adolescence. 1974. № 4. P. 127–143.
19. Grisso T., Steinberg L., Woolard J., Schwartz R. Juveniles competence to stand trial: A comparison of adolescents and adults capacities as trial defendants // Law and Human Behavior. 2003. № 27. P. 333–363.
20. Lindberg B.J. Psycho-Infantilism // Acta psychiatrica et neurologica. Supplementum. 1950. № 1.
21. Poythress N.G., Lexcen F.J., Grisso T., Steinberg L. The competence-related abilities of adolescent defendants in criminal court // Law and Human Behavior. 2006. № 30(1). P. 75–92.
22. Segrave D., Grisso T. Adolescent development and the measure of juvenile psychopathy // Law & Human Behavior. 2002. № 26. P. 219–239.
23. Steinberg L., Cauffman E. Maturity of judgment in adolescence: Psychosocial factors in adolescent decision making // Law and Human Behavior. 1996. № 20. P. 249–272.
24. Steinberg L., Monahan K. C. Age differences in resistance to peer influence // Developmental Psychology. 2007. № 43. P. 1531–1543.
25. Steinberg L., Scott E. Less guilty by reason of adolescence: Developmental immaturity, diminished responsibility, and the juvenile death penalty // American Psychologist. 2003. № 58. P. 1009–1018.
26. Torrente G., Vazsonyi A.T. Adolescence and Social Deviance // Anales de psicología. 2012. Vol. 28. № 3. P. 639–642.

The ability of juvenile offenders with personality immaturity to conscious leadership by their actions

Fedonkina A.A., research officer of The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (afedonkina@gmail.com)

This article discusses the characteristics of the phenomenon of personality immaturity, stand out its main features, described differences in their quantitative representation of juvenile offenders, clinical features the diagnosis of mental disorders in juvenile offenders with personality immaturity. Special attention is given to how identified characteristics of personality immaturity affects to the ability of juvenile offenders to conscious regulation of their activities, including the potential ability and current ability of minors accused to realize the significance of their actions and control them when they commit socially dangerous acts. The studied parameters are compared in samples of juvenile offenders with personality immaturity and without it.

Keywords: personality immaturity, juvenile offenders, impaired development, personality development, the lag of mental development not associated with mental disorder, conscious regulation of activity.

References

1. Artemenko N.V. Aktual'nye problemy vmenyaemosti (nevmenyaemosti) i vozrasta ugovnoi otvetstvennosti: Sravnitel'nyi istoriko-pravovoi analiz ugovnogo zakonodatel'stva RF i Frantsii. [Actual problems of responsibility (insanity) and the age of criminal responsibility: Comparative historical and legal analysis of the criminal laws of the Russian Federation and France]. Avtoref. dis. – Rostov-na-Donu, 1999. – 32 p.
2. Baibarin A.A. Ugolovno-pravovaya differentsiatsiya vozrasta: monografiya [Criminal legal age differentiation: monograph] / M.: Vysshaya shkola, 2009. – 252 p.
3. Vygotskii L. S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 4. Pedologiya podrostka. [Collected Works: in 6 vol. Vol.4. Adolescent pedology]. Moscow: Pedagogika, 1983. 432 p.
4. Dozortseva E.G. Kompleksnaia sudebnaia psikhologo-psikhiatricheskaia ekspertiza nesovershennoletnego obviniaemogo [A comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of juvenile offender]. In Dmitrieva T.B., Safuanov F.S. (ed.) *Meditssinskaia i sudebnaia psikhologiya. Kurs lektsii: Uchebnoe posobie*, Moscow: Genezis, 2005, pp. 480 – 506.
5. Dozortseva E.G. Kompleksnaia sudebnaia psikhologo-psikhiatricheskaia ekspertiza nesovershennoletnikh obviniaemykh (psikhologicheskii aspekt). Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [A comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of

- juvenile offenders (psychological aspect). Ph. D. (Psychology) Thesis]. Leningrad, 1988. 22 p.
6. Dozortseva E.G., Fedonkina A.A. Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei s lichnostnoi nezrelost'iu [Elektronnyi resurs] [Psychological characteristics of juvenile offenders with personal immaturity]. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru*. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62522.shtml (Accessed: 05.04.2016). (In Russ., abstr. in Engl.).
 7. Dushkina E.O. Isklyuchenie ugovnoyi otvetstvennosti nesovershennoletnikh vsledstvie otstavaniya v psikhicheskom razvitii [Exclusion of juvenile criminal responsibility due to mental retardation]. Avtoref. dis. – M., 2005. – 200 p.
 8. Kudryavtsev I.A. Kontseptual'nye i ekspertnye problemy ugovnoyi otvetstvennosti nesovershennoletnikh (primenenie ch. 3 st. 20 UK RF) [Conceptual and expert criminal liability of minors problems (use h. 3 of Art. 20 of the Criminal Code)]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal [Russian psychiatric journal]*, 1998. no 4. pp. 34 – 42.
 9. Kudryavtsev I.A., Min'kovskii G.M., Sitkovskaya O.D. Teoreticheskie i ekspertnye aspekty primeneniya ch. 3 st. 20 UK RF [Theoretical and expert aspects of the application h. 3 Art. 20 of the Criminal Code]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal [Russian psychiatric journal]*, 1998. no 2. pp. 33-41
 10. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Oshevskii D.S., Chibisova I.A. Kompleksnaia psikhologo-psikhiatricheskaia ekspertiza nesovershennoletnikh obviniaemykh v ugovnom protsesse: rukovodstvo dlia vrachei [A comprehensive psychological and psychiatric examination of juvenile offenders in criminal proceedings: a guide for physicians]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. 124 p.
 11. Mel'nikova E.B. Yuvenal'naya yustitsiya: problemy ugovnogo prava, ugovnogo protsessa i kriminologii [Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Ucheb. posobie. Vol. 2. Moscow: Delo. 2001. 272 p.
 12. Ogurtsov S.A. Otvastanie v psikhicheskom razvitii, ne svyazannoe s psikhicheskim rasstroistvom kak osnovanie primeneniya ch. 3 st. 20 UK RF [The lag in mental development, is not associated with a mental disorder as a ground application h. 3 t. 20 of the Criminal Code]. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii [Library of Criminal Law and Criminology]*, 2015. no 1(9). pp. 39-44.
 13. Sitkovskaia O.D. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Psikhologicheskii kommentarii [The Criminal Code of the Russian Federation. Psychological comment]. Moscow: Kontrakt, Vol'ers Kluver, 2009. 192 p.
 14. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [The Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2016. 256 p.
 15. Fedonkina A.A. Kategoriia vozrastnoi nezrelosti v iuridicheskom kontekste [Elektronnyi resurs] [The Category of Immaturity in a Legal Context]. *Psikhologicheskaja nauka i*

obrazovanie PSYEDU.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014. Vol. 6, no. 3, pp. 41–50. doi:10.17759/psyedu.2014060305. (In Russ., abstr. in Engl.)

16. Fedonkina A.A. Kharakteristiki lichnostnoi nezrelosti u nesovershennoletnikh pravonarushitelei [The features of personality immaturity in young offenders]. Psikhicheskoe zdorov'e [Mental health]. 2015, no. 12 (115), pp. 47-55.
17. Cauffman E., Steinberg L. Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults // Behavioral Sciences and the Law. 2000. № 18. – p. 741-760.
18. Greenberger E., Josselson R., Knerr C., & Knerr B.. The measurement and structure of psychosocial maturity // Journal of Youth and Adolescence. 1974. № 4. – p. 127–143.
19. Grisso T., Steinberg L., Woolard J., Schwartz R. Juveniles competence to stand trial: A comparison of adolescents and adults capacities as trial defendants // Law and Human Behavior. 2003. № 27 – p. 333-363.
20. Lindberg B.J. Psycho-Infantilism // Acta psychiatrica et neurologica. Supplementum. 1950. № 1.
21. Poythress N.G., Lexcen F.J., Grisso T., & Steinberg L. The competence-related abilities of adolescent defendants in criminal court // Law and Human Behavior. 2006. № 30(1) – p. 75-92.
22. Segrave D., & Grisso T. Adolescent development and the measure of juvenile psychopathy // Law & Human Behavior. 2002. № 26 – p. 219-239.
23. Steinberg L., Cauffman E.. Maturity of judgment in adolescence: Psychosocial factors in adolescent decision making // Law and Human Behavior. 1996. № 20 – p. 249-272.
24. Steinberg L., Monahan K. C. Age differences in resistance to peer influence // Developmental Psychology 2007. № 43 – p. 1531–1543.
25. Steinberg L., & Scott E. Less guilty by reason of adolescence: Developmental immaturity, diminished responsibility, and the juvenile death penalty // American Psychologist. 2003. № 58 – p. 1009-1018.
26. Torrente G., Vazsonyi A. T. Adolescence and Social Deviance // Anales de psicología. 2012. vol. 28, № 3 – p. 639-642.